

От редактора	2	Бог есть
Владыка Назарий (Лавриненко)	4	Александро-Невской Лавре 300 лет
Благовест-медиа	20	Диалог православных и католиков
Режиссер Николай Горячкин	22	Фильм. «Православный Рим»
Архимандрит Александр (Федоров)	32	Смысл и значение иконы Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь
Место свято	38	Славянский календарь поэта
Андрей Шацков	48	Сборник. «Отзвуки небес»
Духовная поэзия	74	Маня Гема. <i>Рассказ</i>
Аркадий Маргулис Виталий Каплан	80	Выборы LIFE. <i>Главы из романа</i>
Владимир Хохлев	90	МАПП и читающая Европа
Марат Каландаров	138	Искусство портрета
Алексей Кривцов	148	Остров Валаам
Паломнику	158	

Журнал
НЕВЕЧЕРНИЙ СВЕТ / INFINITE
№ 1, 2012

Учредитель: Владимир Хохлев

Издатель: ООО «ГОРОД»

Главный редактор: Владимир Хохлев,

e-mail: hohlev@list.ru

Компьютерная верстка: Ольга Дмитриева

Адрес редакции: Россия, 191036, Санкт-Петербург,
Суворовский пр. д. 23, литера А,
помещение 3-Н, ООО «ГОРОД»
Тел.: 710-37-08, моб.: 8-960-246-60-02

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-48828 от 02 марта 2012 г.
Цена договорная. Тираж: 1000.

© Журнал «НЕВЕЧЕРНИЙ СВЕТ / INFINITE», 2012.
ISSN 2303-9396 = Nevečernij svet infinite

Тексты, поступившие в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов
и использование их в любой форме,
в т. ч. электронных СМИ, без разрешения редакции
не допускается.

Редакция не несет ответственности за содержание
и достоверность рекламных материалов.

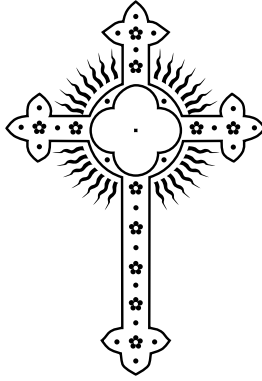
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов и респондентов.

Все рекламируемые товары и услуги
имеют необходимые сертификаты и лицензии.

При подготовке этого номера
использованы материалы интернет-сайтов.

Отпечатано в типографии «АНТТ-Принт»
190005, Россия, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., д. 29.
Тел./факс: 251-59-60, тел.: 251-60-75, 251-65-05
E-mail: ANTT-print@yandex.ru

Зак. №

БОГ ЕСТЬ

*О Боге
свидетельствуют
красота и устройство мира*

Только Художник мог создать рисунок мира. Для радости глаза.
Синь и глубина неба, совершенное по композиции крыло бабочки, линии
тела человека... Как могли родиться сами по себе?

Только Композитор мог наполнить мир звуками. Чтобы слышало ухо. Шум сосен на ветру и плеск волн, голоса птиц и человеческое пение, орган в храме и колокольный звон. Как могли зазвучать сами?

Только Парфюмер мог дать вещам запахи. Чтобы различал нос. Аромат клубники и запах древесных опилок, дым печки и дух жареного мяса, запахи моря и ладана в церкви. Как могли возникнуть самостоятельно?

Только Кулинар мог снабдить пищу вкусами. Чтобы знал язык.
Соленый огурец и сладкое пирожное, перец и горчица, лимонный сок
и крепленое вино. Как могли разделиться по вкусам без помощи?

Только Синоптик мог создать погоды. Чтобы реагировала кожа.
Мороз и жара, пронзающий ветер и влажный туман, дожди, снега и грады.
Как могут приходить и уходить без команды?

Только Часовщик мог создать времена и сроки жизни. Чтобы считал ум. Рассветное утро и закатный вечер, зима и лето, осень и весна, дни, годы и тысячелетия. Как могут сменяться без толчка?

Только Любящий мог создать любовь. Для наполнения души. Чувства к любимому, радость и боль, ожидание и надежда, разочарование и окрылённость. Как могут входить в сердца сами?

Только Творец мог расположить к творчеству. Чтобы созидал человек. Хижины из камыша и каменные дворцы, фортепьянные концерты и холсты маслом, сказки и стихи, романы. Как могут твориться без вдохновения извне?

Только Господь мог дать веру. Чтобы дух человеческий стремился к Истине. Пророки и учителя, апостолы и святые подвижники, иноки в кельях и юродивые Христа ради. Как могли явиться на земле без участия Бога?

И кто там сказал: «Нет Бога»?
Кто заставил женщин раздеваться и выйти на парад с надписью на футболках
через всю грудь «Бога нет!»?

Жалки и ничтожны пред Создателем, смешны люди, считающие мир несо-
творенным. Верят в нелепые человеческие учения. Теории, гипотезы, пред-
посылки, предположения. Которые возникли не от желания узнать правду,
а от гордости, заносчивости и глупости.

А Бог терпит. Он терпелив.
Он есть и никуда не делся. Он был, есть и будет — во времени.
Сущий — в Вечности.
Человека Он создал по своему образу и подобию, чтобы человек стал Богом.
Не просто получил награду после смерти за праведную земную жизнь, а научился в течение этой земной жизни соработать с Богом.
Творить вместе с Ним.

Главный редактор «НСИ» Владимир Хохлев

Свято-Троицкой Александрово-Невской Лавры 200 лет

*Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна,
тщетна и вера ваша.
(1 Кор. 15:12–14)*

Наместник Свято-Троицкой
Александровской Лавры,
викарий Санкт-Петербургской епархии,
ЕПИСКОП ВЫБОРГСКИЙ НАЗАРИЙ

— Владыка, после окончания Крымского сельскохозяйственного института и службы в армии Вы работали в Центральном республиканском ботаническом саду Академии наук Украинской ССР. В должности старшего инженера. А в 1982 году, в возрасте 30 лет, поступили в Ленинградскую духовную семинарию. Что подвигло на такой поворот?

— Да никаких особых поворотов, переворотов и чудес не было. Во мне ничего не снилось. Первые понятия о Церкви и Боге я получил еще в детстве. Моя мама — и вообще вся наша семья — никогда не отрицала Бога. Но моя семья относилась к так называемым «теплохладным». Вы знаете, в те годы открыто говорить о своей вере не каждый мог. И только моя мама была по-настоящему

церковной, не только декларирующей свою веру. С раннего детства — сколько я себя помню — вплоть до второго класса, я с мамой часто бывал в церкви...

— Во втором классе Вам на голове выстригли крест?

— Да, в 1961 году. Мне не было еще и девяти лет. На Пасху комсомольцы и учителя провели облаву. Я попался. После неё в школе мне выстригли на голове крест и запретили стричься. Чтобы он долго зарастал и все имели возможность издеваться над «святошей». После этого я был уже не в храме, а возле него.

Во время учебы в институте мне приходилось скрывать свою религиозность, но я всегда стремился так или иначе попасть в церковь. В Симферополе было всего два храма. И везде глаза и уши... Поэтому в церковь нужно было ходить осторожно. Только лишь в Киеве, в большом городе, когда я поступил на работу в Ботанический сад, я сразу же пошел петь в церковный хор.

Моя религиозность никогда не сходила на нет. Она была только немного задавлена внешними обстоятельствами. Сотрудники Ботанического сада, прекрасные люди, которых я сейчас вспоминаю с огромной душевной теплотой, знали о том, что я пою в церковном хоре. Я никогда с ними на эту тему не говорил, но они знали... И ни разу меня не продали.

Приход в Церковь в зрелом возрасте, когда вера уже «выношена», это не просто мальчишеское увлечение — это осознанный поступок.

— Я вспоминаю свою историю. В 30 лет, в храме Духовной академии, вот рядом с Лаврой, я был крещен.

— А я крещен в младенчестве.

— Вы пришли в семинарию в 82 году, во времена жесткого атеизма. До перестройки, до возрождения Православия еще долгий десяток лет... Кому в то время нужны были священники?

— Существовала побудительная причина сделать это именно тогда. Я занимался селекцией, практически генетикой. Сдавал кандидатский минимум, готовился в аспирантуру, для того чтобы защитить диссертацию. Но те годы были не самыми лучшими для науки. Когда начала «вырисовываться» диссертация, мне не очень нравилась атмосфера, в которой это происходило. Мне казалось, что моя работа никому — в том числе и мне — не принесет никакой пользы.

У меня с детства обостренное чувство справедливости. Я не захотел кривить душой. И просто оставил эту работу. Передал тему другому аспиранту, который через три или четыре года защитился. Слава Богу — не пропали мои труды...

— То есть Вы руководствовались велением сердца? В чистом виде.

— Да! К этому времени я уже достаточно укрепился в вере, или — вернее сказать — моя вера начала искать практического применения. По субботам или во время какого-нибудь церковного праздника я уже не чувствовал себя спокойным вне храма. И решил...

Когда Бог призывает, то ничего не страшно...

— К 82 году укрепились, а в 61-м? Что помогло перенести комсомольское невежество и издевательства сверстников? В таком юном возрасте...

— Вы знаете, так называемая детская и юношеская жестокость прояв-

ляется тогда, когда собирается стая. В которой у подростков возникает желание выпендриться, «показать себя».

— Как в фильме «Чучело»...

— Да, да... Может быть... Но когда ты остаешься один на один со своим приятелем, с которым пас коров, бегал купаться на пруд, — он становится тем же пацаном, что и был раньше. Никаких издевательств не было и в помине. Каждый из моих друзей вел себя так. Тем более что они сами не чурались в Рождество и Пасху славить Христа и христосоваться красенками.

Издавались только в школе... Конечно, было больно, не хотелось туда идти... Но я воспитывался в строгой дисциплине, для меня было страшно и непонятно: как это — не пойти в школу. Это целая трагедия. Даже если по болезни я оставался дома — это превращалось в настоящее испытание.

У нас в селе были хорошие, крепкие нравы... Не поздороваться со старшим было нельзя. Жить не по совести — нельзя. Село у нас такое древнее. С хорошими народными традициями. И это больше дошло, чем какие-то там насмешки. Ну, поиздевались ребята немножко, потом все привыкли. Я вспоминал эту историю долго, пока все не заросло... И в прямом и в переносном смысле. Конечно, если серьезно, то она и сейчас вспоминается, и это останется на всю жизнь. Сейчас можно только пошутить и сказать, что тогда это был символический постриг. Но это только сейчас...

— Тяжело быть монахом? Нести обет послушания?

— Если быть! монахом — то тяжело. А носить одежды и считаться

монахом — легко... В принципе, тяжело быть человеком, настоящим. Потому что в окружающей нас жизни не только монашеский обет соблюдать, но даже оставаться честным, порядочным человеком, правильно оценивающим происходящее — трудно... Честность сейчас очень не в моде.

Человек должен подавлять в себе эгоизм, самолюбие, страсть к каким-то непомерным житейским удовольствиям. Если ты это делаешь, для многих ты становишься «плохим», не таким как все. К сожалению, современная жизнь не подвигает человека быть совестливым, справедливым. И это надо честно сказать. Всякие оптимистичные заявления я не очень разделяю и насчет духовного состояния общества — и большинства отдельных людей — именно довольно пессимистичные взгляды.

— Можете пояснить эту мысль?

— Ну, вот сейчас, например, очень популярна тема об издевательствах в полиции. Я хочу спросить тех, кто выходит на митинги (которые я органически не приемлю) и громче всех на этих митингах кричат об этом: «А не ваши ли дети служат в полиции? Не вы ли их так воспитали? Вы можете дать гарантию, что ваши дети,йдя на службу в МВД, не будут делать то же самое? Что, кадры для полиции вырабатывают где-то на Марсе?»

Издательства — это показатель нашего общего духовного состояния.

— Как и дедовщина в армии...

— И дедовщина тоже. Откуда берутся «деды» — сержанты и офицеры? От корней. Стоит психологически некрепкого человека наделить хотя бы минимальной властью и начинается... И эксплуатирует этот

дурак — иначе «деда по сроку службы» не назовешь — своих же сверстников, людей таких же, как он сам. И оправдывает себя словами: надо мной издевались, и я буду. Так примитивно — не по-человечьи, а по-звериному — может мыслить умственно и душевно недоразвитый человек. Даже звери проявляют свою агрессивность только при угрозе жизни или своему «авторитету» в стае.

Поэтому мы имеем то, что имеем.

— Вернемся к монашеству...

— Монахом быть нелегко. Монах добровольно дает обеты. К примеру, обет послушания. Обеты добавляют ответственности перед Богом, людьми и самим собой... Нужно крепко подумать, давать их или не давать. Если дал — обязан исполнять. Но это не значит, что я их стопроцентно исполняю.

Я остаюсь человеком, который подвержен каким-то искушениям. Мне очень часто приходится общаться с другими людьми, которые не всегда способны тому, чтобы сдерживать свои желания и стопроцентно выполнять монашеские обеты. Естественно, что от каких-то страшных падений Бог меня отводит... Но грех — это в любом случае преступление. Только за один грех человек несет наказание пожизненно, за другой — год.

Я надеюсь на милость Божию.

— В «Слове архимандрита Назария при наречении во епископа Выборгского» есть такие слова: «Ибо если я не буду иметь любви, то все остальные слова о вере и благочестии будут ложью, и я никогда не сумею постичь Бога, который есть Любовь». Как Вы любите? Моя любовь, к примеру, выражается в стихах. А ваша?

— Вы знаете, любовь в стихах, в книгах, в песнях проявлять можно... но деятельна ли она в жизни? Если любовь выражается только в стихах, это, по-моему, половина любви. Своими стихами вы призываете к любви других. Но если вы пишете так, как поступаете, тогда это любовь полная. То же самое и у меня.

Понятно, что любить с точки зрения всеобъемлющего чувства очень сложно. Только один Господь действительно любил! Даже распинающих Его.

Русский язык богат, но слово «любовь» у нас всего одно. В него включается все. В греческом языке есть семь или восемь слов, которые обозначают разные формы любви. Плотской, духовной, к родине, к родным — это разные слова, включающие в себя разные понятия.

Когда я формулировал приведенную вами мысль, я её не выдумывал. Я опирался на христианских авторов, которым глубоко верю и с которыми в полном согласии. Если Бог есть Любовь — если слово «Любовь» рассматривать как один из синонимов Его имени — то, только пребывая в Боге, человек пребывает в настоящей любви. Чем дальше человек от Бога, тем меньше у него любви. Если мы говорим, что мы любим Бога, а ближнего нет, то мы лжецы. Если мы говорим, что мы любим ближнего, а Бога нет — то мы тоже лжецы.

Истинная любовь — это не постель, не только плотская любовь. Так это слово воспринимают люди, особенно молодые, сейчас. Совершенно примитивно. Хорошо, когда есть и постель, и когда дети рождаются в любви — это super!

Но по-настоящему любить можно только в Боге. Если ты далек от Бога или ты Его отрицаешь, то твоя любовь сужается до влюбленности.

До каких-то желаний, до хорошего отношения к другому человеку, и не более того. Мне нравится одно из самых ёмких определений любви как самопожертвования. Если самолюб может поступиться своими желаниями, преодолеть себя и пожертвовать собой ради кого-то, то это уже признак настоящей любви.

— Вы так любите?

— Стараюсь. Как это у меня получается — одному Богу известно.

— Советская власть упорно внушала русским людям отрицательное отношение к Западу. В том числе и к западному христианству. Вы являетесь духовным руководителем проекта «Святыни Неразделенной Церкви», участвуете в съемках фильмов студии «Благовест-Медиа».

Возможно ли изменить отношение русских к европейскому христианству? И наоборот — отношение Запада к РПЦ?

— Возможно, но это очень большая, длительная и трудная работа. То неприятие (или, может быть, некая форма самозащиты), о которой вы сказали, формировалось веками. Не только в советское время.

Для меня, например, непонятно следующее: в СССР существовали откровенные богоборцы в лице уполномоченных по делам религии. Они спокойно входили в алтарь, и ни один православный не говорил, что после этого алтарь надо переосвятить. А когда в алтарь входит католик, наши кричат: «Надо переосвятить!» Мне это непонятно! Получается, что самых к нам близких по вере людей мы ставим на более низкую ступень, чем ярых, откровенных атеистов. Вот это мне всегда было непонятно.

Неужели так сильно католики когда-то залили — как говорят у нас в Украине — «сало за шкуру», чтобы об этом помнить века? Со времен Александра Невского, который боролся против духовной экспансии Запада и по сей день?

Мне кажется, что наша Церковь в свое время (особенно в XVII–XVIII веках) много сделала для того, чтобы воспитать народ в таком неприятии. Я совершенно убежден в том, что мы боимся соприкасаться с любой религией, в том числе и с другими конфессиями христианства, только лишь потому, что мы не просвещены, очень мало знаем своё, имеем слабую веру и боимся её поколебать. Относительно религиозных понятий и церковности мы сейчас на очень низком уровне.

Когда человек боится, что его кто-нибудь может соблазнить в другую веру, тогда он защищается своей агрессией. Если же человек тверд в своей вере, в своем восприятии Бога, в православной церковности, если он строго соблюдает церковные каноны и понимает, что спастись ему можно только в этой Церкви, ему не страшен никто. Ни католики, ни протестанты, ни сектанты, ни адепты других религий, которые бывают очень агрессивны в своей миссии.

Идея серии «Святыни Неразделенной Церкви» — моя. Она родилась после того, как я побывал в Риме — в первый, второй и третий раз. В Риме много православных святынь еще тех времен, когда Церковь была единой. Пребывание святыни у католиков, протестантов или даже у атеистов (как, например, чудотворные иконы в музеях) не снимает с неё благодати и святости.

До революции, несмотря на прохладные отношения с католиками,

православные паломники стремились в Святую землю. И в Рим! Поэтому что в Риме очень много православных святынь. Мне бы хотелось напомнить людям, что святыни там остались, я могу даже назвать адреса... По этой причине появилась книга «Рим. Путешествие в вечный город». При этом мы тут не обсуждаем проблему, как святыни туда попали...

Может быть, туристы, которые едут на Запад любоваться общекультурными ценностями, вспомнят, что они православные и подойдут к нашей общей святыне, находящейся в том или ином католическом храме...

— Как рассказать Западу о русском православии?

— Западу труднее рассказывать. Я, к сожалению, не говорю ни на одном западном языке. Но не в этом главная трудность. Очень часто сами итальянцы «не в курсе», какие святыни у них есть. Мне было очень обидно, когда я смотрел на толпящихся у христианских реликвий людей, не имеющих вообще никакого отношения к религии, а православных или католиков не видел. Храмы с великими святынями стоят пустыми, хотя они открыты с утра до вечера.

Это меня повергало в шок, в недоумение, я думал: «Господи, вот престол. Под престолом мощи древних мучеников, да наши православные уже давно зацеловали бы это место. Такая доступность, свобода... Русские никогда не прошли бы мимо. Стали бы на коленочки, помолились, приложились бы к этим мощам». А там — пусто.

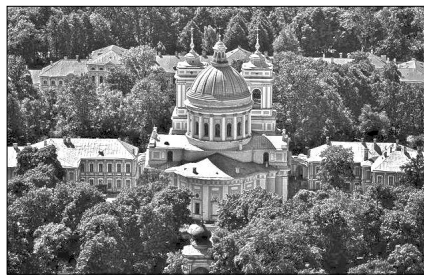
На Западе совсем другое отношение к мощам, к иконам. Совсем другой взгляд. Там совсем другой менталитет и отношение к Церкви и её святыням.

— *Ваша оценка этой программы. То, что она нужна — бесспорно...*

— Я не рассматриваю её как миссионерскую. Скорее, как просветительскую. Пусть она возвращает нас к тем временам, когда христианская церковь была едина. Мы ведь молимся каждую литургию: «Да будут все едины»... Ну, это цель очень высокая, идеальная, данная нам самим Христом. А мы хотим хотя бы снизить уровень агрессии друг к другу (я имею в виду христиан разных конфессий).

— *В 1996 году Вы были назначены исполняющим обязанности наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, а 17 апреля 1997 года решением Священного Синода утверждены в этой должности.*

С чего Вы начали возрождение обители? До этого Вам уже пришлось бороться с разрухой и запустением...

— Разруха меня не сильно испугала. Меня испугали её масштабы...

С чего я начал? Я пришел и осмотрел свой кабинет. В нём стояла «стенка», кем-то когда-то подаренная... Была папка с двумя листиками бумаги, и не было даже списка братии. Вот с чего я начал. Это было в этом кабинете, где мы сейчас с вами беседуем.

Для меня было важным узнать лучше братию, которая сюда (может быть, некоторые и не по своей

воле, а по благословлению тогдашнего Владыки митрополита Иоанна) была назначена. С самого начала нужно было показать, что здесь уже не только приход — но монастырь. Усилия с первого дня были направлены на то, чтобы у людей все больше и больше появлялось чувство обители. Это было очень сложно.

Самое главное, что мне удалось сделать в первые годы, — это закрыть сквозной проход по территории монастыря. За это я получил от всех! Даже от Владыки митрополита. Когда я закрыл сквозной проход к колледжу физкультуры, пошли нападки не только на меня, как на наместника, но на всю епархию, на РПЦ. Нас обвиняли в том, что Церковь, получая, так сказать, «народное достояние», закрывается, в том, что на территорию памятника культуры никто не будет иметь никакого доступа... Я сумел это выстоять.

Без закрытия сквозного прохода (здесь был проходной двор) невозможно было возродить понятие монастыря как некой закрытой территории. На которую доступ есть всем, но через одни ворота.

— *Устав монастыря был?*

— Нет, не было ничего. Ни устава, ничего... Но в РПЦ существует общий устав, по нему вначале и жили.

— *Как вводились — вернее возрождались — монастырские порядки?*

— Трудно! Например, целых шесть лет мне пришлось работать над тем, чтобы здесь перестали венчать. Все привыкли к этому месту как к приходу. Мы постепенно отучали людей, но до сих пор так и не отучили. И сейчас есть много желающих повенчаться в Лавре. Но в монастырях не венчают.

Конечно, революционером в этом вопросе я не стал. Можно было сказать: со следующего воскресения у нас никаких венчаний, но этого нельзя было делать. В то время не так много храмов действовало.

— Когда в обители начали жить по-монастырски?

— В 1994 году. Когда полностью под наше управление был передан Свято-Троицкий собор — это и было фактическим началом нашей общежительной обители.

За время моего наместничества с Божьей помощью и по молитвам правящего архиерея в монастыре были проведены масштабные реставрационные работы, число братии увеличилось до сорока человек, все здания, когда-то принадлежавшие Лавре, а затем отобранные безбожной властью, были возвращены.

Кроме Благовещенской церкви. За неё мы до сих пор ведем борьбу. Сейчас вот на Благовещение у нас был молебен на улице, перед этим храмом. Я призываю людей не устраивать никаких пикетов, демонстраций. Это не наши методы.

Мы верим в силу молитвы.

— Какие ранее принадлежавшие Лавре православные святыни еще не вернулись в обитель?

— Из того, что было в Лавре, что наполняло её древлехранилище, не вернулось практически ничего. Все его сокровища канули неизвестно куда. Мы даже не ведем никаких исследований. Нет никаких зацепок... Зачем лишний раз расстраиваться из-за того, что пропали княжеская шапка Александра Невского, его княжеская мантия? Здесь была кровать Петра Первого, здесь были вещи, сделанные его руками, которые он дарил наместникам.

Святыни наиболее известные и заметные... Рака, в которой были мощи святого благоверного великого князя Александра Невского, находится в Эрмитаже.

Малахитовая сень, которая стояла с правой стороны над плащаницей — тоже в Эрмитаже. На горнем месте у нас копия алтарной иконы, а подлинник находится в Русском музее. К 1000-летию крещения Руси в Свято-Троицкий собор были возвращены 15 или 16 картин и икон, но у нас они только на временном хранении.

Мне недавно пришлось вернуть в музей картину Григория Угрюмова «Возвращение Александра Невского во Псков после победы». Но я добился того, чтобы нам сделали копию. Мы её разместили снова как часть интерьера. Если бы это была чудотворная икона, я бы стоял на своём и старался бы её не отдавать ни при каких обстоятельствах.

Надо сказать, что храмы снова наполняют святынями простые люди,

Иногда делятся другие приходы. Иногда государство возвращает перехваченные на границе, украденные святыни.

Мы восстанавливаемся всем миром...

— Ваши слова: «Чудотворные иконы и святые — это одно из государствообразующих начал, ибо через них осуществляется то единство прошедших и нынешних поколений, без которого не может быть сильного государства. Мне кажется, что придет время, когда из музеев будут возвращены практически все иконы, особенно чудотворные и почитаемые».

Это время еще не пришло?

— Нет, не пришло. К сожалению, современные руководители российского государства нередко ведут себя так, как будто государство и государственность начались с них. Но ведь это неправда. Сейчас все сильнее и сильнее приходит осознание нашей древней государственности, которая формировалась веками. Нашим государственным деятелям надо понять, что они тем уверенней будут себя чувствовать, чем сильнее осознают, что они продолжатели российской государственности. Вот когда это произойдет, тогда чудотворные иконы вернутся на свои законные места... Зачастую мы еще и сами не готовы к этому.

Нас, как народ, практически ничего кроме истории и веры не связывает. А иконы — это живые свидетели молитв всех предшествующих поколений.

Очень важное понятие намоленности. Это же не просто так выдуманно...

Иконы свидетельствуют о том, что у нас есть великая история, в которой можно многому научиться.

Не просто знать историю, а учиться. В нашей истории были такие славные дни и времена, которым многие могут позавидовать.

— 25 октября 2011 года отмечалось 15-летие Вашего наместничества в Лавре. Фактически можно сказать, что мы отмечали 15-летие начала восстановления монастырской жизни. Как сейчас живет обитель?

— Монастырь живет! Стараются исполнять уставы, которые есть. И внешний и внутренний. Внешним я называю гражданский устав, и мы стараемся жить по нему тоже. Вне зависимости от того, нравятся нам государственные законы или не нравятся. Мы считаем себя законопослушными гражданами, не только христианами. Христианство вообще носит надгосударственный, наднациональный характер. Но если мы осознаем себя еще и гражданами и патриотами земного Отечества, то законы государства мы обязаны исполнять.

Исполняя внешний закон, мы обеспечиваем себе некую стабильность, в том числе возможность исполнения нашего внутреннего распорядка. Если мы будем самовольно творить, что хотим (зачастую не будучи очень компетентными в вопросах архитектуры, стилей и т. д.), нас просто отсюда выкинут. Комплекс Лавры в государственной собственности и имеет высокий статус памятника архитектуры мирового уровня.

В тайных молитвах на Божественной литургии мы молимся за государство, чтобы в «их тишине и мире» иметь возможность жить по-христиански. Но всегда внутренне должно превалировать над внешним — у любого христианина, не только у монаха. Именно внутренняя убежденность в Промысле Божиим обо всем, что происходит в нашей жизни, в жизни государства и всей человечества, дает возможность быть и хорошим гражданином.

Наша вера учит нас уважать своих близких, учит относиться к ним с любовью, но нашими близкими являются не только христиане. Бывает, даже в одной семье есть не христиане или атеисты, которых мы уважаем и любим по крови. Это довольно сложное переплетение. Но одно без другого будет ущербным. Но это бывает только до того времени, пока государство напрямую не вмешивается в обычное течение жизни Церкви и каждого христианина. А что случается, когда вмешивается — свидетельствует совсем не древняя история, которая явила миру сонм новомучеников и исповедников.

Обитель живет нормально. У нас много проблем. Если говорить о внутренних, основная из них — это сформировать настоящую, хорошую братию.

— Нередко из уст, в том числе и государственных чиновников, звучат такие слова: вера — это вопрос внутренней жизни человека. Частной жизни. Вы не раз употребили слова «государство», «государствообразующая», «взаимоотношение с государством».

Монастырь является источником света? В городе, в стране, в государстве? Как это бывало раньше?

— Я бы хотел, чтобы христианство было ближе к государству. Заметьте, не Церковь как земная организация, а христианство со своей системой ценностей. Потому что в нём источник морали и нравственности. Русское государство было основано (и долгие века жило) именно на христианской морали и нравственности. Сегодня главные задачи монастыря: во-первых, самим не потерять эти христианские качества; во-вторых, стараться моральными и нравственными воспитывать чад, которые сюда приходят с разными вопросами. Это задачи не только монастыря, каждого прихода, каждого священника.

Я могу сказать любому чиновнику, любого уровня, что он глубоко заблуждается, если считает, что человек, приходя на работу в государственный орган, должен отрешиться от своих внутренних законов. Это невозможно. Если государство не заинтересовано, чтобы чиновники были человеколюбивы, справедливы, чтобы они равно относились к законам (как к божественному, так и к государственному) — будет продолжать бытовать мнение, что чиновник в своей семье, внутри себя должен быть одним, а на работе, на государственной службе — другим.

У госслужащего должна быть внутренняя, крепкая воля, основанная на христианстве. Почему

на христианстве? Да потому что на сегодняшний день нет ни одного религиозно-нравственного учения, которое было бы наиболее приближенно к Истине, к Божественным объективным законам. Другие религии тоже говорят о добре и справедливости, но не столь полно и на других основах. Если человек не будет иметь этого крепкого основания, он и чиновником таким будет... Беспринципным. Который, может быть, кому-то в государстве и выгоден.

Сейчас появилось ироническое наименование чиновников, появляющихся в храмах, «подсвечниками». Что они мол, не имея веры, приходят в храм по конъюнктуре. Что греха таить — есть и такие. Но это мнение нельзя распространять на всех без разбору. Я имел опыт наблюдать без телекамер, без публики некоторых людей очень высокого ранга. Они приходили в храм тайно, скрываясь от всяких там папарацци.

Когда человек приходит на исповедь и на самом деле хочет разобраться в каком-то вопросе, как христианин — это отрадно. И такие есть. Мы это можем свидетельствовать. Практически каждый из лаврских духовников в числе своих духовных чад имеет людей высокого ранга.

Среди некой тьмы светлые лучи светят. Это радует безмерно.

— И функция монастыря реализуется!

— Да. Таким образом реализуется.

— В одном из интервью Вы сказали: «Монастыри, особенно городские, должны собирать в себе ученое монашество. Чтобы образованные, сведущие монахи могли помочь людям сделать правильные выводы и о прогрессе, и о раз-

витии современной науки и техники». В Лавре такое общество сложилось?

— Относительно Лавры я не могу сказать, что мы достигли такого уровня на сегодняшний день. Даже более того, я не каждому из братий обители могу доверить принять у человека исповедь. Потому что не уверен в том, что тот или иной монах сам имеет правильные ответы на основополагающие вопросы жизни, соотносящиеся с православным её осмыслением.

Бывает так, что монахи очень хорошо исполняют требы, служат в храмах... С точки зрения их религиозности, крепости веры — вопросов нет. А вот могут ли они кого-то научить? Обладают ли достаточным объемом знаний? способны ли убеждать? — тут вопросы есть...

Большинство из братий Лавры имеют духовное образование. Сейчас перед всеми, кто к нам приходит, я ставлю обязательное условие — иметь таковое или в обязательном порядке его получить. Принятый в братию без образования должен учиться. Очно или заочно.

Сейчас многие из братий могут спокойно разговаривать с людьми, в том числе и с людьми науки... Разговаривать и отстаивать свои позиции. А отстаивая свою позицию, монах может и сам учиться у собеседника. И таким образом частично восполнить пробел в своем образовании. Людям свойственно учиться друг у друга.

Не обязательно кого-то убеждать. Главное — достичь в своей собственной жизни уверенности, что ты сам живешь так, как учишь. Самое лучшее убеждение — это сказать человеку: ты видишь меня, тебе нравится, как я живу? Тебе нравится, как я отношусь к тебе, к другим? Если ты хочешь жить так же — живи так.

Вот самая лучшая агитация.

Братия Лавры

— А если приходит человек и заявляет: я не верю в Бога, я верю в науку.

— Это искусственное противопоставление... Богословие — тоже наука.

Противопоставление науки и религиозных взглядов (или богословия) нужно тому, кто стремится отвести человека от веры в Бога. И действует методом замещения, вместо одной веры предлагает другую. Например, веру в материализм, в нетварность мира.

Над нами всеми довлеет материализм. Хотя бы потому, что наши нематериальные души в земной жизни накрепко связаны с материальными телами. Из которых, своими силами, мы вырваться не можем. В размышлениях о строении материи мы доходим до всяких там атомов, квазеров... И когда упираемся в них, задаем вопрос: и что же дальше? Материалистическое мировоззрение не дает возможности

ответить на него, потому что «дальше» — это уже вопросы веры.

— Некоторые доходят до полного отрицания Бога, провозглашают: «Бога нет».

— Ну, это проблема тех, кто отрицает, это их «вера».

— Монах должен убедительно указать отрицающему на его ошибку?

— И монах, и любой твердо уверовавший христианин. В дискуссии. Но иногда я сам наталкиваюсь не то что на тупое непонимание — на нежелание понять. Выслушать и понять. Тогда я говорю: знаете что, дальнейший разговор для вас будет не полезным. Потому что я буду утверждать своё, а вы, меня не слыша, продолжите утверждать свое...

— Спор к истине не приведет...

— Именно! Я давным-давно убедился, что в споре истина никогда

не рождается. Истина рождается только в диалоге. Если я и мой оппонент не умеем слушать и слышать друг друга, в случае даже если я прав, мне все равно не удастся этого доказать.

— Интересно, что истина в разных религиях утверждается по-разному. Но ведь абсолютная Истина — одна.

— Для нас, православных, Истина — это Иисус Христос и Его Святое Благовествование.

Каждая из религий представляет собой более или менее завершённую систему. В буддизме нирвана является высшим духовным состоянием человека. Буддисты ищут истину в нирване.

Христианство — это совсем другой поиск. К Христу через другие религии прийти очень трудно. Хотя некоторые это делают. Когда человек сердцем осознает, что идет не туда, он начинает искать правильную дорогу. И тогда, при определенных умственных и душевных усилиях, человек может прийти к Христу. Но в христианстве без познания азов невозможно стать каким-то посвященным супер-богословом. В православии надо пройти все этапы. Даже самому образованному человеку.

— Это называется школой...

— Да, это школа! Христианство — это не просто теория. Христианство можно хорошо узнать в теории... и не стать христианином. Христианство — это теория, облеченная в жизнь. Осуществлённая в жизни. В противном случае христианство превращается в философскую доктрину. Если уж говорить совсем упрощенно: христианство — это практическая религия. Она может быть истинной в религиозной философии только для философа. А прак-

тический христианин теорию должен обязательно попытаться осуществить в своей жизни. Тогда это христианство.

— И при этом мы знаем, что ничего выше Воскресения Христа нет.

— Да, выше Воскресения — ничего нет. Ни в теории, ни в практике. В Евангелии сказано: «Если Христос не воскрес, то мы лжецы!» Если в Воскресение, которое невозможно объяснить никакими законами физики или химии, мы не веруем, то, значит, мы просто-напросто притворщики. Но я бы не сказал «мы знаем». Правильнее «мы верим»! Потому что никто из людей не может знать, как Воскрес Христос. Как только мы пытаемся объяснить Воскресение — мы становимся материалистами...

Чтобы этого не произошло, мы говорим: Господь это совершил, это ведомо только Ему! Это исходит из Него. Не может смерть и тьма объять свет. А это уже предмет веры. Кстати, иногда бывает: верующий, верующий... крестится, молится, а в Воскресение Христа не верит, «потому что этого не может быть».

Какой же это верующий?

— Употребив формулу «мы знаем», я не утверждал что-либо о знании «механизма» Воскресения. Я говорил о знании исторического факта. Мы веруем в Бога и жизнь вечную, потому что знаем, что Христос Воскрес.

— Соглашусь... Вот, пожалуйста, мы пришли к Истине не в споре, а в диалоге.

— Спасибо... Вернемся на землю. Недавно губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко стал председателем комиссии по подготовке празднования 300-летия Александро-Невской Лавры.

— Мы его просили об этом, он долго изучал наши просьбы... Слава Богу, он хорошо знает, что в России всего две Лавры. И одна из них — в Санкт-Петербурге. Чем город, которым он сейчас руководит, может гордиться.

— Датой основания Лавры считается день освящения деревянной Благовещенской церкви — 25 марта (7 апреля) 1713 года.

— Разговор об устройстве монастыря шел еще во время основания Санкт-Петербурга. К 1713 году был построен первый деревянный храм — примерно на месте нынешнего некрополя XVIII века. В том храме состоялась первая Божественная литургия. День рождения обители отмечается не по закладке камня, а по первой литургии.

300 лет бывает один раз в 300 лет (шутка). Празднование не может быть и не будет одномоментным. За последние два года мы уже много чего посвятили этой дате. Идут многочисленные фестивали, встречи... Есть большая издательская программа...

Если говорить по конкретным датам — откроется юбилейный год в Благовещение 2013 года. Затем будет много мероприятий — и певческий собор, и конференции... Праздничными станут — день рождения Александра Невского, день Невской битвы. С точки зрения Церкви днем памяти является день смерти, но для возврата интереса к этой личности и ее популяризации мы будем отмечать и день рождения...

Апогей торжеств придется на 12 сентября — главная дата для города — день перенесения святых мощей Александра Невского из Владимира в Петербург...

Завершится юбилейный год 6 декабря в день памяти святого благоверного великого князя Александра Невского. Более детальная программа будет обнародована после того, как состоится заседание юбилейного комитета под председательством губернатора. Следите за информацией.

— Несколько слов о реконструкции, реставрации, внешнем и внутреннем благоустройстве...

— Все эти годы мы почти в одиночку осуществляли сбор средств и проводили реставрационные работы. Примерно на 80 % внутренние работы мы уже осуществили. То, что мы получили за прошедшие годы от Министерства культуры по программе восстановления памятников архитектуры и самую малую часть от городских программ и фондов — это даже не «капля в море».

Остается год до начала юбилейных торжеств, а сделать надо чрезвычайно много.

Недавно состоялась встреча с председателем правления «Газпрома» А.Б. Миллером, и он нас услышал. Мы получили первый транш благотворительной помощи. Теперь вот провели внутренний тендер на фасадные работы по монастырским корпусам и буквально со дня на день их начинаем. Вот-вот начнем устанавливать строительные леса в Свято-Троицком соборе, хотя 7–9 лет назад уже была проведена полная реставрация.

Надеемся, что при разумном расходовании средств мы сможем провести фасадные работы на соборе и музейно-библиотечном корпусе.

— С учетом того, что Лавра — федеральный объект, город как-то намерен продолжать участвовать в её восстановлении?

— Город совсем немного помог с началом реставрации Федоровской церкви, участвовал в работах по снижению уровня грунта в каре. Я надеюсь, что город возьмет на себя фасадные работы по Надвратной церкви, может быть, примет участие в покраске кровли...

Сейчас мы поднимаем людей, родственников тех, кто похоронен на Никольском кладбище, чтобы они помогли привести в нормальное состояние фасад Никольской церкви. Внутри мы полностью заменили иконы в иконостасе. Хотя само основание иконостаса еще ждет обновления.

Мы завершаем внутренний ремонт Надвратной церкви, уже развешиваем паникадила, устанавливаем иконостас, покупаем церковную утварь — в скором времени в этой церкви будут возобновлены венчания.

— Это уже не монастырь.

— Да, Надвратная церковь за пределами обители. Как я уже говорил, много людей хотят повенчаться в Лавре. Появится возможность, не нарушая монастырского устава, вернуть это таинство.

Самая разрушенная церковь — Федоровская. Сейчас мы закончили штукатурные работы на первом этаже. Там сохранилось более 40 могол, в том числе и царственных особ

Грузии. Они жили в Петербурге. Грузинская диаспора начала помогать, потом — известные события, потом кризис... И помощь прекратилась. Мы продолжаем потихонечку сами. В верхнем храме начали реставрационные работы по живописи. Но, к сожалению, Федоровскую церковь мы не успеем ввести в строй к празднику.

Зато уже начал функционировать Крестильный храм в честь святого Иоанна Предтечи с баптистерием. Открыли новый храм (которого раньше не было) в келье преподобного Серафима Вырицкого.

Кроме Федоровской церкви, практически все объекты (с точки зрения архитектуры и реставрации) у нас «на выходе».

Так что юбилей должны встретить достойно.

— Владыка, благодарю Вас за обещание и за Ваши подвижнические труды. Желаю 300-летие обители отпраздновать на высоком уровне!

В августе Вам исполнится 60 лет! В этот юбилейный год я желаю всех благ Вам и братии Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Храни Вас Господь!

**Беседовал Владимир Хохлев
Апрель 2012 года**

Из истории Лавры

Весной 1704 года Петр Великий выбрал место для будущего Петербургского монастыря. Оно было покрыто болотами и лесом и требовало для своего устройства большого труда и времени. Между тем, не прекращавшиеся военные действия в борьбе со шведами за обладание устьем Невы не давали возможности приступить в скором времени к осуществлению мысли об основании монашеской обители.

13 июня 1710 года был взят Выборг — безопасность столицы со стороны ближайших границ была достигнута. И июле 1710 года государь, будучи в Петербурге «осматривал место, где быть строениям». Определено было именовать монастырь «Живоначальныя Троицы и Святого благоверного Великого князя Александра Невского» и основать его по правую сторону Черной речки (первоначально Монастырка, так же как и река Волковка, была частью Чёрной речки. Упоминание об этой реке имеется еще в летописях 1500 г.)

20 февраля 1712 года Петр Первый приказал объявить архимандриту Феодосию, «дабы начинал на осмотренном месте строить Монастырь». Тогда же даны были и средства для постройки. К новосоздаемому Петербургскому монастырю был приписан богатый Иверский монастырь со всеми вотчинами и доходами и от Новодевичьего монастыря село Ояцкое с принадлежащими к нему деревнями и со всеми угодьями. Кроме того, на построение и содержание в монастыре госпиталя была приписана половина монастырских вотчин Олонецкого уезда.

При этом крестьяне были на 3 года освобождены от податей и подводной повинности.

Справка из Канцелярии Невского монастыря, данная в 1723 году и сохранившаяся в бумагах Кабинета Петра Великого в Государственном Архиве, устанавливает дату начала работ уже на основании изысканий в документах и относит ее к середине июня 1712 года: «деревянное строение началось в 712-м году, а по уговору с плотниками значит июня 14-го дне».

«В том же году заложена церковь деревянная на том месте, где водружен был крест и часовня стояла. В 1713-м году оная церковь совершилась, и марта 25-го дня, при присутствии Царского Пресветлаго Величества с его высоким синклитом, во имя Благовещения Пресвятыя Девы Богородицы оная церковь освящена, и того дня Царское Пресветлое Величество, со всеми при нем обретающимися, в новом Монастыре изволил пировать».

ДИАЛОГ ПРАВОСЛАВНЫХ И КАТОЛИКОВ

Международный фонд «Благовест-медиа»

Международный фонд «Благовест-медиа» был зарегистрирован в России в 1998 году. «Благовест-медиа» поддерживается Международным благотворительным фондом «Помощь Церкви в нужде», который одним из первых на Западе, с благословения ныне покойного Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, стал помогать как Католической, так и Православной Церкви в новой России.

Первым руководителем совета директоров «Благовест-медиа» был Бобби Кавнар — создатель всемирного христианского телевидения Lumen-2000. А создателем и первым руководителем агентства религиозной информации «Благовест-инфо» был Виктор Тарасевич. Именно эти люди заложили принципы работы «Благовест-медиа», которая изначально была направлена на развитие диалога Православной и Католической Церквей посредством языка христианской культуры.

Главным в деятельности фонда стал разговор об общих святынях христианства, которые одинаково почитаются как православными, так и католиками.

В фонде «Благовест-медиа» объединено три организации.

Студия «Благовест-медиа», которой руководит известный режиссер Николай Горячкин, занимается производством и распространением христианских документальных фильмов. Фильмы переведены на иностранные языки и идут в разных странах — от Америки до Китая. В России «Благовест-медиа» активно сотрудничает с каналами: РТР, «Культура», ТВЦ и с десятками региональных телеканалов.

В «Благовест-медиа» входит центр «Завет»: он выпускает христианскую кино-, видео-, аудио- и книжную продукцию и распространяет её по православным и католическим епархиям. Этот центр возглавляет Игорь Вербицкий. И агентство религиозной информации «Благовест-инфо», основанное в 1994 году.

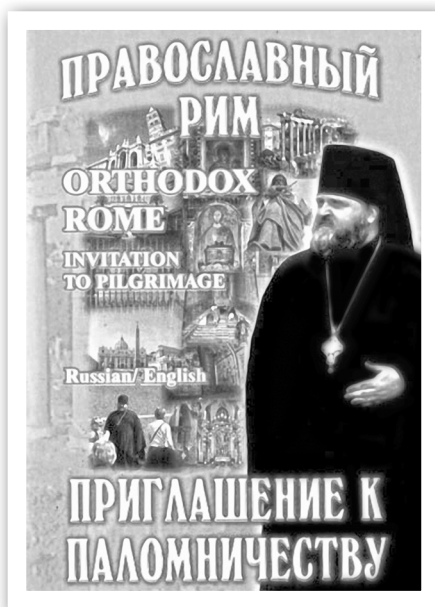
Фонд «Благовест-медиа» за последние годы стал своеобразной моделью сотрудничества православных и католических священников, богословов, журналистов. Духовными консультантами фонда являются наместник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Выборгский Назарий и католический священник Евгений Гейнрихс — руководитель пресс-службы архиепархии Божией Матери в Москве.

Во время празднования 10-летия «Благовест-медиа» был торжественно освящен новый офис фонда на территории Александро-Невской лавры, в Свято-Духовском корпусе.

Фильмы производства «Благовест-медиа» получили множество наград на различных фестивалях. Фильм «Милосердия двери отверзи» стал единственным фильмом, получившим награду Патриарха Алексия II на первом фестивале православных СМИ «Вера и слово» в 2004 г. Этот же фильм был награжден на католическом кинофестивале в Польше.

Фильм «Жизнь и судьба о. Александра Меня» был отмечен одним из главных призов на кинофестивале «Религия сегодня» в Тренто (Италия).

Определенным этапом для «Благовест-медиа» стал фильм о Папе Бенедикте XVI, премьера которого состоялась на канале РТР в день рождения понтифика 16 апреля 2008 года.

Православный Рим

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПАЛОМНИЧЕСТВУ

Фильм студии «Благовест-Медиа»

Рим для христианского мира — священный город.

Здесь окончили свое земное поприще святые первоверховные апостолы Петр и Павел; здесь честные мощи святых мучеников Христовых — всех двенадцати апостолов, святой равноапостольной царицы Елены, святого Алексия, человека Божьего и многих других.

Здесь древние чудотворные иконы Божией Матери, писанные святым апостолом и евангелистом Лукой.

Сюда перенесены из Константинополя, Иерусалима и других мест Востока вещественные памятники земной жизни Господа нашего Иисуса Христа — ясли младенца Христа, части Честного Животворящего Креста Господня, плат Вероники и другие.

*После 1917 года прервалась многовековая традиция
паломничества русских богомольцев в Рим.
Мы хотим вновь открыть Рим для православных.
По нашему глубокому убеждению древние святыни эпохи
неразделенной Церкви — это святыни общехристианские.
Они ждут нас, и Господь посредством их и по молитвам святых угодников
пошлет нам сугубую благодать, поддержит в трудную минуту
и дарует спасение души.
Посох паломника в руки и Ангела Хранителя в путь.*

СОЗДАТЕЛИ ФИЛЬМА:

Автор и ведущий: Наместник Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры,
Викарий Санкт-Петербургской епархии, Епископ Выборгский Назарий (Лавриненко)
Продюссер: Марк Ридеманн
Режиссёр: Николай Горячкин
Камера и монтаж: Юрий Самило, Дэвид Джонс
Звук: Ирина Зыкова, Михаил Козлов
Координатор проекта: Мари Чернин
Директор: Игорь Вербицкий

Латерано

Знакомство с Римом лучше всего начинать с Латеранской площади, от собора Святого Иоанна Крестителя, как называют в Риме эту базилику.
Это очень важное место для того, чтобы понять вообще Рим.

Собор Святого Иоанна Крестителя

Площадь украшает не только этот собор. У северо-восточного угла храма находится знаменитое место, которое паломники должны посетить. Это крещальня, устроенная императором Константином. В одном из её приделов хранятся мощи очень почитаемых на Руси святых — священномученика Киприана и мученицы Иустины.

В Риме необходимо помнить о том, что Рим и Ватикан — это разные государства.

В Латеранском соборе была резиденция пап вплоть до начала XIV века, до Авиньонского пленения. Сам собор был освящен Святым Папой Сильвестром в 324 году, в период императора Константина.

Церковь «Святая Святых» с иконой Спасителя

Чудотворный образ Спасителя, хранящийся в церкви «Святая Святых»

Православные обычно читают при этом Акафист Божественным Страстям с молитвой ко Господу Распятому.

На месте, где находится Церковь во имя Честного и Животворящего Креста Господня, некогда красовался дворец святой царицы Елены, матери святого равноапостольного царя Константина.

Церковь Честного и Животворящего Креста Господня

В пределе реликвий этого храма драгоценнейшие святыни: части Животворящего Древа, часть титла с Креста Господня, гвоздь, один из тех, которыми был пригвожден Христос, два терния от венца с главы Спасителя, перст святого апостола Фомы и многие другие.

Собор Святого Петра

Во всех советских описаниях Рима эта площадь и этот собор подаются так, будто бы человек здесь подавляется архитектурой. Это не так.

Сюда приходят те, кто хочет посмотреть на великие творения Рафаэля, Микеланджело и других великих архитекторов, скульпторов и художников.

Но что заставляет возвращаться сюда снова и снова? То, что здесь главная христианская святыня Рима — мощи апостола Петра. Именно это подвигает паломников приходить сюда и буквально продираться сквозь толпу простых туристов, которые тоже имеют право быть здесь.

Наверное, все же апостол Петр ждет больше паломников, тех, кто будет молиться и искать в этих драгоценных ковчегах великую благодать.

Маммертинская темница

В центре древнего Рима, у подножия Капитолия, находится самая известная тюрьма мира — Маммертинская темница. Она была сооружена в VII веке до нашей эры. И тогда Римская империя имела своих преступников, которые должны были нести наказание. Такими же преступниками для императоров — когда появились христиане — были именно они, потому что последователи Христа стали возмутителями спокойствия.

В эту темницу и попали апостолы Петр и Павел в 67 году. В течение 2 месяцев они пребывали тут вместе с другими узниками.

Здесь, в настоящем каменном сыром мешке, к одной из колонн были прикованы святые апостолы Петр и Павел. Тут есть замечательное место, где апостол Петр извел воду из камня, для того чтобы крестить темничных стражников Прокеса и Мартиниана. Их мощи хранятся ныне в Ватиканском соборе. В этой темнице апостолом Петром были крещены еще 47 человек.

Отсюда Петр и Павел были изведены как осужденные на смерть. Один на Яникульский холм, где — по его собственной просьбе — был распят вниз головой. Другого, апостола Павла, как римского гражданина вывели за ворота города. Он был усечен мечом, как того требовал Римский закон.

Собор Святого Павла «за стенами»

Церковь поражает своей строгостью и красотой. Сюда прибывает много паломнических групп из разных стран мира. Здесь лежит их Апостол. Апостол народов или, как говорится по-славянски, апостол языков.

Собор Святого Павла «за стенами»

В 324 году равноапостольный император Константин соорудил величественную базилику, которая простояла до 1823 года, пока не случился сильный пожар, и базилика сгорела практически дотла.

В 1854 году был построен этот величественный храм. От древней базилики сохранились только византийская сень над главным, или папским, престолом, а также древняя мозаика в том месте, где у православных был бы алтарь. Пожар не тронул также доску времен императора Константина, на которой написано по-латыни «Павлу, Апостолу и мученику». Ныне она хранится под главным престолом.

Богу было угодно, чтобы здесь находились также мощи соученика и сопутешественника великого апостола Павла, апостола Тимофея.

Аппиева дорога

Древняя Аппиева дорога начинается от римских ворот Святого Себастьяна, проходит мимо церкви Камо грядеши. Дальше начинаются катакомбы Святого Себастьяна, святого Каллиста.

A black and white photograph of the Forum of Augustus in Rome. The image shows the Via Sacra, a wide stone-paved road. On the left, there are the remains of the Temple of Mars Ultor, including several large, stacked stone blocks and a tall, isolated column. In the background, a row of tall, mature trees stands against a clear sky. To the right, there are more ruins, including a low wall and some smaller structures. The overall scene is a well-preserved archaeological site.

Именно тут Церковь обрела свою мощь и свою силу. Господь судил своей Церкви пройти этот период, омыв и очистив кровью святых мучеников все то, что успело накопиться в ней за первые два века своего земного бытия. Отсюда из катакомб, Большого Цирка, Колизея, Церковь Христова вышла окрепшей и готовой к следующему периоду своей жизни — периоду торжества и славы.

Церковь 12 апостолов

В этом соборе, в ризнице хранятся мощи всех 12 святых апостолов, но, к сожалению, они не доступны для всех. В раке находятся мощи святых апостолов Филиппа и Иакова, брата Господня — для православных являющиеся главной святыней. Здесь можно услышать слова молитвы: «Святые Апостолы Филиппе и Иакове, молитесь Бога о нас».

В крипте для православных — совершенная благодать, потому что здесь можно спокойно приложиться к мощевнику. В мощевике, под престолом почивают мощи Св. Хрисанфа и Дарьи, также Диодора Пресвитера, Мариана Дьякона и других римских мучеников, которые местно почитаемы. Случайно прикоснуться к престолу не страшно. Если на престоле не хранятся Св. Тайны, католической церковью это допускается.

Санта-Мария Маджоре

Наверное, нет ни одного цивилизованного человека на Земле, который бы не слышал названия «Санта-Мария Маджоре». «Маджоре» значит «большая». Действительно — этот храм является самым большим, самым древним и самым почитаемым из более сотни римских храмов в честь Богородицы. Здесь есть чему поклониться, есть что посмотреть.

В церкви хранится ковчег, где сложены 5 небольших черных дощечек, которые некогда составляли собой ясли Христа-Спасителя. В 642 году они были привезены из Иерусалима вместе с мощами блаженного Иеронима Стридонского.

Слева от центрального престола, в приделе, устроенном Папой Павлом Пятым Боргезе, ныне носящем его имя, есть еще одна святыня не только этого храма, но и всего Рима.

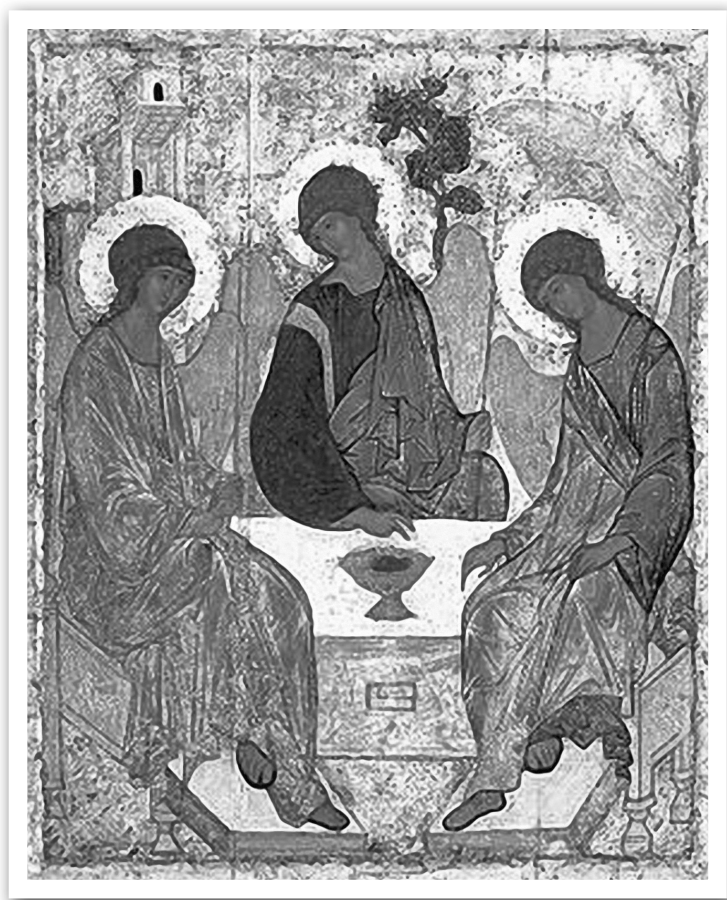
Это икона, которая была принесена в свое время царицей Еленой и с V века находится в этом храме. Чудотворная икона «Спасение народа Римского».

Это название дано после событий, которые происходили в понтификат Святого Григория Двоеслова. В 590 году Рим постигла тяжелая моровая язва. Папа, взяв эту икону, стал обходить крестным ходом улицы Рима, во время которого ему было видение — архангел Михаил вкладывает свой меч в ножны. После чего болезнь тотчас прекратилась.

Таковы основные фрагменты фильма «Православный Рим», рассказывающего о Святом городе и его христианских святынях.

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ИКОНЫ

Андрей Рублев. Троица

*Душевные очи вознося
к первообразным образам, но не на краски,
не на смешение и писание направляя мысли...*

Изборник Святослав

Православная Церковь обладает бесценным сокровищем не только в области богослужения и святоотеческих творений, но также и в области церковного искусства.

Как известно, почитание святых икон играет в Церкви большую роль, потому что икона есть нечто гораздо большее, чем просто образ: она не только украшение храма или иллюстрация Священного Писания, она — полное ему соответствие, предмет, органически входящий в богослужебную жизнь.

Этим объясняется то значение, которое Церковь придает иконе — не всякому вообще изображению, а тому особому образу, за который она в иконоборческий период заплатила кровью сонма мучеников и исповедников.

В иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православного вероучения, а выражение Православия в его целом, Православия как такового. Поэтому ни понять, ни объяснить Церковное искусство вне Церкви и ее жизни невозможно.

Икона, как образ священный, есть одно из проявлений церковного Предания наравне с Преданием, записанным и Преданием устным.

Почитание икон Спасителя, Богоматери, ангелов и святых есть догмат христианской веры, сформулированный VII Вселенским Собором, который вытекает из основного исповедания Церкви — вочеловечения Сына Божия. Его икона является свидетельством истинного, а не призрачного его воплощения.

Поэтому иконы справедливо называют часто «богословием в красках».

Об этом Церковь постоянно напоминает нам в своем богослужении. Более всего раскрывают смысл образа каноны и стихиры праздников, посвященных различным иконам, как, например, Нерукотворного Спаса, особенно же служба Торжества Православия.

Православная Церковь всегда боролась против обмирщения церковного искусства. Голосом своих Соборов, святителей и верующих мирян она защищала его от проникновения чуждых ему элементов, свойственных искусству мирскому. Нельзя забывать, что как мысль в религиозной области не всегда была на высоте богословия, так и художественное творчество не всегда было на высоте подлинного иконописания. Поэтому нельзя считать непогрешимым авторитетом всякий образ, даже если он очень древний и очень красивый.

Такой образ может соответствовать учению Церкви, но может и не соответствовать — вводить в заблуждение, вместо того чтобы наставлять.

Другими словами, учение Церкви может быть искажено образом так же, как и словом. Поэтому Церковь всегда боролась не за художественное качество своего искусства, а за его подлинность, не за его красоту, а за его правду.

Икона — это книга о вере. Языком линий и красок она раскрывает догматическое, нравственное и литургическое учение Церкви.

И чем чище и выше жизнь христианина, чем доступнее его душе язык икон.

Икона — прежде всего священный предмет. Изображенный на ней лик получает, по правилу Церкви, имя через написание. Этим икона усваивается тому, кто на ней изображен, восходит к своему первообразу и становится причастной его благодати, так что при недостойном, небрежном обращении с иконой оскорбляется не живопись, а тот, чье имя она получила, ее первообраз.

Икона есть образом выраженная молитва, и понимается она, главным образом, через молитву. Она рассчитана только на молитвенно предстоящего перед ней верующего.

Ошибается тот, кто ищет в иконе внешней красоты. Церковное творчество отличается несколько иным пониманием красоты. Красота духовная выше телесной, и цель христианской жизни заключается в восхождении к Первоисточнику красоты — Богу. Природа — одно из средств познания Бога. Через созерцание ее красот человеку в земных условиях очень трудно представить себе мир небесный, и Церковь установила некое посредство, как бы мост от мира вещественного к духовному, создав символ — наглядное изображение истин веры, выработав при этом и особые, только ему свойственные формы. Это и есть древняя икона.

Поэтому перед иконой «не писаному лику поклоняемся в молитве, а восходим к Первообразу» (свт. Василий Великий).

Необходимо увидеть грань, которая разделяет живопись и иконопись, искусство картины и искусство иконы.

Одно из главнейших отличий стилистики иконы от картины — это принцип изображения пространства. Картина построена по законам прямой перспективы. Для иконы характерна обратная перспектива, где точка схода располагается не в глубине картинной плоскости, а в предстоящем перед иконой человеке — идея изливания мира горнего в наш мир, мир дольний.

В иконе нет внешнего источника света. Свет исходит от ликов и фигур, из глубины их, как символ святости.

Следует обратить внимание на то, как изображаются нимбы на православных и католических картинах. У католиков нимб представляет собой изображенный в перспективе круглый плоский предмет, как бы висающий над головой — венец, награда, данная святому извне. Православный нимб представляет собой окружие, составляющее единое целое с фигурой святого. Нимб — венец святости, рожденный изнутри.

Цвет не является средством колористического построения иконы, он несет символическую функцию.

Для икон характерна единовременность изображения: все события происходят сразу.

На одежде вместо мягких и плавных линий складок ткани, которые мы можем увидеть на картине, в иконе — жесткие графические изломы, которые по-особому контрастируют с мягкой живописью ликов. Но линии складок не хаотичны, они подчинены общему композиционному ритму иконы. В таком подходе к изображению прослеживается идея освящения и человека, и физических предметов, окружающих его.

Горы на иконах — это символы подлинного духовного восхождения.

Горки на иконах имеют площадки — своего рода стилизованные ступени, благодаря которым гора приобретает смысл лестницы.

Весь строй иконы направлен на то, чтобы приобщить человека к тому откровению, которое явлено миру в христианстве, раскрыть в видимых формах сущность внесенного им переворота.

Для людей, рожденных и живущих в православной среде, вполне доступен язык иконы, т. к. язык этот понятен для людей, знающих Священное Писание, чинопоследование бого-

служения и участвующих в Таинствах. Современному человеку, особенно недавно пришедшему в Церковь, этого достигнуть значительно сложнее. Только воцерковление, приобщение человека к глубине духовной жизни и веры открывают подлинный смысл православной иконы, но главное, приобщают верующего к благодати Божией, новой жизни во Христе. Поэтому кажется не случайным, а вполне закономерным то, что разрыв с Преданием Церкви Христовой, отвержение основ духовной жизни, неминуемо ведет к закрытию «окна в мир духовный», отказу от иконопочитания.

ИКОНОПИСНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В год Тысячелетия Крещения Руси, по благословию ректора Академии и Семинарии протоиерея Владимира Сорокина, был открыт факультативный иконописный класс. Первый год класс работал под руководством преподавателя Семинарии иеромонаха Феодосия (Короткова), почившего осенью 2008 года. Класс, а затем школа и отделение прошли несколько этапов своего бытия. Сначала как просветительский центр для мирян, затем кружок с мастерской при нём и с хранилищем икон,

реставрировавших и использовавших для нужд Академии, затем — класс с педагогами, трудившимися на общественных началах.

С 1997 года, по представлению ректора епископа Константина и по благословию блаженной памяти Святейшего Патриарха Алексия начались работы по устройству полноценного подразделения Духовных школ — Иконописной школы при Академии и Семинарии, впоследствии — Иконописного отделения СПбДА.

Ветераны иконописного дела в Академии лаборант Елена Константиновна Петрова и ведущий педагог и известный реставратор Русского музея, реставратор высшей категории, Сергей Иванович Голубев за последние несколько лет, как и о. Феодосий, отошли в мир иной, оставив о себе самую тёплую и молитвенную память, как и многое, созданное их трудом.

Заведующим Иконописным отделением является архимандрит Александр (Фёдоров), настоятель Императорского Петропавловского собора и церкви святой вмц. Екатерины в Академии художеств (первого в России возрождённого студенческого храма), профессор кафедры теории и истории архитектуры Института имени И. Е. Репина РАН, кандидат богословия и кандидат архитектуры.

Архимандрит Александр (Фёдоров)

С 1988 года о. Александр преподавал в Духовной академии «Церковную археологию»; с 1989-го — был заведующим Иконописным классом, впоследствии отделением СПбПДА; с 2005-го заведует Церковно-археологическим музеем Академии, ведёт для семинаристов

и иконописцев курс «Церковное искусство».

На Иконописном отделении преподают или преподавали петербургские иконописцы: Валентина Тихоновна Жданова, Александр Васильевич Стальнов, Иван Александрович Кусов, Андрей Михайлович Козлов, Ольга Анатольевна Анисенко. Основы реставрации и Основы стенописи вела известный реставратор, кандидат искусствоведения Светлана Евгеньевна Большакова, рисунок ведёт Иван Дмитриевич Москвин, историю византийской и древнерусской живописи — ведущий научный сотрудник Русского музея, кандидат искусствоведения Надежда Валерьевна Пивоварова, церковно-славянский язык — доцент С.-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук Светлана Андреевна Аверина.

В разные годы в классе и в школе также работали иконописцы Н. Г. Богданов и Е. А. Иванова, преподаватель курса «Иконография» инокиня Ксения (Вернер), реставраторы О. Л. Надарейшвили и Е. П. Большаков, хранитель икон Р. А. Кромф, помощник проректора по Иконописной школе С. В. Колотова, выпускница школы лаборант-стажёр Елена Дикая.

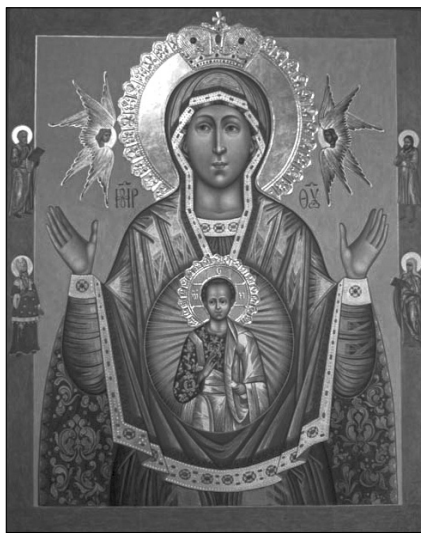
Иконописное отделение рассчитано на обучение в течение четырёх лет и насчитывает около сорока учащихся. Каждый педагог по «Иконописанию» ведёт свой класс все четыре года.

После окончания Иконописного отделения мало кто остаётся без интенсивной творческой работы. Процесс возрождения церковной жизни продолжается, и есть ещё большая нужда в высококвалифицированных церковных мастерах.

Вступительные экзамены на Иконописное отделение

Дипломные работы выпускников Иконописного отделения

МЕСТО СВЯТО

Свято-Троицкий Александра Свирского мужской монастырь

*За всю историю человечества Троичный Бог открывался
телесному человеческому взору дважды.
Первый раз святому Аврааму у Мамврийского дуба.
Второй раз — на русской земле — святому преподобному
Александру Свирскому.*

Дивен Бог во святых Своих!

Если по Мурманскому шоссе выехать из Санкт-Петербурга на восток, переправиться через семь рек: Неву, Назию, Волхов, Сясь, Пашу, Оять и Свирь — и, проехав 260 километров, добраться до деревни Старая Слобода, стоящей на берегу Рощинского озера — перед нами откроется вид на стены и купола Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря.

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Монастырь основан святым преподобным Александром Свирским в 1506 году в глухом Олонецком крае, в девственных дремучих лесах.

При жизни преподобного Александра Свирского монастырь складывался как объединение двух поселений: при братских келиях — Троицкий комплекс, у монастырского кладбища — Преображенский.

Самой древней постройкой обители является каменная церковь Покрова Божией Матери, возведенная самим преподобным Александром в 1533 году. Строительство её велось на пожертвования царя Василия III. Церковь с трапезной и звонницей выполнена в Новгородском стиле. Каменный Преображенский собор с приделом преподобного Александра Свирского построен в 1644 году. Каменный собор Живоначальной Троицы — в 1791 году, на месте деревянной церкви. Церковь св. пророков Захарии и Елизаветы построена в 1685 г. Церковь Иоанна Дамаскина — в 1718 г.

Каменная часовня Святой Троицы построена на том месте, где, по преданию, преподобному Александру Свирскому явилась Пресвятая Троица.

За 500-летний период существования жизнь монастыря внешне мало отличалась от жизни других монастырей на Руси: расцветы и падения, нашествия врагов, пожары, разграбления, восстановление храмов. И строгая монастырская жизнь, неусыпные молитвы и труд. В лучшие времена в монастыре было 8 храмов, богатая ризница, дорого украшенные иконы, богатое книгохранилище с древними рукописями, свитками и книгами.

Историки XIX века называли обитель Северной Лаврой, ей подчи-

нялось 27 монастырей и пустыней этого края. Были годы (начало и конец XIX века), когда в монастыре после разрушений оставалась только главная святыня — мощи святого преподобного Александра Свирского, и несколько монахов.

Было и очень лихое время (после переворота 1917 года), когда в монастыре не стало ни святыни, ни монахов. Мощи были увезены, монахи разогнаны, часть их расстреляна, в том числе настоятель — архимандрит Евгений (Трофимов). В 1925 году обитель была закрыта. На территории монастыря разместились: тюрьма, казармы, инвалидные дома, совхоз, психиатрическая больница.

14 июля 1997 года было получено благословение митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира на возрождение Александро-Свирского монастыря.

С этого дня отсчитывается новейшая история этой древней северной обители. 22 сентября 1998 года Министерством культуры РФ и Министерством государственного имущества РФ было подписано распоряжение о передаче монастыря Санкт-Петербургской епархии Русской Православной Церкви.

Самым большим событием в жизни восстанавливающегося монастыря стало обретение мощей основателя обители — преподобного Александра Свирского, происшедшее 30 июля 1998 года.

Его молитвами и помощью возрождается древняя обитель. Приведены в порядок храмы, корпуса и территория Преображенского комплекса, налажена богослужebная жизнь. Много работы еще предстоит на территории Троицкого комплекса.

Святые мощи преподобного
Александра Свирского

ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО

Родился преподобный Александр 15 июня 1448 года в селе Мандера на реке Ояти на земле Новгородской, против Островского Введенского монастыря. Назвали его Амосом. Родители Стефан и Васса — небогатые благочестивые крестьяне — детям своим дали христианское воспитание. Когда Амос пришел в возраст, родители захотели его женить, он же помышлял только о том, чтобы оставить мир ради спасения своей души. Рано узнал он о Валаамском монастыре и часто вспоминал о нем и, наконец, по воле Божией, встретил валаамских иноков.

Долго длилась беседа их о святом монастыре, об уставе их, о трех родах жизни монашествующих. И вот, воодушевленный этой беседой, задумал он идти на «северный Афон».

Перейдя реку Свирь, на берегу Рощинского озера, Преподобный услышал таинственный голос, возвестивший ему, что на сем месте он создаст обитель.

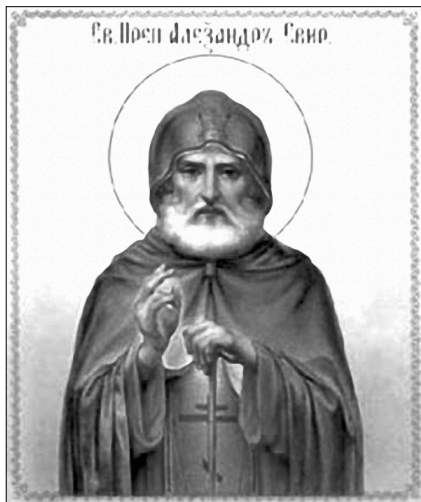
Когда он пришел на Валаам, игумен принял его и постриг с именем Александр в 1474 году. Было ему тогда 26 лет. Ревностно новоначальный инок начал подвизаться в трудах, послушании, посте и молитве.

Через какое-то время пришел на Валаам разыскивавший его отец. Преподобному удалось не только успокоить раздраженного отца, но и убедить его постричься в монахи вместе с матерью. И родители послушались сына. Стефан постригся с именем Сергей, а мать — с именем Варвара. Могилы их и доныне почитают в действующем Введено-Оятском монастыре.

Александр же продолжал подвизаться на Валааме, изумляя суровостью своего жития самых строгих валаамских иноков. Сначала он подвизался в общежитии, потом в безмолвии на острове, ныне именуемом Святым, и провел там 10 лет. На Святом острове доселе сохраняется узкая и сырая пещера, в которой с трудом может поместиться только один человек. Сохранилась и ископанная преподобным Александром для самого себя могила.

Однажды, стоя на молитве, святой Александр услышал божественный голос: «Александр, изыди от-

сюда и иди на прежде показанное ти место, на нем же возможеши спастися». Великий свет указал ему место на юго-востоке, на берегу реки Свирь. Это было в 1485 году. Там он нашел «бор красен зело, место сие было леса и озеро исполнено и красно отовсюду и никтоже там от человек прежде живаше».

Хижину свою Преподобный поставил на берегу Рощинского озера. На полверсты от него находится озеро Святое, отделенное от него Стремниной горой. Здесь он провел в полном уединении несколько лет, питаясь не хлебом, «а зелием zde растущим».

Бог открыл свой светильник боярину Андрею Завалишину, а через него потом и многим людям. Обитель стала возрастать, а слава о даре прозорливости и врачевания недугов телесных и духовных, данном ее настоятелю, облетела вскоре все окрестные земли. Народ православный еще при жизни ублажил Александра Свирского, как святого.

На 23-м году поселения Преподобного в пустыни большой свет явился в его храмине, и он увидел трех мужей, вошедших к нему. Они были одеты в светлые одежды и освещены славою небесною «паче солнца». Из уст их святой услышал повеление: «Возлюбленный, яко же видиши в Трех Лицах Глаголющего с тобою, созижди церковь во имя Отца и Сына и Святого Духа, Единосущной Троицы».

До наших дней на месте явления Бога-Троицы содрогается душа человеческая, помышляя о близости Божией к людям Своим. В Житии преподобного Александра поражает то, что при великом изобилии поданных ему божественных посещений он всегда оставался смиренным иноком, желающим во всем послужить братии и приходящим в обитель простым поселянам.

За несколько лет до кончины Преподобного Бог вложил ему в сердце благую мысль создать каменную церковь в честь Покрова Пресвятыя Богородицы с трапезою. И вот однажды ночью, когда уже закладка была совершена, по окончании обычного молитвенного правила Преподобный увидел необыкновенный свет, озаривший весь монастырь, а в основании Покровской церкви, на алтарном месте в царственной славе сидела на престоле Пречистая Богородица с Предвечным Младенцем, окруженная сонмом бесплотных сил небесных. Преподобный пал лицом на землю пред величеством Славы Ея, так как не мог созерцать сияния этого невыразимого света. Тогда Пречистая Владычица повелела ему встать и утешила обещанием быть неотступною от Обители и помогать во всех нуждах живущим в ней как при жизни Преподобного, так и по смерти его.

Скончался преподобный Александр 30 августа 1533 года, 85 лет от рождения и, согласно предсмертному завещанию, погребен был в отходной пустыни, близ церкви Преображения Господня, по правую сторону алтаря. В 1547 году он был причислен к лику святых.

Все, имевшие различные недуги, приходя к честному гробу его и с верою припадая к нему, получали исцеления. Слепые прозревали, ослабленные укреплялись в членах, страдавшие другими болезнями получали совершенное выздоровление, из бесноватых прогонялись демоны, бездетным подавалось чадородие.

ПЕРВОЕ ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ

«Бог, неизследимый в делах Своих, дивно прославляет Своих святых, которых предузнал, что они будут соответствовать образу славы Его. Еще в этой жизни Он дает им власть творить преславные знамения и чудеса, ради веры и добродетельного жития их; по кончине же хранит нетленными тела их, от которых изливается благовонное миро и изобильно источаются струи исцелений.

Так прославил Он и возлюбленно-го Своего угодника, преподобного

отца Александра, которого, ради сердечной чистоты и добродетельной жизни, еще от чрева матери избрал наставником ко спасению множества душ.

Совершилось обретение честных и многоцелебных мощей его таким образом». В царствование царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, при сыне его благоверном царевиче и великом князе Алексии Михайловиче, пришла мысль настоятелю Свирской обители игумену Авраамии над телом преподобного Александра построить каменную церковь, так как существовавшая до того времени деревянная церковь была очень тесной и приходила в ветхость. Согласившись о том с братиею, они вместе обратились с просьбою к самодержцу о разрешении на постройку.

Царь повелел удовлетворить их прошению, щедро пожертвовав на устройство храма деньгами. В 7149 г. от мироздания и в 1641 г. от Рождества Христова разобрали ветхую церковь во имя преподобного отца нашего Александра, где находилась и гробница, поставленная над его телом. В то время совершилось страшное и достойное удивления чудо, побуждающее к большему познанию угодника Божия.

15 апреля, в четверг Вербной недели, вечером сделался необыкновенный гром и молния. Молния падала на землю и не исчезала вдруг, как обыкновенно бывает, а падала на землю и осиявала на долгое время. То же самое явление повторилось и в пятницу вечером. А 17 апреля, в субботу, во время Божественной литургии, рабочие на месте бывшей церкви начали копать ров для передней стены церкви новой. На восточной стороне

храма, где было престольное место прежней деревянной церкви, к востоку от гробницы преподобного они обрели гроб. Земля над ним стояла в виде пещеры, ничем не поддерживаемая. Рабочие, видя это, ужасались и дивились такому чудесному положению обретенного гроба и недоумевали, что сделать с ним.

В это время случилось мимо их проходить священноиноку того же монастыря Елисею, который, видя их стоящих долгое время без дела и удивляющихся, спросил: «Что стоите не делая?» Они пригласили и его взглянуть на гроб, служивший для них предметом удивления. Елисей, подойдя к ним и увидя это преславное чудо, то есть что земля, наподобие пещеры, стояла над гробом, ничем не поддерживаемая, оградил себя крестным знамением и, весьма осторожно открыв немного верхнюю доску гроба. Он увидел во гробе целое, несколько не поврежденное тело, а также и одежды целы и нетленны, пришел в великий страх, размышляя в себе, что это мощи преподобного отца Александра и, задвинув по-прежнему доску, быстро отправился в монастырь и извещил о том игумена Авраамия и всю братию.

Игумен отправился со всеми посмотреть на чудесное то явление. Когда услышали о том монастырские служители — пошли посмотреть на предивное видение. Погода в тот день стояла весьма тихая и приятная. Когда пришли они на основание церкви, игумену сейчас же показали обретенный гроб. Он, сойдя со священноиноками в ров, снял верхнюю доску с гроба, и повсюду разлилось сильное благоухание от мощей преподобного, так что все то место ис-

полнилось благовония — каждая же в то время не было.

И увидели все лежащее тело преподобного отца Александра, цело и ничем не вредимо, в мантии и схиме по чину повитое, и аналав на нем весь цел.

Из-под схимы виднелась часть бороды; обе ноги лежали, как у недавно скончавшегося, правая ступнею вверх, а левая обращена ступнею в сторону, по чину обе обуты в сандалии. По телу его, подобно некоторым растущим цветам, разошлось благовонное миро, и излилось, как вода. Видя это, все бывшие там исполнились ужаса и радости и прославили Всемогущего Бога, прославляющего святых Своих. И было много исцелений от многообразных болезней с верою приходящим ко святым мощам преподобного Александра.

Вскоре после того игумен Авраамий послал вышеупомянутого иеромонаха Елисея в Новгород к преосвященному митрополиту Аффонию с письменным извещением об обретении мощей преподобного Александра и о преславных чудесах, бывающих от него.

Митрополит очень удивился, что по прошествии стольких лет мощи Преподобного обретены целыми и нетленными и, прославив Бога, донес об этом событии самодержавному государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу, всея России самодержцу. Царь весьма обрадовался, получив такое известие, и повелел митрополиту Аффонию освидетельствовать мощи преподобного Александра.

В том же году, 29 августа, по царскому повелению, в обитель Святой

Живоначала́ной Троицы и преподобного Александра прибыл новгородский митрополит Аффоний в сопровождении Хутынского архимандрита Пафнутия, Духова монастыря игумена Евфимия, Николаевского Вяжицкого монастыря игумена Иосифа и всего духовенства Софийского собора.

Когда гроб был открыт, святитель благоговейно приблизился к нему, и увидели все преподобного отца, не как почивающего многие годы, но как новоположенного, и весьма ужасались; святитель велел звонить во все колокола, а сам, склонясь к святому, своими руками раскрыл лицо его и снял с его главы святую схиму и параманд.

Когда святитель и все духовенство увидели лицо Преподобного, то исполнились страха и сильного удивления, и пролили множество слез. Архимандрит Пафнутий и игумен Евфимий раскрыли святому грудь и руки до локтей, желая подлинно увидеть святого. Святитель долгое время внимательно смотрел на мощи преподобного и прославлял Бога, говоря: «Слава Тебе, Царю Святой, яко призираеши на святое место сие и прославляеши угодника Своего преподобного Александра!»

По прибытии в Новгород святитель описал самодержавному государю все, касающееся свидетельствования честных мощей преподобного Александра Чудотворца, и послал ему в благословение отрезанную часть схимы святого. Благочестивый царь и великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец, принял ту часть как некий драгоценный дар и возрадовался весьма великою радостью, что во дни его царствования Господь Бог благоволил открыть мощи угодника

Своего, великого Чудотворца, преподобного Александра. В 7152 году (1644 г. от Р.Х.) повелел устроить серебряную вызолоченную раку, и послал ее в обитель Живоначальной Троицы к преподобному отцу Александру Чудотворцу.

Мощи преподобного Александра пробыли в монастыре до 1918 года, после чего были вывезены большевиками и считались утерянными.

ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ

Поиск мощей преподобного уже в наше время был основан на вере в то, что мощи святого, лицезревшего Святую Троицу, не могли быть уничтожены никакими адскими силами.

Власть большевиков установилась на севере — в Петрозаводске, Олонце, Лодейном Поле — 5 января 1918 года. Из тех архивных материалов, которые врагами Церкви не были уничтожены, мы знаем подробности развернувшейся в те дни трагедии.

Первыми 6 января были поруганы и пленены именно мощи преподобного Александра Свирского. Шесть раз большевики подходили к мощам святого и только после этого вывезли их из монастыря — видно, сковывал их благоговейный страх перед святыней.

При монастыре действовал «Союз охраны церквей и часовен». Для расследования деятельности этого Союза в апреле 1918 года был послан отряд из 50 человек, в задачу которых входил арест «главарей Союза». Настоятель монастыря архимандрит Евгений был арестован в Олонецком ЧК, куда он был вызван повесткой. Вместе с ним был арестован казначей монастыря иеромонах Варсонофий и иеромонах Исайя.

Они вышли из монастыря, еще не зная, что больше в него не вернутся. В олонечкой тюрьме в ночь с 29 на 30 октября 1918 года они были расстреляны.

Когда ситуация в стране и в Олонецком крае для большевиков стала очень трудной, судьбу мощей святого Александра нужно было решать как можно скорее.

После того как было выяснено, что мощи — это не «восковая кукла» и не «скелет в тапочках», а подлинная нетленная святая плоть, большевики начали кампанию по сокрытию мощей

Гроб с мощами был доставлен в Лодейное Поле, где помещен в опечатанной часовне при больнице. Местный Чрезвычайком не решился определять судьбу мощей самостоятельно, в Центр был послан запрос — «не найдет ли центр останки преподобного исторической реликвий и если найдет их таковой, то власти препроводят их во гробе в г. Петрозаводск и приобщат его в местном историческом музее, если же нет, то распорядится поступить с ними по своему усмотрению». Были обнаружены материалы, косвенно подтверждающие отправку мощей в Петроград в 1919 году.

О сокрытии мощей, в частности, свидетельствует и тот факт, что одновременно с истинными мощами представителями ЧК были пущены в ход подставные мощи, вид которых не соответствовал их историческому описанию. Документы об этих лжемощах хранятся в архиве Городской судебно-медицинской экспертной службы.

Подлинные мощи были переданы в ведение Наркомздрава. В архиве ЦГА имеется документ из Комиссари-

ата здравоохранения от 18.02.1919 г., свидетельствующий о том, что мощи проходили судебно-медицинскую экспертизу. Судебно-медицинский подотдел находился при Обуховской больнице, которая с 1914 года работала в режиме военного госпиталя.

Известно, что 14 февраля 1919 г. во время кампании по ликвидации мощей, наркомом юстиции была выпущена директива о размещении мощей в музеях.

Единственным фундаментальным анатомическим музеем был музей в ВМА. По сведениям сотрудников кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, в годы революции в их музее появился экспонат, который так и оставался незарегистрированным в скрупулезно составленных каталогах.

Незарегистрированность «экспоната» в таком музее, каковым был анатомический музей в ВМА, было явлением исключительным. Для того чтобы сокрыть мощи, было сделано все.

Вероятно, тут действовала не только злая воля Центра, но и добрая воля заведующего кафедрой В. Н. Тонкова, который по своим убеждениям не был «воинствующим безбожником». Он мог постараться сделать так, чтобы про мощи просто забыли.

Так или иначе, но результаты архивных поисков, которые проводили насельницы Покрово-Тервенического монастыря по благословению духовника монастыря — игумена Лукиана (Куценко), привели их участников в декабре 1997 года в стены Военно-медицинской академии. После этого начались долгие месяцы проведения освидетельствования, которое должно было выяснять, является ли обнаруженный «анатомический

препарат» честными мощами преподобного Александра Свирского.

Но еще до того, как к работе приступили антрополог, стоматолог, анатомы, химики и историки, что называется «невооруженным взглядом» можно было увидеть удивительные совпадения между тем описанием, которое было составлено при первом обретении мощей преподобного Александра, и тем «экспонатом», который обрели в ВМА.

Вот фрагмент описания 1641 года: «Иерарх снял схиму с головы и параман, раскрыли перси и руки преподобного и удостоверились в нетленности тела и в том, что это были мощи первого игумена Свирской обители преподобного Александра. Тело оказалось неистлевшим и из-под аналафа видна была часть бороды, ноги же лежали как у новопочившего: правая плюсною кверху, а левая обращена в сторону. Лицо Преподобного казалось не мертвым, как у других людей, а как бы живым, показывая его душевную чистоту и награду, полученную им от Бога».

Итак, тело преподобного Александра — что бывает крайне редко и только с великими святыми — было полностью неистлевшим. Особенно поражает нетление лица святого. То, что у обычного человека подвергается тлению в первую очередь — мягкие ткани губ, носа и ушей — все нетронуто тлением.

Потрясающее совпадение в процитированном описании мощей преподобного Александра с летописными источниками подтверждается и необычным положением ступней: правая стопа опирается на свод левой, то есть «правая смотрит вверх, а левая — в сторону», «ноги лежат, как у недавно почившего». На это необычное положение ног обратили

внимание монахи при первом обретенении мощей.

Преподобный Александр послал уверение своим почитателям, что они не обманулись в поисках, еще до окончания работы экспертов. Когда было получено разрешение на то, чтобы отслужить молебен в здании СМЭС, где находились в то время святые мощи, и молебствие было совершено, то все присутствовавшие пережили великое потрясение. Мощи начали обильно мироточить.

Преподобный как будто ответил обратившимся к нему с молитвой: «Я вас слышу. Это — я».

30 июля 1998 года по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира святыня была открыта для поклонения верующим. Четыре месяца пребывала она в храме святых мучениц, нескончаемый поток паломников посетил подворье Покрово-Тервенического монастыря — небольшой храм на окраине города. Как смиренный паломник, приехал к мощам 17 августа 1998 года и Святейший Патриарх Алексий.

В тот день в своем слове к народу Его Святейшество сказал: **«Я думаю, что обретение и возвращение мощей преподобного Александра Свирского в это непростое время — милость и благословение Божие. И дай Бог, чтобы каждый, кто приходит к этим святым мощам, получил бы душевное укрепление и поддержку. И чувствовал, что преподобный своими молитвами помогает нам нести свой жизненный крест».**

В настоящее время мощи преподобного Александра Свирского находятся на своем историческом месте — в Преображенском соборе Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря.

Адрес Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря:

Россия, 187729,
Ленинградская область,
Лодейнопольский район,
деревня Старая Слобода.
Телефон: (81364) 44-530,
факс: (81364) 44-544.

Сайт: <http://svirskoe.ru/ru/index.php>

Андрей ШАЦКОВ

СЛАВЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ ПОЭТА

ЯНВАРЬ

ГЛАВА 1

7 января — 19 января

ОТ СВЕТОГО РОЖДЕСТВА ДО КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Суров морозами, зато светел празднествами январь — славянский месяц просинец. Особенно значим из них день Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а по-простому — Рождество, про которое всё уже изречено и написано церковными, да и литературными златоустами. И все же лучше всех о нем сказал замечательный поэт Алексей Константинович Толстой:

*Склоняясь к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Её земную красоту.*

*А Он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред Собой.*

После Великого дня Рождества Христова (7 января) начинались Рождественские святки. Первая неделя Святков называлась «святые вечера», а вторая — «страшные». По поверью, во время Святков открываются небесные врата и на землю спускаются усопшие предки и святые. Они помогают исполнению заветных желаний живущих и даже готовы слегка приоткрыть завесу будущего. Вот почему святочные гадания считаются самыми правдивыми.

А за судьбоносные подсказки их полагалось отблагодарить — наряжать российский аналог райского дерева — ёлку и украсить её самодельными и съестными дарами.

Гадали русичи на всём, что есть под рукой: на воске, иглах, бобах и даже на курице. Кудесили и колядовали все. В святочном веселье оживали древние заклания пращуров на плодородие, на грядущее воскрешение уснувшей под снегом земли. «В Святки Русь бушевала, разгульные вполпьяна дружины ряженных в личинах и харях с рёвом носились по улицам, забрасывали прохожих катышками (навоз к богатству), а девицам бесстыдно задирали подолаы шуб и шлепали плёткой по заду (чтобы дети водились в дому)».

Лишь в Крещенский сочельник (18 января) стихало веселье и соблюдался такой же строгий пост, как и в канун Рождества Христова. В этот день собирали снег со стогов — считали, что он один может выбелить любую холстину. Этот снег считали целебным, им лечили онемение в ногах, головокружение, судороги. Отсутствие снега, лежащего на ветвях деревьев, считали бедой — по народным приметам это означало, что летом не будет ни ягод, ни грибов.

Крещенский сочельник был главным днём святочных попыток заглянуть в судьбу: «Раз в крещенский вечерок девушки гадали...», ну а затем 19 января наступал двенадцатый церковный праздник — Крещение Господа нашего Иисуса Христа в реке Иордан в возрасте тридцати лет. (До тридцатилетнего возраста Богочеловек не начинал всенародной проповеди Евангелия, потому что у древних ранее этого возраста не принимали звания учителя народного или священника.) Его крестил Иоанн Предтеча, величайший из пророков, который завершает историю церкви Ветхозаветной и открывает эпоху Нового Завета. Своей проповедью Предтеча подготовил

народ к принятию Спасителя: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное».

Праздник Крещения носит и другое название — Богоявление, потому что в момент крещения Иисуса Христа в Иордане «Бог Отец свидетельствовал, и Бог Дух Святой сошел в виде голубя». В праздник Крещения Господня в церквях совершали Великое освящение воды, а во льдах больших и малых рек вырубали в виде креста проруби (иордани), к которым тянулись крестные ходы, в освященную воду которых, разоболокшись, бросался стар и млад, смывая накопившиеся грехи, и никто от зимнего купания не умирал. «Трещи мороз, не трещи — минули Водокрещи». А на берегу, одетые в лучшие одежды, стояли девицы на выданье, ибо с Крещения и до Масленой наступало веселое время свадеб. Недаром же на Руси исстари была сложена поговорка «Зима за морозы — мужик за праздники»...

НА МОРОЗНЫХ РАВНИНАХ

*Запечатана речка
 прощальным письмом.
Оплывает свеча
 догоревшей зари.
На морозных равнинах —
 крещенским постом
Шелестят снегири
 да свистят снегири.*

*Разгулялась метель,
 превратилась в пургу,
И хотя не размежит
 волна берега,
Я тропинку к тебе
 проложить не смогу,
Потом что зима,
 потому что снега.*

*Потому что не греют
 холодные сны.
И по швам разошёлся
 нагольный тулуп.
И медведи в берлогах
 не чувят весны.
И застыли слова
 в узкой проруби губ.*

*И до первой травы
 ни мизинным перстом
Не ударят
 в зелёных лугах косари...
На морозных равнинах —
 крещенским постом
Шелестят ковыли
 да свистят снегири.*

ФЕВРАЛЬ

ГЛАВА 2 15 февраля

СРЕТЕНИЕ

В самой середине стоит февраль — он же межень, он же снежень, он же лютедь — 15-го числа которого отмечается Сретение Господне. В этот день вспоминается принесение, согласно ветхозаветному закону воцерковления, младенца Иисуса Христа Девой Марией и Иосифом в Иерусалимский храм на сороковой день после рождения, где и произошла их встреча со старцем Симеоном Богоприимцем, переводчиком Ветхого Завета с еврейского на греческий язык и, следовательно, человеком литературы не чуждым. Переводя книгу пророка Исаии, Симеон усомнился в словах пророчества о рождении Спасителя от Девы. Он хотел даже исправить текст, но вдруг явившийся ему ангел сказал, что за свое сомнение он не умрет, пока не увидит Мессию. Наконец, по прошествии многих лет, узрев младен-

ца — Иисуса, Симеон взял его на руки и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему с миром, ибо увидели очи мои спасение Твое...» По преданиям, старец скончался на 360-м году земной жизни...

Двунадесятый праздник Сретения с особой пышностью стал отмечаться в VI веке при Византийском императоре Юстиниане как праздник встречи ветхозаветного и новозаветного миров, а в нашей далёкой северной Руси просто заменил собой языческий праздник очищения и покаяния, символизируя, что христианство подобно весне, пришедшей после языческой зимы. «На Сретенье зима весну встречает», — говорили в народе. По имени праздника Сретения последние зимние морозы и первые весенние оттепели именуются сретенскими.

Белым-бело вокруг. Бесконечно далёкой кажется весна. Но взгляните внимательно: вербы на припёке сбрасывают кожистые чехлы со своих будущих пухоков, начинают сереть ольха и розоветь тальник. Ватажатся под первой каплей воробы, и начинают бормотать по лесам глухари. Не зря в народе бытует поговорка: «Покров не лето, а Сретенье не зима», а главную примету — «Каково Сретенье, такова и весна» предстоит нам проверить в ближайшее время.

Не пропустите же первую примету весны!

СРЕТЕНИЕ

Не рассветает...

Смутен зимний сон.

Метели бьют навывлет и навывнос.

На аналое — инея антиминос,

На колокольнях — куколи ворон

Чернеют...

Непрогляден окоём.

Не рассветает...

Сон медвежий смутен.

И не понять, то ль сумерки,

то ль сүтедь

Витают над разбуженным огнём

Лампады...

Но простуженный тропарь

Вещает, что близка весны

примета —

День встречи с Новым —

Ветхого Завета.

День Сретенья, говаривали встарь

В России...

Здесь, весомы, но нежны,

Снега ложатся в тракты и дороги.

И чаще встреч — разлуки на пороге,

И чаще песен — ектеньи слышны

Под небом,

на которое рассвет

Вернётся и с надеждой

будет встречен

В день Сретенья,

который свят и вечен,

Для тех, кто верит,

что разлуки — нет!

ГЛАВА 3

23 февраля

БОГОМАТЕРЬ «ОГНЕВИДНАЯ»

Вот уже и перевалил за середину февраль — «кривые дороги», минуло Сретение Господне.

Помимо Сретения славен февраль и празднествами почитаемых на Руси икон Богоматери: «Отрадо и Утешение» (3 февраля), знаменитой «Утоли моя печали» (7 февраля), чудотворной Иверской иконы Божией Матери (25 февраля), а также иконы «Торжество православия» (28 фев-

раля). Но есть в этом святом перечне особый образ.

23 февраля, в День защитника Отечества, мы поклоняемся одной из самых загадочных икон на Руси — Богоматери «Огневидной». На этой иконе нет изображения младенца Иисуса Христа... Богоматерь — одна. Самое примечательное в иконе — цвет. На густо-красном хитоне Пресвятой Девы как бы играют сполохи далекого пожара. В исторических документах и преданиях об иконе почти ничего не сказано. Говорят, что на Руси она стала широко известна после похода князя Игоря на половцев.

Кто писал несказанно прекрасную и таинственную икону России? Безымянный богомаз, выученик знаменитой черниговской школы изографов, проводивший своего побратима-гусляра и дружинника князя Игоря Святославовича в степь половецкую, а потом вдохновленный «Словом...», сложенным вернувшимся из похода израненным другом?

Не скорбный ли поворот прекрасного лика Ярославны остался навсегда запечатленным в святом образе, осенившем собой День защитника Отечества?!

Бессмертен подвиг создателя «Слова о полку Игореве», одного из первых поэтов-воинов, воспевших героическую доблесть Родины. В их боевом строю слышатся голоса поручика Михаила Лермонтова, полковника Дениса Давыдова, ротного запевалы Николая Старшинова...

А небо над Россией опять темнеет, и, может быть, скоро настанет день, когда она вновь позовет лучших своих сыновей — на ратное либо на писательское поприще. Неужели они не откликнутся на её зов?!

МАРТ

ГЛАВА 4

ВЕЛИКОПОСТЬЕ

В начале протальника-марта отшумела празднествами Широкая Масленица, в которую Русь живёт по поговорке «Блин не клин, брюха не расколет». За семь недель до Пасхи наступает время Великого поста — ВЕЛИКОПОСТЬЕ. Это один из четырёх многодневных постов в церковном году, и он особо строг: мясные, молочные продукты и яйца в пищу не употребляют, а рыбу едят лишь дважды — на Благовещенье и Вербное воскресенье.

Но ещё перед Великим постом открывается постная Триодь — три седмицы, подготавливающие к нему и именующиеся по начинающим их воскресным дням: Неделя мытаря и фарисея, Неделя о блудном сыне и, наконец, Неделя мясопустная с предшествующей ей Вселенской родительской субботой и с длящейся всё оставшееся до Великого поста время Масленицей, завершающейся проводами зимы в Прощеное воскресенье. А там грядёт и сам Великий пост, каждый день которого — как откровение, а каждая неделя — новая ступень восхождения к главному церковному празднику Пасхи Христовой.

Многим людям кажется непонятным радостное ожидание Великого поста. Но истинно верующие относятся к нему как к источнику живой воды, утоляющей жажду ощущения тишины среди житейского шума. В той же мере, как плоть постящегося становится легче, духовная жизнь приходит в совершенство.

22 марта — в день, следующий за днём весеннего равноденствия, всегда приходящегося на пери-

од Великопостья, — мы отмечаем Память сорока мучеников, воинов-христиан, отказавшихся поклоняться языческим святыням, за что их, раздетых, оставили замерзать морозной ночью на льду Севастийского озера.

На Руси этот день именовался Сороки святыи, и отмечали его как праздник наступающей весны и прилёта птиц. («Увидел скворца — знай: весна у крыльца».) Я сам хорошо помню, как любимая бабушка выпекала из теста сорок жаворонков и в голову одного из них прятала на счастье заветный гривенник. Догадайтесь, кто находил его чаще других?

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

*Канон византийских слов
Псалтыря покрыл страницы.
На утлых плечах крестов —
Смольё прилетевшей птицы.*

*С утра тверёз пономарь
И дьякона рык раскатист.
Сейчас допоят тропарь.
Но не начнут акафист.*

*А в поле — уже весна.
И робкая всходит озимь.
И клетка поста тесна
Душе, устремлённой в просинь.*

*Но грузом вериг на ней
Лежит в ледяных оковах
Россия апрельских дней.
Россия страстей Христовых.*

*Распята меж двух миров.
На двух веков перекрёстке...
И отблеск свечей багров
Над чёрным опływом воска.*

АПРЕЛЬ

ГЛАВА 5

СВЕТОНОСНЫЙ АПРЕЛЬ

*(От снега до листа,
от Благовещения до Пасхи)*

Несмотря на длящийся Великий пост, необыкновенно богат главными церковными праздниками апрель-снегогон. Воспитатель двух императоров обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев писал в книге «Праздники Господни»: «Праздник! Святое слово... Слово это понятно и сочувственно русскому человеку, с детства воспитанному в благочестивом обычае... А Церковь наша своим богослужением так торжественно обставила не только Великие праздники, но и таинственное ожидание их для верующих, что праздник сам собою постепенно вступает в душу, озаряя ее тихим светом благодати».

Предваряя Страстную неделю, грядёт Вход Господень в Иерусалим, день, смысл которого в том, что верующие стараются открыть свои сердца перед Богом, как сделали это когда-то жители древнего города. Только вместо пальмовых ветвей, устилавших триумфальный путь Христа, русичи несут домой освящённые вербы — ветви скромного краснотала, которые целый год будут оберегать домашний очаг.

Минет Благовещение, озаряемое дальним сиянием Пасхи («Каково Благовещение, таково и Светлое Воскресенье»). Отремит торжественный колокольный звон — благовест, но останутся в сердце каждого слова, переданные Богоматери Архангелом Гавриилом: «Богородице Дево, радуйся!» Истари в этот день

(7 апреля) на Руси было заведено отпускать на волю птиц.

И завершит поистине светоносный, берёзовый апрель торжество из торжеств — Пасха, Светлое Христово Воскресение, — величайший христианский праздник, знаменующий победу Господа над смертью и начало бытия нового мира.

Отмечается Пасха в первое воскресенье после полнолуния, наступающего вслед за весенним равноденствием, приходящимся на 21 марта, ныне, по удивительному совпадению, объявленное ЮНЕСКО Всемирным днём поэзии. Впрочем, если задуматься, то ничего удивительного в этом нет, ибо основной догмат христианства «ЛОГОС (СЛОВО) — БОГ» признается во всем мире, и если это СЛОВО — поэтическое, то догмат становится, по-моему, ещё крепче.

Пусть же в эти праздничные пасхальные дни для каждого истинного верующего многократно звучат слова долгожданного приветствия «Христос воскрес! — Воистину воскрес!».

СВЕТЛЫЙ КАНУН

*Хмурень, просинец,
снежень проминули;
Март низринул зимы алтари.
Божьи длани над Русью раздвинули
Занавески пасхальной зари.*

*В небе белые лебеди маются.
Под шугой мечут щуки икру.
Колоколенки звонами каются
На простылом осеннем ветру.*

*И горит обветшалою лопотью
Прошлогоднего лета трава.
В мире пасмурно, сыро и хлопотно,
И бессмысленны все слова.*

*В кисее фиолетовой сутеми
На исходе ненастного дня
Перед ликом Вселенского Судии
Строг молитвенный сполох огня.*

*И лежит за Великими поймами
Рек, смывающих прошлого груз,
Гулевая, святая, пропойная.
Неуёмная — вечная Русь!*

МАЙ

ГЛАВА 6

МАЙ ЖЕСТОКИЙ

Знаменитое блоковское «*Май жестокий с белыми ночами!*» привычно всплывает в памяти, завораживая музыкой слов. Но почему, почему весёлый славянский месяц травень — вместе с тем и жестокий?! Откуда взялась в поэтическом воображении эта магическая строка-заклинание? Может быть, из народной приметы: «Кто в мае рождён — всю жизнь маяться будет», а может быть, из аналогичной присказки: «Рад бы жениться, да май не велит».

А ведь Красная Горка — Фомино воскресенье, первый день недели весенних предстрадных свадеб, — часто выпадает на начало мая. Неужели возможное взаимное разочарование может быть предопределено судьбой заранее?

«Весенний блеск, весенний шум. / Молитвы стройной звуки. / Всё тихим веяло крылом / Над грустию разлуки...» — так непостижимо печален весной Афанасий Фет. А вот и полностью созвучный поэтическому собрату Федор Глинка: «*Шумят весенние дожди, / Под ними зеленеют нивы — / Зачем же слышу я в груди / Порой тоскливые порывы?..*»

Прозрачным берёзовым соком сочится грусть мая, разливается печаль его Радоницы, о которой речь пойдёт ниже. Непременно наступают «черёмуховые холода» — загадочная и жестокая причуда природы, когда зима вновь напоминает о своём первородстве. И стоят деревья, как сказочные сугробы, то ли в саване снега, то ли в белой фате цветов, обожжённой внезапно вернувшимися морозами.

«Судьба нас сводила слепая: / Бог знает, мы свидимся ль там. / Но знаешь?.. Не смейся, ступая / Весною по мертвым листьям...» — как-то отчаянно написал один из самых лирических поэтов Серебряного века Иннокентий Анненский...

И всё равно настолько прекрасен май, что вся светлая грусть, разлитая в стихах, является пронзительно-ясным для каждого истинного творца предчувствием того, что «все мы в этом мире тленны», боязнию не увидеть, не воспеть май следующий. Ведь только поэтический ремесленник может быть уверен, что «допишет завтра», «окончит к сроку».

И воистину прав бессмертный Борис Пастернак, написавший: *«Для этого весной ранней / Со мною сходятся друзья, / И наши вечера — прощанья, / Пирушки наши — заветанья, / Чтоб тайная струя страданья / Согрела холод бытия...»*

МЕТЕЛИ МАЯ

Когда наступает с душою разлад
И шрамы на теле,
Как часто метели метут невпопад,
Как часты метели.

*И падает Радониц снег на гранит,
Растущий из тверди.
И ангел-хранитель уже не хранит
От скорби, от смерти.*

Темна в облаках неживая вода,
Глубо.ка трясина.
И к отчему дому тропа не видна
Для блудного сына.

На склоне змеёй ускользнувшего дня
Лукавый проснулся...
И ты отвернулась тогда от меня.
И Бог отвернулся!

ГЛАВА 7

24 мая

«О РУСЬ, ВЕЛИК ГРЯДУЩИЙ ДЕНЬ...»

Не богат великими церковными праздниками месяц май — славянский травень, зато обилён Великими для каждого русского сердца датами.

Обычно в этом месяце отмечается Радоница — особый день поминовения усопших, приходящийся на десятые сутки после Пасхи. Иногда этот светлый день удивительным образом совпадает с очередной датой Великой Победы. Вот уж воистину «это праздник со слезами на глазах!».

24 мая мы одновременно отмечаем день рождения Михаила Александровича Шолохова и День славянской письменности и культуры. Празднуются именины святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия — учителей Словенских, оставивших нам славянскую азбуку — кириллицу, с помощью которой ими были переведены Евангелие, Апостол, Псалтирь и другие книги.

Но главное, они как бы создали тот духовный цемент, который один крепит огромное геополитическое пространство, именуемое Славянским миром.

*Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ? —*

вопрошал автор вынесенной в заглавие этих записок строки великий Ф. И. Тютчев. Этим же вопросом мучились и другие замечательные поэты России: А. Хомяков, В. Соловьев, А. К. Толстой, которые верили, что

*...не считается Славянство
За тяжкий первородный грех...*

Профессор В. К. Журавлев писал: «Сознательное усвоение современного русского языка невозможно без церковно-славянского».

Зайдите в ближайший храм, и на его стенах вы увидите причудливый узор древнеславянской письменности, от похожей на диковинные ворота с верей буквы «аз» до летящей галкой смешной буквы «ижица». И пока иконописная кисть твердо выводит один за другим все сорок символов языка наших праотцев, покуда целы в заветных хранилищах своды летописей самого непокорного в мире народа, жива будет Россия!

ИЮНЬ

ГЛАВА 8

СВЕТОЗАРНОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ

Вот и наступил медовый месяц природы июнь-светозар, когда заря с зарею сходится. Славяне также называли его «изок», то есть «кузнецик». Отцветают сады, колосится озимая рожь, подходит время сенокоса.

На сороковой день после Пасхи мы отмечаем Вознесение Господне — свидетельство нераздельного соединения божественного и человеческого в лице Христа, окончившего деяния Мессии и вернувшегося к Отцу на Небо, как на свою родину.

Туда, к прозрачным горным высям, как к последней надежде и утешению, надлежит стремиться душе каждого человека. Но не просто в небо. Мы не «Иваны, не помнящие родства». Понятия «дым Отечества» и «небо Родины» не пустой звук для каждого русского сердца...

В память Вознесения Господня русичи пекут пироги, именуемые лестницами, верхняя корка которых выкладывается семью поперечинами, помогающими достигнуть Седьмого неба, ибо крылья для полёта даны далеко не каждому.

Месяц христианского милосердия и кротости — июнь ободрит путников. Через десять дней после двенадцатого праздника Вознесения грядёт особо почитаемая на Руси Пресвятая Троица, а сразу за ней день Святого Духа — праздники, завершающие дело Спасения.

В этот самый светлый, самый отдалённый от зимы месяц в душе каждого воскресают бессмертные строки, в которых живут «и божество и вдохновенье», написанные в июне в Тригорском главным поэтом России, чей июньский же день рождения ежегодно открывает череду важнейших памятных дат грядущего лета.

ВДОХНОВЕНИЕ

*Когда туманы млечны и легки
И утвердилось лето на престоле,
Как женщина, тропинкой вдоль реки
Выходит утром вдохновенье в поле.*

*Как короток зари июньской век,
Вознёшней в небо вдохновенья пламя...
Но остановил время плавный бег
И пухом закружит над тополями.*

*И нежный абрис женского лица
Проявится в строке неясной тенью...
И нету слаще крестных мук Творца,
Спешащего навстречу вдохновенью!*

ГЛАВА 9

«... И ВОСПЕВАТИ ВСЕСВЯТОЕ
ИМЯ ТВОЕ,
ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА»
(Праздник Святой Троицы,
Пятидесятница)

Он празднуется через семь недель после Пасхи, в воскресенье. Второй день Троицы именуется Днём Святого Духа. Это всегда понедельник. Именно этот день является пятидесятым по счёту от Пасхи, поэтому и второе название праздника — Пятидесятница.

Празднства, завершающие дело Спасения, посвящены воспоминанию сошествия Святого Духа на апостолов, после чего они получили дар языков — способность нести Слово Божие по всему миру...

С описания того, что произошло через пятьдесят дней после Воскресения Христова и через десять дней после его Вознесения на небо, начинается книга Деяний апостольских. По рассказу евангелиста Луки, *«при наступлении Дня Пятидесятницы (имеющего ветхозаветное происхождение и совершаемого в память о даровании святому пророку Моисею божественных заповедей на горе Синай) все они (апостолы) были единодушно вместе (в Иерусалиме). И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать...»*

Бог Отец творит мир. Бог Сын искупает людей от порабощения дьяволом, Бог Дух Святой освящает мир через основание Церкви и всемир-

ную проповедь веры. Именно поэтому День Святой Троицы именуется ещё днём рождения Церкви.

Таково сложное, но глубокое богословское толкование основного догмата христианства — Троицы, означающей триединую и неделимую сущность Божества.

Этот праздник необыкновенно чтят на Руси. Её печальник — преподобный Сергей Радонежский основал во имя Троицы колыбель российской государственности — Лавру и Троице же посвятил свою лучшую икону преподобный инок Андрей Рублёв.

На иконе изображено ветхозаветное событие, напоминающее нам о явлении Бога праотцу Аврааму в виде трех ангелов-странников. Событие это произошло в Мамврийской дубраве, поэтому украшенный ветвями, цветами и травой храм символически изображает собой эту дубраву, в церковный праздник именуемую кущей.

К празднику Троицы приурочен был на Руси прекрасный обычай убирать храмы живыми ветвями берёзы.

В Древнем мире были общепринятые древесные символы: масличная ветвь — мира, лавровая — победы, дубовая — мужества. Берёза всегда была у славян символом весны.

По народным обычаям седьмая неделя после Пасхи носила название «семиковой». Особенно отмечали три её дня: Семик, приходящийся на четверг, Троицкую родительскую субботу и саму Троицу.

Семик — седьмой послепасхальный четверг — считался большим народным праздником, открывающим целую череду обрядов, знаменующих прощание с весной и встречу лета. (В языческие времена это был день Перуна-Громовника.)

Накануне Семика девушки отправлялись выбирать — «заламывать» берёзки, а на другой день шли их «за-

вивать» (связывать ветви), а затем водить, взявшись за руки, хороводы.

Вообще на седмицей неделе на Руси было столько проявлений суеверия, что её не без основания называли Зелёными Святками. Были тут и «похороны» зегзицы — кукушки, и пускание венков по реке, и обереги от русалок, которые накануне Троицы дня выходят из реки, и даже повторное крашение яиц, как на Пасху.

Накануне Троицы отмечалась Троицкая родительская суббота, потому что сошествием Святого Духа завершается спасение всего человечества и каждого человека в отдельности, как живого, так и мёртвого. Святой Василий Великий утверждает, что в этот день Господь наипаче всего принимает моления об умерших, и даже о тех, кто находится в аду.

А сам Троицын день всегда отмечался с необыкновенной радостью и пышностью. Ранее Государь непременно стоял Троицкую обедню в Успенском соборе Кремля, где ему подносили на ковре древесный лист от Патриарха, и потом торжественно выходил в народ.

Так наши чисто народные обычаи, смешиваясь с церковными канонами, способствовали их укреплению, незаметно создавая тот особый «русский дух», о котором возвышенно писал А. С. Пушкин, чей день рождения — 6 июня — почти всегда приходится на праздничное пространство Святой Живоначальной Троицы.

ИЮЛЬ

ГЛАВА 10

17 июля

АНДРЕЙ ЛЕТНИЙ

Древние верили, что имя, данное человеку, во многом будет предопределять его душевные качества

и фатально влиять на всю дальнейшую судьбу. Статистические исследования показали, что самым популярным в России, если брать усреднённый показатель по векам, является имя Андрей, что в переводе с греческого означает «храбрый и мужественный».

Святой Андрей Первозванный первым из апостолов последовал за Христом, а затем привёл к нему своего брата Петра, с которым вместе занимался рыболовством. По преданию, Святой Апостол Андрей поднялся по Днепру до тех холмов, где теперь стоит Киев, и подружил на горе крест. Затем побывал в Новгороде и предсказал всей славянской земле православие. Во время гонения на христиан при императоре Домициане был распят на косом кресте. Именины святого Андрея празднуются 13 декабря, но русичи не были бы русичами, если бы только единожды чтили память любимого святого...

Вот и наступила наконец макушка лета — июль, он же славянский месяц червень: хмельной от запаха цветущих лип, красный от спелого земляничного ковра, звонкий от грозовых раскатов. Ещё продолжается сенокос, но пора уже косить и хлеба. «Июнь с косой по лугам прошёл, а июль с серпом по хлебам пробежал». Всем люб июль!

17 июля мы отмечаем день Летнего Андрея, праздник, вобравший в себя память о трёх святых: святом Андрее, архиепископе Критском, благоверном князе Андрее Боголюбском и преподобном иноке Андрее Рублёве.

При всём моём уважении к аскету, страстному проповеднику и церковному поэту — Критскому архиепископу Андрею, а также к суровому и воинственному сыну Юрия

Долгорукого — князю Андрею Боголюбскому, перенесшему столицу русичей во Владимир и украсившему его Золотыми воротами, для меня день Летнего Андрея навсегда связан с Андреем Рублёвым — создателем бессмертной «Троицы», иконописным символом веры России, заповеданным нам веками.

Несмотря на сохранившиеся шедевры, о самом Рублёве известно до обидного мало. Рождённый лет за десять до Куликовской битвы, предположительно на многострадальной Рязанской земле, мальчик был заброшен вихрем очередного нашествия степняков в Москву, где благодаря Промыслу Божьему встретился с преподобным Сергием Радонежским, игуменом знаменитой Троицкой обители, чудотворцем и провозвестником нового монашеского общинножительского уклада. Дивная икона Андрея Рублёва не возникла бы без духовного наставничества Сергия, для которого образ Троицы был основой национального бытия земли русской, краеугольным камнем нашей государственности в огненном XIV веке.

Основной догмат христианства подразумевает триединое и нераздельное существо Божества, однако если у православных Бог Отец и Бог Сын «единосущны», то у католиков они «единоподобны». Мы веруем во «Единого Бога», а не «Бога и Сына», как латины, и наш символ веры освящает истинную соборность, а не иерархическую лестницу католических чиновников, главный из которых Папа Римский.

И в этой суровой борьбе двух миров икона — окно в мир горний — являет собой более прямой путь к истинному Богу, нежели многочисленные схоластические изыскания. В этом удивительном окне, распах-

нутом Рублёвым, мы видим каноническое изображение Святой Троицы в виде трёх ангелов, явившихся праротцу Аврааму. Сколько поколений предков замирало перед ней в благоговеином трепете! Отсюда тянется незримая нить в прошлое, где артелью монаха Андрея Рублёва были расписаны старый Благовещенский собор Кремля и Спасский собор Андрониковского монастыря, Успенский собор во Владимире, Троицкий в Лавре, Успенский в Звенигороде, и несть им числа. Отсюда истекают незримые энергии пращуров, завещавших нам православие как строй души, который должен хранить и оберегать каждый. Будем же «храбры и мужественны» в этом деянии, как преподобный Андрей Рублёв.

В ДЕНЬ ЛЕТНЕГО АНДРЕЯ

*В святую пятницу седмицы,
Когда спадёт последний жар,
В окно монашеской светлицы
Заглянет облако Стожар.*

*И сонмы ангелов слетятся,
Рождая свет из темноты.
И на столе псалтырь и святыцы
Листают инока персты.*

*И покаянье в час прохлады
Спасает душу от корост.
И взваром яблочной улады
Стекает киноварь на холст.*

*Но что оставит рок вселенский,
Привстав в ордынских стреленах?
Успенский и Богоявленский
Рублёвский крест на раменах.*

*Да Русь, подбитую, как птица,
На вековечном правеже.
Да в заполошной муке лица
Толпы, забывшей о душе...*

*Опять на Летнего Андрея
Затеплю «Троице» свечу.
Но никого не отогрею.
И ничего не заплачу.*

*Кому платить? Какою мерой
Былому меряна цена?
Не поступлюсь отцовской верой!
Неопалима Купина...*

ГЛАВА 11

18 июля

«ЧТОБЫ ПАМЯТЬ
ПОПИРАЛА СМЕРТЬ!..»

17 июля 2000 года трагически погиб Дмитрий Михайлович Балашов. Замечательный историк и философ. Великий русский писатель, слава которого началась с вышедшей в уже далекие шестидесятые годы повести «Господин Великий Новгород». Затем появился роман «Марфа Посадница», и далее, в течение почти двадцати лет, рождалась поражающая размахом и глубиной эпопея «Государя московские», состоящая из книг «Старший сын», «Великий стол», «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени», «Отречение» и трилогии «Святая Русь». Это был настоящий огненный летописный свод о становлении в муках и крови XIII и XIV веков Государства Российского.

«Сколь красноречиво глаголют летописи и столь жалок лепет потомков, в крови которых нет ни капли воли великих отцов!..» — в отчаянии восклицал автор, но снова и снова брался за перо. Кто-то назвал его «российским Дрюоном», но он значил для России гораздо больше, чем французский создатель серии «Проклятые короли». В последнее десятилетие, когда, казалось, нечем было дышать, книги Балашова, ставшие

прижизненной классикой, стучались в каждую русскую душу. Это был последний «Вещий Боян» России.

«Мужество мужу потребно всегда, и паче всего в час смерти» — эта фраза, вложенная им в уста пахарей и ратоборцев, стала пророческой. Его смерть не была легкой...

Известие о ней пришло 18 июля в день обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского — его любимого героя, вокруг образа которого разворачивается действие всех последних романов Балашова.

Имя, данное человеку при рождении, во многом предопределяет его судьбу и душевные качества. Тёзка других своих любимых героев — Великого князя Дмитрия Донского и «куликовского» стратега — князя Дмитрия Боброка, Балашов оставил Россию на трагическом перепутье, в момент наивысшего напряжения сил в борьбе за самобытность и духовность, за само существование нации. Оставил, когда впереди забрежала надежда.

Пройдёт сорокоуст, минует Успение, покроет землю Покров, и над бескрайними просторами России зазвонят колокола Великой Дмитровской родительской субботы. И в бесконечном поминальном списке павших «за други своя» прозвучит имя убиенного боярина Димитрия.

Вечная память!

АВГУСТ

ГЛАВА 12

28 августа

УСПЕНИЕ ЛЕТА

«Скоро осень, за окнами август...» — слова этой задушевной песни почему-то неотступно начина-

Но как бы ни назывался этот праздник, светлая память об очередном минувшем лете разлита в прозрачном холодеющем воздухе. Начинаются первые осенины, грядут Андрей Стратилат и Симеон-летопроводец. Но об этом уже поздно.

УСПЕНИЕ

*Лето кануло солнцем за рааменье.
Медь заката пошла за пустяк.
Спас ореховый — осени знаменье
На утиный встаёт перетяг.*

*Затиhaет церковное пение.
Неподвижна осока в пруду.
Богородицы кроткой Успение
Баbье лето ведёт в поводу.*

*Стадо клёнов гусиными лапами
Вперевалку топочет жнивье.
И развешано белыми флагами
Облаков кучевое бельё.*

*Вот и всё... Улыбаясь измученно,
Жаркий август бредёт на погост.
Лишь пылится дороги излучина.
Да Успенский кончается пост.*

*Да ложится роса на обочины,
На которых не видно души.
И ведут заполо.шные кочеты
Перекличку в осенней тиши.*

СЕНТЯБРЬ

ГЛАВА 13

21 сентября

«НА ТВОЙ БО
СВЯТЫЙ ОБРАЗ ВЗИРАЮЩЕ...»
(Праздник Рождества
Пресвятой Богородицы)

Мне приснилась Богородица...
Случай, конечно, удивительный,
но на бескрайних просторах Рос-
сии отнюдь не редкий. Ведь при-
виделась же она Александру Блоку
в одном из стихотворений бессмерт-
ного цикла «На поле Куликовом».

*И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня...*

Мне она приснилась буднишнее.
Неясный светлый образ, тихий голос,
спрашивающий, почему для меня —
русского поэта, ежегодно отмечаю-
щего дату судьбоносной Куликовской
битвы, совпадающую как раз с непре-
ходящим двенадцатым праздником
Рождества Пресвятой Богородицы —
21 сентября, только недавно стала яс-
на абсолютная историческая предо-
пределённость победы?

Раньше мне казалось, что о Кули-
ковом поле я знал всё. Оказывается —
нет. Ведь «во mnogой мудро-
сти — много печали...», и настоящее
понимание истины часто приходит
уже в конце пути.

Согласно преданию, родители Бо-
жией Матери, святые праведники
Иоаким и Анна, дожили до преклон-
ного возраста, но не имели детей,
что в те ветхозаветные времена счи-
талось недопустимым грехом. Од-
нажды первосвященник отказался
даже принять дары от Иоакима, и тот
удалился в пустыню. После усердных
молитв ему явился ангел и возве-
стил, что у них родится дочь, которую
следует назвать Марией и которая
станет Матерью Иисуса Христа...

Церковь называет Марию лестви-
цею духовной, рождённой от земли
и соединившей землю с небом.

Богоматери поклоняются во всём
мире, но на Руси — особенно. Из-
вестны триста шестьдесят четыре
чудотворные иконы, запечатлевшие
облик Заступницы Небесной. Какой
любовью, какой силой поэтически-
го воображения должны были об-
ладать русичи, чтобы так называть
любимый образ: «Всех скорбящих
радость», «Неопалимая Купина»,
«Умягчение злых сердец», «Бла-
годатное небо». Только в России
празднуется 14 октября Великий
праздник Покрова Пресвятой Бого-
родицы, установленный легендар-
ным князем Андреем Боголюбским.

Особо чтимой национальной иконой России является Владимирская икона Пресвятой Богородицы, та самая, которая стоит по левую сторону от царских врат в Московском Успенском соборе. Была она написана, по преданию, Евангелистом Лукою ещё при жизни

Богородицы.

Трижды в году православная церковь отмечает праздник этой иконы, трижды спасшей наше отечество от гибели:

- 8 сентября 1395 года она при-
снилась «Железному хромцу»
Тамерлану, и тот, уже начав раз-
зорительный поход, внезапно
повернул из уделов России;
- 6 июля 1480 года золотоордын-
ский хан Ахмат бежал от войск
Ивана III после почти годичного
стояния на Угре, названной
поясом Богоматери, после чего
окаянное иго пало навсегда;
- 3 июня 1521 года Богородица
Владимирская явилась взору Ва-
силия Блаженного и вместе с за-
щитниками Москвы отразила
от её стен полчища хана Мехмет-
Гирея.

Но если одна чудотворная икона трижды оберегла Россию, то сама Божия Мать несомненно была в 1380 году в небе над истерзанным междуречьем Дона и Непрядвы в День своего святого Рождества. Ибо ни ратный подвиг Пересвета, ни полководческий гений князя Боброка-Волынского, ни героическое личное мужество Дмитрия Донского и многих иных воев не смогли бы перемочь трёхкратного численного перевеса озверевших врагов в те времена, когда оружие было несовершенно, а боевые споры решались с помощью грубой силы множества.

Для «одоления на враги» на ратные весы легло то незримое, чему нет

вещественного названия, но сколь оно значимо: «Веси ты, Господи...»

Не с той ли поры приняла Святую Русь под свой омофор Заступница Небесная, сказав: «Радуйтесь, я с вами есмь во все дни!»?

И пока над Русью трепещет омор
Богородицы: «Всех нас заступи,
о Владычице, иже в напастях
и в скорбях».

ЧАБРЕЦ

Богородицкая трава

В Богородичный день,
 утопающий в ласковой сини
Осенин, облачённых
 в сентябрьский кровавый багрец,
На бескрайних полях,
 на безмолвных полянах России
Богородский травой
 возрастает пахучий чабрец.

Что за дивные сны с чабрецом
навевает подушка.
С тем, которым иконный оклад
украшали в Престол.
И прекрасной царевною станет
простая лягушка
И не станет помехою кречетам
ясный сокол!

Сколько сложено сказок о сём
на людскую потребу.
Как причудлива их
златотканная мудрая вязь...
Рождество Богородицы —
лестница в чистое небо.
Рождество Богородицы —
осени топкая грязь.

А из грязи, хвостатый бунчук
на скаку поднимая,
Смертным мороком явятся
тысячи волчьих сердец.
И падут ковыли в полный рост
под пятою Мамай,
Но пригнётся к земле,
распрямившись, Непрядвы чабрец!

*И навстречу врагу под хоругвь
«Ярого ока»*

*В Богородичный день
богородской любимой травой
Вылетают заса.дные вершники
князя Боброка,
Созываются в битву Архангела
звонкой трубой!*

*И усеется поле коростю
ратного спора —
Куликово,
заветное,
в поросли из чабреца.
Расточится туман, и заря,
словно плат омофора,
Ниспадёт на траву —
и не будет России конца!*

ГЛАВА 14

27 сентября

*«...И ТВОЕ СОХРАНЯЯ КРЕСТОМ
ТВОИМ ЖИТЕЛЬСТВО»
(Праздник Воздвижения
Честного и Животворящего
Креста Господня)*

Сентябрь — девятый месяц в году, у римлян считался седьмым, отчего и получил свое название (septem). На Руси же его называли «рюинь» — от рёва осенних ветров и животных.

Интересно, что в древнем отечестве нашем сентябрь некогда тоже считался седьмым месяцем по счёту, но в 1342 году при Митрополите Феогносте было принято соборное решение начинать год с сентября, а не с марта.

Вводя эту перемену, наша церковь подчеркивала неразрывную связь с греко-восточной церковью, которая установила праздновать Новолетие с 1 сентября, в память победы, одержанной римским императором Константином Великим над жесто-

ким гонителем христиан — Максением.

Именно накануне этой битвы Константин увидел в полуденном небе сияющий крест с надписью «сим победиши» и, подняв над войсками новое знамя — лабарум (поперечина на покрытом золотом копье), победил врага, после чего принял христиан под своё покровительство.

Исполненный благочестия, он просил свою мать — блаженную царицу Елену отправиться в святую землю и отыскать там крест Христов — величайшую святыню, которую по обычаю тех времён похоронили вместе с телами казнённых.

Разрушив капище Венеры, построенное на холме, покрывавшем пещеру гроба Господня, Елена совместно с Иерусалимским Патриархом Макарием обнаружила три креста, которые по очереди прикладывали к находящейся при смерти женщине. Исцелена она была третьим крестом, который Патриарх воздвиг на обозрение ликующему народу. Произошло это событие 27 сентября 326 года. С тех пор это — двенадцатый церковный праздник, а крест стали выносить каждую Великую Пятницу на Голгофу для поклонения.

Теперь крест стал величайшей святыней, горней славой, всепобеждающим духовным мечом, и таким его сделал для нас Христос своей смертью и своими страданиями.

На святой Руси, весьма далекой от греко-римской старины и схоластических изысканий древних философов, день Воздвиженья зачастую именовался «ставровым днём», что, однако, отнюдь не означало Ставровых именин (именинниками в этот день были Иваны, в честь Успения Иоанна Златоуста), а содержало в основе слово stauros — «крест». Вместе с тем слово «Воздвижение» вполне

естественно стало звучать как Вдвижение, или Сдвижение. По народным разговорам, в этот день «кафтан с шубой сдвинулся, последний воз с поля, мошкara и гады к зиме прячутся, а холода надвинутся». Начиная поиски своего зимнего убежища и хозяин леса — леший, который, вволю начудив и наозоровав, окончательно проваливался под землю 17 октября — в день Ерофея Лешегона.

Открывалась пора третьих осенин, начинался отлёт диких птиц. Установленным началом такого отлёта считался день Никиты-гуселёта (Гусепролёта), следующий за Воздвижением.

Прозрачными становятся леса, пустыми поля. Отселе, говорили предки, воистину начинается осень. И хотя подвинулся белый свет, уступая место сумеркам, но гонит тьму Честной Животворящий Крест Божий. Скорбно и грозно высится он над осенними русскими равнинами, над честными могилами павших на поле Куликовом, в сече, не уступающей битве Константина Великого. Слава!

ПЕРЕД ВОЗДВИЖЕНИЕМ

*Как хорошо, что ты уже легла,
Когда заря за тёмный лес упала.
Ты ждать её успения не стала...
Ночь тяжелела, словно одеяло,
И каплями стекала со стекла.*

*Как хорошо, что две твои руки
Усталые сомкнулись под щекою.
Они давно не ведали покоя,
Как крылья птиц, кружащих над рекою,
Предсказанным морозам вопреки.*

*Но им пора, пора в далёкий путь...
А нас с тобой Россия не отпустит.
Сентябрь в груздях
и в журавлиной грусти,
Плывущей по-над Рузою до устья,
Где верески прибрежные цветут.*

Ты спишь?

*Ответь, но глаз не размыкай.
За окнами ни зги. И мы без света
Проводим молча наше бабье лето.
Воздвижение придёт*

*в лучах рассвета...
Ты спи... И пусть тебе приснится май!*

ГЛАВА 15 30 сентября

«БЫЛ ВЕРЫ ДЕНЬ...»

Тридцатого сентября, во время третьих осенин, длящихся на Руси от двенадцатого праздника Воздвижения Креста Господня (27 сентября) до великого праздника Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября), особенно тепло звучат слова поздравления именинникам, носящим прекрасные имена Вера, Надежда, Любовь и София. Эти имена настолько вошли в привычный славянский обиход, что уже никто не воспринимает их как иноземные, а между тем церковная притча гласит...

София жила в начале II века в Риме. Оставшись вдовой с тремя дочерьми Верой (двенадцать лет), Надеждой (десять лет) и Любовью (девять лет), она воспитывала их в вере Христовой, чей злой гонитель, император Адриан, за отказ от поклонения идолам подверг девочек бесчеловечным мукам, после чего велел отрубить им головы. Их мать София скончалась на третий день на могиле дочерей...

В холодной русской земле, окрещённой только в конце X века, но после этого в череде огненных лет и вплоть до нынешней поры остающейся необыкновенно стойкой в обретенной вере, по любви пришлось судьба кротких и мужественных христианок. Их имена носит половина

России, а ничем особо не примечательный день сентября приобретает особенный смысл — всеобщих именин русских женщин. Это как бы православный женский праздник, более значимый, чем 8 Марта. В народе он называется «Всесветный бабий праздник, или Всесветная бабья выть».

Каким бы житьё ни было, а уж полагалось бабе поголосить с утра о себе, чтобы потом со светлой душой за хозяйство приняться, утворяя мир и спокойствие в доме.

Завершается последний тёплый месяц на Руси — вересень. Грядёт пора весёлых покровских свадеб, после которых наступают предзимье и долгая, долгая зима. Но пусть согревают ваши сердца те, кто рядом с вами. Они часто носят имена трёх краеугольных добродетелей: ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ, ЛЮБВИ. «Молитесь убо за нас, святые угодницы...»

ОКТАБРЬ

ГЛАВА 16

14 октября

«ЖУРАВЛИ УЛЕТЯТ ДО ПОКРОВА...»

В самом сердце Владимирской Руси, посреди заливного луга при впадении Нерли в Клязьму, красуется дивно изукрашенная белокаменная церковь, построенная в 1165 году в честь победоносного похода князя Андрея Боголюбского на земли волжских булгар. Это первая из церквей, посвященных Покрову Пресвятой Богородицы — одному из любимых праздников россиян. Празднику исконно русскому, ибо из-за смут, сотрясавших Византию в X веке, он не был внесён в число важнейших — двенадесятых церковных празднеств, как бы не прижился в дряхлеющей империи...

В достопамятном 911 году сарацины осадили столицу Византии — Константинополь, население которого собралось ко всенощной в знаменитый Влахернский храм, где хранилась риза Божией Матери. Перед концом службы юродивый Андрей увидел шествующую по небу Пресвятую Деву, окружённую сонмом ангелов и святых. Преклонив

колена, Богоматерь долго молилась, а затем сняла со своей головы покрывало (покров, омофор) и распростёрла его над молящимися в храме, знаменуя этим подаваемую христианам защиту. Вскоре враг отступил от городских стен.

В далёкой северной Руси, где беспрерывно шла отчаянная борьба с сопредельным степным Диким полем, этот праздник, установленный князем Андреем Боголюбским, органично вошёл в череду народных. В этот день тысячи верующих повторяют слова церковного акафиста: *«Покрый нас честным Твоим Покровом и избави нас от всякого зла, молящи Сына Твоего...»*

Но это не только праздник «одоления на враги», приходящийся на 14 октября. Сельские работы к этому времени заканчивались, и наступали «осенние свадебные недели», когда с первых посиделок по первому огарку свечи начинались девичьи гадания: «Батюшка Покров, покрой землю седу и меня молодую, покрой воду ледком, а меня — платком». Известно, какое огромное значение в свадебном обряде играет фата. Не от сходства ли свадебного покрывала невесты с омофором Богородицы наш простой народ придал этому дню особое покровительство над браком?

И в природном календаре день Покрова — особенный, приметный. «Покров — не лето, сретенье —

не зима», «Каков Покров, такова и зима». Если на Арину (1 октября) журавли полетят, то на Покров надо ждать первого мороза.

Так пусть же в последний день осени, озарённых ласковым неярким солнцем, звучат прощальным благовестом минувшему лету колокола Покрова.

ОТЛЁТ

*Журавли улетят до Покрова
И уронят из горних глубин
Приговора метельное слово
Приворотной поре осенин.*

*Треугольник, очерченный строго,
Затеряется в небе лесном.
Колесом, журавли, вам дорога.
И печаль моя вслед колесом!*

*Что нам вспомнится? Лето ковылье...
Слюдяного окна переплёт...
Воробьиные ночи — навыйлет...
Соболиные брови — вразлёт...*

*Но окликнув отставших сурово,
Бросив в землю обрезанный взгляд,
Журавли улетят до Покрова:
Улетят... Улетают... Летят!!!*

ГЛАВА 17

ОСЕНИНЫ НА КРАЮ СВЕТА

Евгению Сысоеву

Вот и минул-пролетел на журавлиных крыльях сентябрь — золотой славянский месяц вересень. «Холоден сентябрь, да сыт».

И вот после Дня мучениц Веры, Надежды и Любви, а также матери их Софии наступил октябрь — славянский месяц грудень (грудится остывающая земля). Пришло время,

про которое сам Пушкин сказал: «*Теперь моя пора: / Я не люблю весны...*» Именуется она в России по-дивному: осенины.

Осенины! Музыка этого исконно русского слова несказанно волнует и завораживает меня в ту высокую и светлую пору, когда ослепительный свет льётся на покрытую алой порошей листопада землю и начинается осенний лёт птиц, листьев, паутинок и поэтического вдохновения.словно далёкий благовест рассыпается в ласковой тиши: «О-СЕ-НИНЫ!»

Согласно словарю Даля, осенины состоят из трёх частей.

Совторого (Яблочного) Спаса (19 августа) до Симеона-Летопроводца (14 сентября) — первые осенины (отъезжее поле охотников).

С Симеона до Воздвиженья вторые осенины — коренное бабье лето.

С Воздвиженья до Покрова (14 октября) идёт весёлое время осенних свадеб — третьи осенины. «Октябрь — месяц ненастья, начало семейного счастья!»

И пока в средней полосе удивительной страны России, привольно раскинувшейся где-то на краю света между Европой и Азией, стоит пора с удивительным названием «осенины», её отмеченные искрой Божией дочери и сыновья будут творить таинство превращения горьковатого воздуха осени в гениальные болдинские строки: «Дни поздней осени бранят обыкновенно, / Но мне она мила, читатель дорогой...»

Третьи осенины подарили нам поэтическую славу России: С. Есенина, М. Цветаеву, Н. Клюева. Завтра — Покров («Каков Покров, такова и зима»). Этот великий, хотя и не двенадесятый, церковный праздник широко отмечают на Руси со времён легендарного князя Андрея Боголюбского в честь спасительного

Покрова Пресвятой Богородицы, принявшей под свой омофор святую Русь. Начинается отсчёт другого времени, именуемого предзимьем, в первый день которого, 15 октября, родился М. Ю. Лермонтов.

Да будут благословенны минувшие осенины, нежданно долго бушевавшие над Россией и данные нам в утешение за холодную, засушливую весну и мокрое, безрадостное лето. Пусть золото их огня будет согревать вашу душу в преддверии долгой зимы...

НОЯБРЬ

ГЛАВА 18

«ЗА ДРУГИ СВОЯ»

(Димитриевская суббота)

К памяти пращуров на Руси всегда относились благоговейно. Пять ежегодных родительских суббот и Радоница — как шесть вершин голбца (голубца), православного могильного креста с кровелькой, — навсегда в перечне важнейших обрядов для русича. Особое место занимает Димитриевская родительская суббота...

Незабываемый 1380 год... Победоносно завершилась 21 сентября Куликовская битва. Отныне чудом уцелевший в бою Великий князь московский Димитрий на века становится Донским. Но сколько безымянных русских воинов сложили голову в Дикой степи! Восемь дней Дон, Меча и Непрядва несли кровавые волны, а павших героев хоронили в гигантских братских могилах. Только двести дубовых колод, наполненных мёдом, сохраняющим тела наиболее знатных погибших ратоборцев, были направлены в скорбный обратный путь — в Московию.

После тяжёлой победы князь Дмитрий отправился в Троицкую обитель к духовному вождю Руси — преподобному Сергию Радонежскому, которому заповедал совершать ежегодное поминовение павших в субботу накануне 8 ноября — даты великомученика Дмитрия Солунского, в честь которого был наречён Великий князь.

Не раз ещё за истекшие века собирала свою добычу смерть на обгорелых полях России. Постепенно эта суббота стала днём памятного моления за всех христианских воинов. Если в душе вашей живёт славянское мужество, если вы не успели стать Иваном, не помнящим родства, зажгите в этот день свечу в память о «павших за други своя»!

Вечная им память!

ОСЕННИЙ МОРОК

Евгению Юшину

*Крыто небо облаков овчинами,
В бездорожье увязает взгляд...
Над холмами, рощами, лощинами
Лебеди усталые летят.*

*Пёстрых листьев
шутовской заплатой,
По лешачьей просеке бредя,
Вдосталь налюбуйтесь,
крылатая
Вынет осень душу у тебя!*

*И помчит немереными вёрстами,
Под мерцаньем отгоревших звёзд,
Над заросших пажитей коростами,
Над землёй, безмолвной, как погост.*

*Где рубили конники Батыевы
Для костров на щепоть образа.
Где в пустынных храмах веки Виевы
Прятали змеиные глаза.*

*Но пока притихшая околица
Слушает врага разбойный скок,
За дубравой скрыта княжья конница.
И со стягов грозно смотрит Бог.*

И звучат от праздника Успения
Через Рождество — на Покрова.
В каждом вещем сердце —
песнопения,
К мужеству зовущие слова!

Да не занесёт степной порошею
Крест отцов, не сорванный с груди!..
Осень, осень, сбереги хорошее,
А плохим — души. не бреди!

*И покуда стаи в небо млечное,
Запоздав, уходят до зари,
Подари им бабье лето вечное.
На путях спаси и сохрани!*

ворота — 22 декабря, совпадающего с днём зачатия праведною Анною Пресвятой Богородицы.

А на самое начало зимы, когда мы только-только вступили в последний многодневный Рождественский, он же Филиппов, пост, приходится время двенадцатого церковного праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. 4 декабря наступает день, когда *«Дева является и Христа всем предвозвещает»*.

Святые родители Пресвятой Девы, Иоаким и Анна, долго молились Богу, чтобы он даровал им дитя, обещая посвятить его на служение Господу. Поэтому после исполнения Богоотроковице Марии трёх лет Иоаким и Анна торжественно привели ее в Иерусалимский храм.

На церковном пороге Деву Марию встречал первосвященник Захария. На его глазах произошло чудо: трехлетняя девочка сама, без посторонней помощи, поднялась на высокие храмовые ступени, недоступные для простого ребенка. Изумленный Захария ввел Марию во Святое святых — самое священное место храма, куда он сам мог заходить лишь один раз в год. Готовясь к исполнению своего великого Служения, Пресвятая Дева пробыла в Иерусалимском храме до двенадцатилетнего возраста...

Глубокий богословский смысл праздника в том, что в благолепный храм — славу Иерусалима, про который люди говорили, что только там человек может соприкоснуться с Богом, — была введена будущая Мать Иисуса Христа, и отныне храмом становится человек, а не камни и не алтари. Человек, его душа — вот священный Божественный центр мира, вот его «Святое святых».

Примечательно, что уже с праздника Введения на богослужениях начинают петь некоторые рожде-

ДЕКАБРЬ

ГЛАВА 19

4 декабря

ВВЕДЕНИЕ В ЗИМУ

Приветствую тебя, декабрь-
годопровodeц, славянский месяц
студень. Приветствую тебя, месяц,
на 13-е число которого приходятся
именины людей, названных в честь
Андрея Первозванного — первого
из апостолов, пришедшего к Христу
по слову Иоанна Предтечи и первого
из святых, посетившего землю Вели-
кой страны, названной потом Русью,
Россией.

Приветствую тебя, время введен-
ских и Никольских морозов. Дай Бог,
чтобы на скованную ими коросту
земли вовремя выпали «белые сне-
ги, как во все времена», — символ
коренной российской зимы, а заод-
но и символ всей поэзии российской.

День убыл до крайности и начнет набирать силу только после солнце-

стенские песнопения, знаменуя тем самым грядущее явление в мир самого Христа Спасителя.

В нашей земле поступок родителей Марии церковь ставит в пример всем верующим, указывая, что истинные христиане должны воспитывать в своих детях любовь к Всевышнему с самого раннего детства, а простой народ, несмотря на пост, радостно отмечает 4 декабря. Недаром ведь на Руси была сложена поговорка: «Зима за морозы — мужик за праздники». В этот день открывались введенские ярмарки, начинались зимние катания на санных и подлёдный лов рыбы, так как устанавливался надёжный ледяной покров согласно примете: «Введение — воды ледение».

А другую примету — «Во введение мороз — все праздники морозны, тепло — все праздники теплы» — предстоит нам проверить в грядущем.

ГЛАВА 20

5 декабря

«ПО СВЕТЛЫМ СЧАСТИЯ ЦВЕТАМ...»

Старинная Руза! Опорный край державы московской, город-страж, получивший своё название от одноимённой реки, видевший под своими стенами и татар, и литовцев, и надменных потомков тевонов. Нет ни в ближнем, ни в дальнем Подмосковье мест заповеднее и красивей тебя. Здесь бьётся творческое сердце России — может быть, в писательской Малеевке, где рождались огненные строки романа «Дмитрий Донской» Сергея Бородин, а может быть, в Старой Рузе, где лился с рояля другого Бородин,

Александра, «Плачь Ярославны». Не про эти ли края поётся: «Речка движется и не движется...»?

Сравнительно недалеко отсюда, тоже по Можайскому направлению, находится знаменитое пушкинское Захарово, скрупулёзно отреставрированное к 200-летию юбилею нашего национального гения.

Тем удивительнее, что о расположенном чуть дальше к северо-западу от Москвы имении Покровское-Шереметьево, где практически в одно и то же время с Пушкиным подрастал другой великий поэт России — Ф.И. Тютчев, известно до обидного мало...

К извилинам Озерне, выше по течению впадающей в Рузу, спускаемся с холма, на котором располагается родовая дворянская усадьба. В её стенах прошла значительная часть детства Федора Ивановича Тютчева, заложившего прочную основу безграничной любви поэта к Родине, которую не смогли умалить даже двадцать три года, проведенных на чужбине. Спускаемся мимо трёх барских прудов по знаменитой некогда «розовой аллее» к омуту, именуемому Иорданью. За рекою, прячущейся в ожерелье краснотала, молочно светится берёзовая аллея, а дальше до окоёма тянется «всё тот же лес, волшебный и родной».

Вот так же, наверное, почти двести лет назад, «по светлым счастья цветам» спускался вприпрыжку к реке десятилетний Федя Тютчев, приехавший в гости к родной тётушке Надежде Николаевне Шереметевой (урождённой Тютчевой), да так и оставшийся надолго у гостеприимных родственников, где подружился накрепко со своим двоюродным братом А.В. Шереметевым, которому в будущем посвятил шутовское послание: *«Насилу добрый гений твой, / Мой брат по крови и по лени...»*

Вообще, детство Тютчева почему-то весьма скудно освещено его биографами, а ведь именно оно во многом определило дальнейшее мировоззрение поэта. Вот что мы можем почерпнуть из казённых строк школьной хрестоматии: «Фёдор Иванович Тютчев родился 5 декабря в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. Он принадлежал к стародворянской среднепоместной семье. Юношеские годы поэта были тесно связаны с Москвой...»

Можно подумать, что в детские годы он находился в безвоздушном пространстве, но это отнюдь не так...

Кто же были те люди, которые вкупе с подмосковной природой создали удивительную атмосферу, в которой формировался талант российского гения?

Это молодой тогда переводчик Раич Семён Егорович, орловский земляк Тютчевых, работавший в земском суде Рузы, впоследствии домашний учитель Тютчева, энциклопедически образованный человек, имевший счастье воспитать двух замечательных российских поэтов (М. Ю. Лермонтова уже позднее, когда С. Е. Раич преподавал в Московском университете). Это декабрист Иван Дмитриевич Якушкин, женатый на двоюродной сестре Тютчева А. В. Шереметевой, и, наконец, уже упомянутый нами любимый двоюродный брат — Алексей Шереметев, служивший в лейб-гвардии конной артиллерии. При нём в селе Покровское, на месте старой деревянной церкви, известной ещё с 1625 года, была построена прекрасная каменная церковь Покрова, история которой требует отдельного рассказа и под сводами которой упокоился его прах.

Было и множество других замечательных личностей из соседней усадьбы Гагариных и из гнезда де-

кабристов в селе Осташово, принадлежавшем отцу мятежных братьев Муравьёвых, возглавляющему легендарную школу колонновожатых.

Юный Тютчев чутко впитывал всё и очень быстро вырос (в четырнадцать лет он был избран сотрудником Общества любителей русской словесности). «С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весной и летом, живя в подмосковной, мы вдвоём с Фёдором Ивановичем выходили из дому, запасались Горацием, Виргилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотою гениальных произведений Поэзии...» — вспоминал впоследствии в своей автобиографии С. Е. Раич. И это было написано о Покровском-Шереметьево, в котором, как в капле воды, отражается история России вплоть до новейшей, когда, выбивши из села незваных гостей, встречал в стенах усадьбы новый, 1942 год славный маршал К. К. Рокоссовский.

Двухэтажное деревянное здание усадьбы не сохранилось, вернее, его как бы вобрало в себя кирпичное, в котором располагается сейчас детская больница. Ежегодно в день Покрова Пресвятой Богородицы её маленьких обитателей будят колокола, возвещающие о празднике, как бы осенившем своей благодатью заповедные края, взывающие к благодарной памяти потомков.

Здесь, в окрестностях сказочно-прекрасной Рузы, лежат истоки творчества вдохновенного певца российской природы. Именно здесь Союз писателей Подмосковья, возглавляемый лауреатом государственной премии поэтом В. И. Фирсовым, совместно с обществом «Наследие декабристов» мечтает установить

памятник в честь двухсотлетия автора строк «Я встретил Вас — и все былое...». Между прочим, автор другого популярного русского романа «Тройка» — П. П. Булахов — тоже долго жил в Покровском. Мне уже приходилось дышать его удивительным воздухом, а вам?

ГЛАВА 21

22 декабря

«И ЭТУ ЗИМУ ЗВАЛИ...»

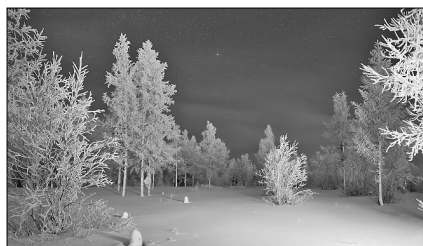
На исходе холодного славянского месяца хмурения в конце каждого года случается незаметное чудо. На грани предзимья и первозимья, как раз между зимним Николой Мирликийским Чудотворцем (19 декабря, «Хвали зиму после Николы») и малым пророком Аггеем (29 декабря, «Аггей иней сей») затерялся день зачатия праведной Анною Пресвятой Богородицы — 22 декабря — именины Аннушек (помните, у Д. Самойлова: «И эту зиму звали Анной...»). Приходится этот день на Филиппов (Рождественский) пост, и особо строго соблюдают его будущие матери. Краток миг света между утренней сутемью и вечерними сумерками. Наступил самый короткий день в году, и всё же... всё же это день зимнего солнцеворота! «Солнце на лето — зима на мороз!»

Вдумайтесь, как бы ни бесновалась зима, но что-то тронулось, переменялось и там, в синеве горних высей, и под лубяной коркой наста, в глубине тверди земной, беременной ростками озимых. А впереди грядут великие двенадцатые праздники зимы: Рождество, Крещение, Сретение...

И уж совсем мало кому известно, что в солнцеворот отмечается

также день Иконы Божией Матери, именуемой «Нечаянная радость», напоминающей о несовместимости творения греховных дел и попыток отмолиться за содеянное, ибо путь к спасению один — раскаяние, очищающее душу, поворачивающее ее к свету истины.

Да будет славен скромный День Солнцеворота — праздник неумирающей надежды на лучшее!

НОВОГОДНЕЕ

*Год уходит. Декабрь — в эпилоге,
И печаль новогодней пурги
Белым снегом легла на дороги.
На былые стихи и грехи.*

*На тропинки, рокады, просёлки.
Что уводят из прошлого прочь —
В край, где звёзды украсили ёлки
В эту долгую-долгую ночь.*

*Тишина и серебряный иней
Опустились на наш палисад.
Бьют часы, и к былому отныне
Невозможно вернуться назад —*

*В январе, сентябри и апрели,
Что дарили нам календари...
Но свистят за окном свиристели.
Утром — зори зажгут снегири.*

*И не надо печали ложиться
На склонённое грустью чело,
Свет любви...*

*Свет лампы божницы...
И душе в Новомодье светло!*

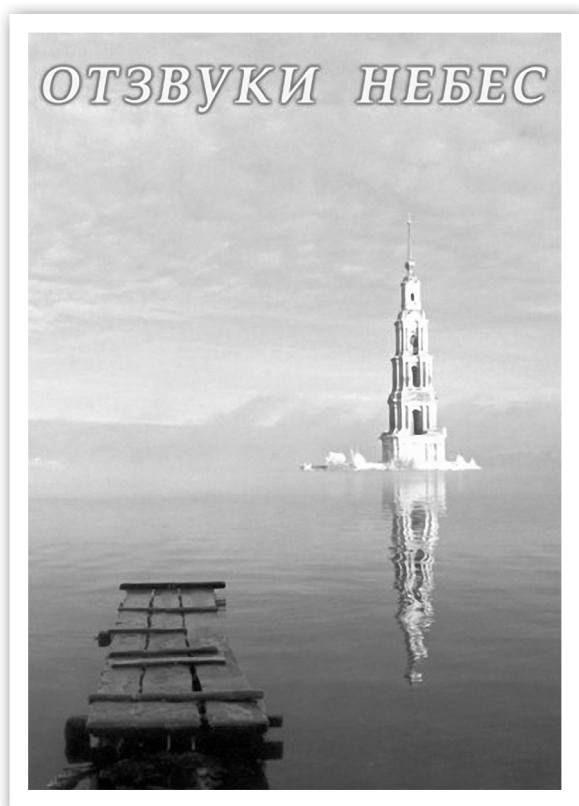
Александр Сергеевич Пушкин

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество вожественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змен сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей —
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

22 июля 1836 г.

22 июля — день ежегодной памяти христианской святой, жены-мироносицы — Марии Магдалины, преданной последовательницы Иисуса Христа. Которая присутствовала при Его Распятии, возвестила о Воскресении Иисуса Христа, была свидетельницей Его посмертного явления.

В православной и католической церквях почитание Магдалины отличается. Православие почитает её исключительно как мироносицу, излеченную от семи бесов и фигурирующую только в нескольких евангельских эпизодах. В традиции католической церкви долгое время было принято отождествлять с нею образ кающейся блудницы.

ОТЗВУКИ НЕБЕС

«НСІ» представляет авторов сборника современной духовной поэзии
«Отзвуки небес» (СПб., Невская лавра, 2010)

ИРИНА ДЬЯКОНОВА

КСЕНИЯ

Подол запутался в репьях,
Увязла туфелька в болоте...
И ветер жадный до тряпья
Дерёт последние лохмотья...
Тепло ли, холодно ли ей —
Уста без устали глаголют
О Том, Кто милого милей,
С Кем не беда вода и голод.
Молитвой, или у костра,
Чуть косточки согреет в поле,
И в город понесёт с утра
Репейных звёздочек в подоле...

2007 г.

Пламя негасимое свечи;
Будут до конца времён храниться
В нём от Царства Вечного ключи.
Родина — для нас святое слово;
Нас ведёт под сенью своих крыл
Предводитель воинства Христова,
Страж небес, Архангел Михаил.
Ангел Божий в бой ведёт отныне
Родину, лишённую Царя,
Снова Православною святыней
Станет Святорусская земля!
Лай врагов в испуге затихает:
Рать идёт с крестами на груди,
И небесной святостью сияет
Бранный воевода впереди.

НАТАЛЬЯ МАКЕДОНСКАЯ

ЛЮБОВЬ ЗАГОРУЛЬКО

ПРОРОК

Нет у пророка дома, нет жилища,
Горька, скудна его бывает пища,
Убого одеянье, ступни ног
Избиты километрами дорог,
Найдет ли кров на день или на ночь —
Его сурово прогоняют прочь,
И тщетно призывает он людей:
Они правдивых не хотят речей.
И ненавистен каждому пророк,
Открывший скрытый грех или порок.
Но только злоба что ему людская?
Он видел Божий свет у двери рая,
И сколько б жизнь не приносила зла,
Его душа останется светла.

УТЕШЕНЬЕ

Окрашивая алой акварелью
Большие стёкла храмовых окон,
Садится солнце за пушистой елью,
Отвесив на прощание поклон.
Безмолвен храм
в величье молчаливом,
В лучах искрится купол голубой,
А солнце шлёт привет
прощальный ивам
И летний день уводит за собой.
Чудесный миг, от всех в уединенье —
Обитель, затаённая в тиши.
И кажется, что ангельское пенье
Звучит нам утешеньем для души.

ОЛЬГА КОРЖЕНЕВА

АРХАНГЕЛ МИХАИЛ

Мы вернёмся. Русские знамёна
Возвестят триумф последних дней.
Будет только Русь непокорённой —
Мир весь присягает сатане...
Третий Рим не должен поклониться —

ЕЛЕНА ТРОФИМЧУК

* * *

Святая высь бездонна и чиста,
Там тишина живёт из века в век,
И гладь волшебного-синего листа
Не потревожит словом человек.

ВЛАДИМИР ПАНАРИН

ЧАЮ

Чаю воскресения мертвых.
(11-й член Символа Веры)

Я чаю воскресения России,
Я жду, когда наступят эти дни,
И Православие во всей красе и силе
Вновь воссияет на Святой Руси.
Я жду, когда опять наполнит храмы
Духовно жаждущий,
 обманутый народ,
И, во смирении своём склоняя главы,
К Источнику Живому припадёт.
Я жду, когда малиновые звоны
Повсюду радость
 Пасхальной загласят,
Я жду, когда заменят плача стоны
Молитвенные возгласы ребят.
Я жду, когда помазаннык от Бога
Царём воссядет на Святой Руси,
И у измученного бедами народа
В сердцах любовь и веру воскресит.

18 сентября 2004 г.

ЕВГЕНИЙ КАПУСТИН

* * *

Русь Православная —
Вечная, мудрая,
И златоглавая,
И златокудрая!
Богом любимая,
Чистая, верная,
Неколебимая
И милосердная!
Русь изначальная,
Тайну хранящая, —
Доля печальная,
Доля манящая.
Так было истари,
Ныне так водится, —
Храм Божьей истины,
Дом Богородицы!

АНТОН ГЛАЗУНОВ

В ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ

В обители святой
Горят огни лампад.
Среди цветущих лип
Там благодать витает.
И неземной покой,
Как драгоценный клад,
Уставшая душа
В молитве обретает.

Пройди под сенью лип,
Вдохни их аромат.
Пусть напомним он
Тебе как пахнет ладан.
Спокойный строгий лик
Того, Кто был распят
Вдруг будет невзначай
В ветвях тобой угадан.

И сад, как райский сад,
И время, вдруг, замрёт,
Остановив часы
Хотя бы на немного.
И нет пути назад,
А только лишь вперёд,
Но как легко идти
С благословения Бога!

НИКОЛАЙ ЧЕРНОВ

На полпути меж Идолом и Духом
Застрыла Русь, повсюду трын-трава!
Как будто кто-то прошептал над ухом
Ужасного проклятия слова.
Мы верим все. И все горазды верить
Во всё подряд, чему ни научи...
Но до сих пор России не измерить.
И в сердце к ней не подобрать ключи.
И сколько бы ни простирал Христос
Над Русью раненые руки —
Судьба везёт нас вкривь и вкось...
Но на последнем,
на смертельном круге
Мы точно знаем — вывезет
Авось.

ЕКАТЕРИНА СУМАРОВА

* * *

Купол неба наброшен на землю
Чьей-то мудрой и нежной рукой,
Я любовь твою, Боже, приемлю
И святой нерушимый покой.
Очень редко минуты такие
Выпадают, исчезнуть спеша;
Но поверь: в трудный час только ими
И живёт, и пылает душа!

СЕРГЕЙ НАУМОВ

* * *

Поеду в какой-нибудь
храм незнакомый,
И в темном углу опущусь на колени,
И, слёзы роняя пред тихой иконой,
Из сердца воздвигну глаголы
молений.
И, не уклоняясь, потянутся к вышним
И пламя свечи, и славянское слово,
И я, увлекаемый ими, и слышным
Явится неслышное Слово Христово.

НИКОЛАЙ ЕРЁМИН

ПОЭТЫ

Многоразличен путь поэта.
Средь них — вельможа и простец.
Тому даны дороги света,
Кому-то — инока венец.

Но отличимы стихотворцы
От соплеменников своих,
Как из монахов — святогорцы,
И от свидетеля — жених.

Я не возьмусь сказать наверно
В чём сущность певческой стези,
Но всякий раз венок из терна
Венчал поэта на Руси.
У каждого — свои голгофы,
И крест, и гвозди, и копье,
И, после них — живые строфы,
И воскресение своё.

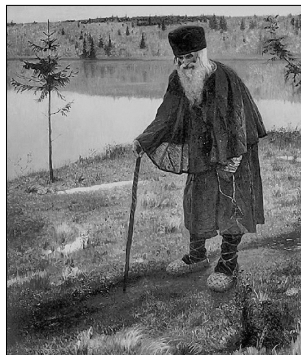
14 марта 2008 г.

ГАЛИНА ЕФРЕМОВА

ПУСТЫННИК

(Картина М. В. Нестерова)

Одежды чёрные монаха
На мне и лапти на ногах.
Иду один, не зная страха,
По миру. Мне не ведом страх.
И страсти все давно забыты,
Все увлечения юных лет,
Страдания, беды и обиды,
Желанья? Их в помине нет.
Повсюду осени приметы,
В полях пожухлая трава.
И кажется, такого ж цвета
Моя седая голова.
Я стар. Душа в молитве строгой
Нашла и радость, и покой.
Я счастлив. Я своей дорогой
Иду. Я правою рукой
Сжимаю деревянный посох —
Помощник, спутник, верный друг.
Ещё — рябины, ели, сосны...
Какая тишина вокруг!
Какое умиротворенье
В осеннем благодатном дне,
В вечерней, утренней заре ли,
А главное — во мне, во мне.
Прозрачны воздух, небо, речка...
Конец пути уж недалёк
И Тот, к Кому иду навстречу
Один. Но нет — не одинок!

**ЛЮБОВЬ
МИРОШНИКОВА**

* * *

Ты не спрашивай, как дела,
Что со мной, со смешливой, стало?
Я вчера ещё не жила,
А сегодня уже устала.
Стынут лучики возле глаз
Отсиявших давно улыбок.
Дал Господь мне, наивной, час
Созерцанья былых ошибок.
Застонало сердце в тоске
И звенящему дню не радо
И трепещет на волоске
Над бурлящей пучиной ада.
Но надежду я берегу,
Что для Бога я что-то значу,
Хоть с собой быть в ладу не могу
И порой от бессилья плачу.
Ты не спрашивай, как дела,
Что со мной, со смешливой, стало.
Просто раньше земным жила,
А теперь мне земного... мало!

ИАНА РАДЕС

* * *

Чем дольше я живу,
Тем ярче солнце светит,
Тем легче на плаву
Главу держать и плечи.
Тем ярче небеса
В душе моей сияют,
И райская краса
В земном произрастает.

Тем легче говорить,
И петь за строчкой строчку,
За жизнь благодарить,
А также за отсрочку,
Что подарил Господь,
В надежде иль за что-то
И сохраняет плоть —
Наверное, для фото...

АЛЛА ХАЛИМОНОВА-МЕЛЬНИК**ТЫ ПОДНИМЕШЬСЯ, РУСЬ**

Ты поднимешься, Русь, из разрухи и пепла
И, кресту поклонясь, зашагаешь вперёд.
Ты вставала всегда, ты мужала и крепла,
У тебя самый лучший на свете народ.
Ты поднимешься, Русь, восстановишь святыни
И поймёшь, в чём глубинная русская суть.
Духом Правды и Истины, но не гордыни
Препояшешь себя в этот праведный путь.
Ты поднимешься, Русь, нет ни тени сомненья.
Хватит злобные окрики русским бросать.
У Великой страны велико назначение —
Мир, во злобе лежащий, молитвой спасать!

ЕКАТЕРИНА ПОЛУМИСКОВА

* * *

Вот взметнулись в небо
стаи с колоколен,
И коснулось солнце
сонных куполов.
Этот мир, наверно,
безнадёжно болен
И почти не слышит
звон колоколов.

И качнулись ветки
облетевших клёнов,
Разрывая в клочья
утренний туман
И стальную сетку
туч заговорённых...
Этот мир, наверно,
беспробудно пьян.

Гонит мысли ветер.
Нет конца похмелю,
А на сердце снова
мокрый снег с дождём.
И опять столетье
кончится метелью —
«Светопреставленья»
мы пока не ждём.

Нам не спутать только б
звяканье бокала
С колокольным звоном
плачущей души,
Что среди осколков
всё звезду искала
И звала к иконам:
«Верь да не греш!»

Жарится картошка,
закипает чайник,
И настольной лампы
чуть мерцает свет.
Только за окошком
жизнь течёт случайно,
А задернешь шторы —
Жизни вовсе нет.

Вечер на Крещение
окупётся в прорубь
И зажжёт над миром
звёзды-фонари.
И для нас прощенье
одичавший голубь
Принесёт на крыльях
ледяной зари.

Пять квадратов Рая,
да и мы — другие.
И на тесной кухне
думается мне:
Все мы прозябаем
в вечной летаргии
Или в ностальгии
вечной — по весне.

А весна синицей
в форточку ворвётся,
Только не найдется
подходящих слов.
И елей с сосулек
каплями прольётся,
И коснется солнце
сонных куполов.

**Аркадий МАРГУЛИС
Виталий КАПЛАН**

Маня Тема

Рассказ

По «Непристойным переулкам» странной, дерганой походкой двигалась девка неузнанных годков. Сумбурность нрава, бессвязность поступков и речи явственно выдавала в ней юродивую Христа ради, коих к тысяча восемьсот одиннадцатому году в Москве-городе развелось немерено. Знаемые люди отмечали небывалую вспышку действительности блаженных и прочили нестабильность в будущем году.

Наружность бродяжки, напротив, никак не вязалась с привычным образом юродивой Христа ради. И, хотя любимым местом обитания выбрала она «Непристойные переулки», заселённые несчастным и распутным людом, одевалась сия особа на диво опрятно, если не сказать, чисто. Откуда и когда взялась на Москве благая дева, вспомнить никто не мог. Но народец тянулся к ней — утешить умела движением руки. Говорила бродяжка невпопад, языком невнятным, понятным лишь ей и Господу, чьей послушницей, несомненно, являлась. Правда, кое-когда изъяснялась вразумительно, но люди опасались, не зная печалиться тому или радоваться.

Откликалась дева на имя Маня Гема. Имя это было или прозвание какое — сие неведомо, но десятки раз в день казала на себя перстом и вскрикивала косноязыко: «Маня Гема». Глаза — два ясных кристалла, смущали покой обитателей постоянных и ночлежных дворов, заставляя угощать чашкой пустых щей из серой капусты, а то и жареной картошкой.

Об эту пору Маня шествовала мимо трактиров, рестораций, харчевен, улыбаясь так блаженно, будто на масленичном гулянии под Новицким предместьем. Картина между тем открывалась неприглядная. Вечерело. Уличное освещение напрочь отсутствовало: и пешие и конные

светили себе фонарями или вольно коптящими факелами. Но даже днём здесь царил сумрачный. Пешеходы и повозки утопали в грязи. Мостовые в стольном граде застилали, не убирая прежние подклады и мусор. Из дворовых притонов смурные бабищи, не глядя, метали под ноги прохожим скаредные, источающие вонь, отходы «пырков» — съестных лавок. Отчего надоедали болезни, мор, да зазор от иноземцев. Русскому же люду — наемным рабочим, нищим, ворешкам шло в самый раз. Онские никого не замечали и не желали, чтобы зрели их. То было обильное туманами место. Вечно курилось испражнениями от нечистот и едким паром из чанов, в коих кипятили кишащие вшой лохмотья. Глянет кто сверху с колокольни — жуть берёт: сизое облако посреди столицы. Сверху — загадочно и чудно, но спустишься по переулку, попадешь в хлябкую гниль низины.

Лихие люди ужасными татями возникали из кривых переулков, но, признав Маню Гему, с поклоном отступали во мрак. Никто не смел домогаться Христовой невесты. Она улыбалась постояльцам, пользовавшимся ночлежником за пятак, «номера» по двугривенному. Здесь, в нижней Москве, мысли её получали тысячи подвижек. Что-то тёплое рождалось в васьильковой душе блаженной, заставляя жалеть и негодовать, думать и воспалённо чувствовать простых людей с мозолистыми руками...

Беззлобные и чистые, как у дитяти, глаза Мани увлажнились, она остановилась и, залившись счастливым смехом, зарыдала. Тотчас, будто из-под земли, перед блаженной возникла устрашающая статя Аристарха Матвеевича, благодетеля и грозы для народца «Непристойных переулков». Унтер-офицер казался расстроённым и можно было пожа-

леть того, кто принудил его покинуть чёрно-белую будку.

— Матушка, Маня Гема, не позволишь спросить, обидел кто? — пробасил он благоговейно.

Блаженная воззрилась на городского, словно в первый раз увидала. Матвеич был трезв, опрятен и вежлив. Маня перекрестила его и пустилась вокруг вприсядку...

Дивные дела творились ныне в древней, закатенелой столице великой Руси. Новый градоначальник учинял новые порядки. Велевал должностным лицам соблюдать благопристойность. Курить — запрещал на улицах! С полицейских требовал вежливости, чиновникам возбранял зариться на подарки и принимать на лапу мзду. И, хотя в «Непристойные» ещё не добрался обычай смотреть за фонарями — зажигать ночным временем, да заботиться, чтобы не гасли до рассвета — Аристарх Матвеевич, встревоженный переменами, выказывал почтение чинам, летам и званиям. И в сиих делах гораздо преуспел, вызывая к себе ответное уважение порядочных и сущий трепет среди неблагонадёжных.

Между тем Маня Гема бросила плясать и застыла у лужи — с краю, в клейкой жиже всхрапывал пьяный. Маня нагнулась, подёрнула мужика за одёжную рвань и посмотрела в зрачки Аристарху Матвеевичу взглядом, терзающим душу.

— Матушка! — Матвеич сильно заробел, — чем тебе, праведница Господня, могу услужить? Радость какую доставить?

Она же, указывая пальцем на неподвижное тело, испуганно-исступлённо вскричала:

— Он — не он, а ты!

И погналась вглубь за спускающимся мраком. Простоволосая, в холщовой юбке сытого бежевого колера и виснувшей синеве кофты,

она казалась безгреховным соцветием среди безобразия, разврата и пьянства. Где людишки праздные, бесстыжие и тёмные проводили ночи за игрищами, попойками, драками и надувательством. Где подмастерья без мастеров, горничные без барынь и барыни без горничных погрязали в вакханалиях и окончательно пропадали в омуте блудодейств. Но что толку в напрасных сожалениях? Сады жили без деревьев, деревья — без садов.

Городовой, раззявив губастый рот, сконфуженно подёргивая бороду, ловил глазами стройную фигурку, ускользавшую в ночь. Затем с осторожностью вошёл в лужу, подхватил пьяного под мышки и вытащил на сухое.

Маня же миновала главный дом с мезонином, по обе стороны единообразно обрамлённый деревянными флигелями. За домом таилась пара каменных корпусов, отделявших задний двор и выход в переулок. Сюда блаженная не ходила, даром что знала — там не причинят ей вреда. Доходный дом хозяина «Непристойных переулков» Пахома. Парадная лестница с изящным ограждением, лепные потолки, дубовый паркет, филенчатые двери были хорошо знакомы юродивой. Здесь ей благоволили, но путь Мани Гемы лежал к иному дому, печально напоминающему тюрьму. Нижний этаж со сводами, толстые стены в отдушинах окошек и ненужного протяжения двор. Дом сей тяготил и столь же неотступно манил блаженную. Сказывали, случались в подвалах богомерзкие дела. Якшались там с чёртом, знали с чародействами. Вздор! Не вошла бы туда блаженная во Христе!

Строение давно пришло в обветшалость. Угрожало разрушением и обвалами. Кирпич из стен выкро-

шился, обнажая множественные раны в давнишней кладке.

Маня на миг застыла у входа, затем подвывая и приплясывая, неровно вошла. Во внушительной размерами зале, за длинными дубовыми столами наёмные рабочие да воришки пропивали с трудом раздобытую копейку. Нищие, подаянием собравшие на хлеб и ночлежку, ожидали ночи, завистливо наблюдая за охмелелым сборищем.

Все взоры пали на вошедшую и — о чудо! — на мгновение оживились радостной богобоязнью. Именно здесь Маня Гема ощущала важнейшее посланничество своей жизни. Где мертвецы пьяные осеняют себя Святым Крестом, прежде чем в беспамятстве свалиться под лавку. Где каплет кровь из-под сорванных ногтей и мозолей. Отсюда юродивая Христа ради всякий раз черпала любовь к народу, что всё мог — и жить, и пережить.

Дневное время Маня Гема проводила, праздно шатаясь и дурачась, но никогда не исходила на безудержное сумасшествие, как иные блаженные. К вечеру появлялась в ночлежном доме, скромно садилась против уголка стола, крайнего от двери, и беззаветно молилась.

Вот и нынче. Человек терпеливо ожидал, пока Маня закончит молитву или хотя бы снизойдёт на тихий свистящий шёпот, и поднёс с поклоном глубокую плашку. Маня приняла резную деревянную ложку, только что начисто вылизанную и вытертую заскорузлым пальцем с чёрножёлтым ногтем, принадлежащую увечному попрошайке, и жадно захлебала дымящиеся щи, сдобренные красным перцем.

Окончив, утёрла краем рукава уголки губ и приступила к лопотанию. Народ уже ожидал, внемля. А вдруг скажет что разумное. Но ред-

ко, слишком редко, с уст слетали членораздельные слова. Обычно бормотала, хотя иной раз казалось, что бессвязная речь её всё же расчленяется на слова и фразы.

Чу! Маня враз осеклась. Лицо её болезненно побледнело и поплыло, окрашиваясь бессмысленным блаженством. На лицах же наблюдавших за нею заиграли понимающие улыбки.

— Держись, сейчас сиганёт, — не выдержав, вякнул чей-то прокуренный голос.

В приплюснутое оконце, снося табачный дым, алкогольные испарения и смрад немых тел, врывал колокольный звон, созывающий православных к Богослужению. Маня взвилась волчком и, привывая на все лады, помчалась к выходу. Всё рушилось на её ходу: люди, столы, нехитрое убранство. Но лишь немногие последовали за нею.

Девушка помчалась к соседней церквушке, откуда бил будничный Благовест. Подбежав к храму, Маня благоговейно пала на колени, кланяясь всем подряд. Так и стояла коленопреклонная до окончания службы, осеняя всё крестным знаменьем.

К блаженной давно привыкли и, зная о необычном пристрастии её к колокольному звону, не глумились. Напротив, щедро кидали копейчки.

По окончании службы она, всё ещё пребывая на коленях, собрала денежку и тут же раздала нищим.

— Благодарствую, матушка, — кланялись те.

— Маня Гема, — ответствовала юродивая, тыча себе пальцем в грудь.

Где проводила ночи благая, оставалось загадкой, разрешением коей никто из обитателей «Непристойных» особливо не задавался. Залучить Маню Гему на подворье с ночевого предвещало удачу, но редкие

хозяева могли похвастать согласием юродивой гостевать.

На этот раз пошла она далече, сопровождаемая бесчувственной луной да нарциссами-звёздами. Пустырь, куда Гема держала путь, изрос лопухами с крапивой и пользовался дурной славой. Хоронили там собак, кошек, а поговаривали, что и людишек — убиенных, попавших лихоманцам на клык.

До самого рождения солнца колени преклонно молилась благая дева. Что свершалось в голове юродивой в эти часы, не представить обыкновенному человеку. Утром же с глазами, блестящими безуминкой, вновь явилась столичному граду.

Дни и ночи походили друг на друга, как двойники. Над Россией между тем сгушались тучи. Лето тысяча восемьсот двенадцатого ознаменовалось свирепой кометой, павшей со стороны, где догорали кровавые закаты солнца. Безмерное копье, оперённое в павлиний хвост, проделало небеса. Маня Гема даже не подняла головы, с сокрушением и слезами внимая колоколам. Хотя на сей раз звон их не добавил светлого и радостного покоя. Гема по перезвону могла определить состояние своей души. Нынче дивная его сила проникала в сердце, взбаламучивая грусть и тревогу.

Разносчики пряников и прочей снеди, вкупе с праздным народом, столпились вокруг блаженной в ожидании слова. Но Маня, чувствуя их нетерпение, погрузилась в безумие. Глумилась: то представилась хромой, то побежала вприпрыжку, то заелозила сиднем по мостовой. Встала, вновь упала, суча ногами, выкрикивая гремучую лопоту. Слова не было. И без того чужалась беда. Что накуролесило тело, не приняла душа. Кристаллы чистых глаз лучились грустью, когда толпа хохотала,

и струились счастьем, когда рыдала. Рыдать над посмешным — вот к чему льнула душа юродивой.

Великое страдание взвилось над головами. Блаженная замерла и вдруг чужим, хриплым и зычным чревоугодием ужаснула толпу:

— Кровь, кровь, кровь! Кровь — в болото!

Народ ахнул, взвыл от ужаса, попятился, раздался в стороны. Пророчица вещала, не унимаясь:

— Реки — в кровь!

Что случилось с благодушной Маней? Люди трепетали. Кто узнавал в ней святую, а кому в напрасности чудилась дьявольская харя.

Засим случилось вовсе неясное. Маня извлекла из торбы пенюар невесомого шёлку и набросила его поверх одежд, будто изображая даму, поджидавшую в будуаре кавалера.

Иногда ужасающее кажется прекрасным или наоборот. Общество в трудную годину утешалось у блаженных. Москвичи, чужая беду, пришли к Мане за помощью, но получили фиглярство. Глупый да малый не соврут. Экие страсти: «Кровь, кровь, кровь...». Жрите-ка, окаянные! Доискались! А между тем последние два года своеволили, как никогда. По первости в Москву привезли мазурку. «Светская жизнь» вспыхивала пополудни зваными обедами. Знать да дворяне скакали с бала на бал. Господа разъезжались по домам с заутренним служением колоколов. Вдгон разошёлся и простой люд. Народные гуляния сменялись одно другим. И бушевали, разгоняясь.

Маня Гема, проворонив, как занесло её на другой конец города, оглядывала карусель, вращением напоминавшую разгульную жизнь. Всякий раз кто-нибудь вылетал из коловерты, грохался наземь и, к восторгу толпы, тёр ушибленные места. Великан из проходившего ба-

лагана щёлкнул зазевавшуюся Маню по носу. Следовавший за ним карлик плотоядно подмигнул. Маня заголосила и бросилась наутёк. Туман родного квартала согрел и успокоил.

Засим всё сразу сошло с ума. Русская армия покидала Москву. Подле храмов сгрудились священники в траурном облачении и со Святыми Дарами. Звонари в растерянности перебивали друг друга. И, хотя каждый звук имел своё значение, вместе они производили такую сумятицу, что Маня, упав, зажала уши руками и вгрызлась в землю.

Москвичи стояли молча, ум откашивался понимать то, о чём вещали глаза Мани Гемы. Конный гвардеец с опаской заглянул в эти глаза, страшась уныния и растерянности. Несчастный, он едва не свалился с лошади, узрев в них всполохи храмов, теремов и гробниц предков. Всё, что взывало к отмщению. Святая хлебосольная Русь!

Кто-то чинно затыкнул:

— *Слушай, братцы, мой приказ,
Поведу я в баню вас.
Как командую ать-два,
Запевайте «Соловья».*

Служивые беззаветно грянули:

— *Соловей-соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт.
Раз поёт, два поёт, три поёт,
Канареечка жалобно поёт.*

И покатилась безладица. Маня очнулась, горестно запричитала, но её никто не слушал.

Добрый народ русский. Тут вскачь проносились статные казаки и горячие кабардинцы, плосконосые калмыки и хищные башкиры с луками-колчанам. Дагестанцы — вольные, стройные мужчины строгими голосами гаркнули непотребное:

— *Понимает в бл... х толк
Дагестанский конный полк.*

Преображенцы не остались в долгу:

— *Томно чешется, по-женски,
Первый полк Преображенский.*

Им вторили гусары Его Величества:

— *Разодеты, как швейцары,
Царскосельские гусары.
Лейб-гусары пьют одно
Лишь шампанское вино.*

Уланы не замедлили подхватить:

— *Вечно весел, вечно пьян
Их Величества уланы.*

Четырнадцатого сентября тысяча восемьсот двенадцатого года русская армия хмельным маршем проходила через столицу. Испуганное, растерянное население — из тех, кто не смог заплатить за аренду подвод, жалось к краям улиц и площадей. Молча смотрели на уходящее войско. Плакали.

Мимо Мани пеши прошествовал Аристарх Матвеевич. Остановился, глянул в сторону, где преображенцы тащили из распаханной церкви образа, затем на Маню:

— Не обессудь, матушка, всё ж уходим.

Москва перешла к уголовникам да убогим обитателям «Непристойных переулков», столь милым сердцу блаженной.

Первые части отступающего русского войска едва ступили на Яузский мост, когда французская кавалерия вошла в Москву через Дорогоминовскую заставу.

Маня глядела вслед пыльной колонне. Что-то заинтересовало её на земле. Она подняла оброненный гвардейский кивер, с интересом

ощупала обшивку, козырёк, суконные бока. Страстно поцеловала двуглавого орла на бляхе красной меди и швырнула обратно в пыль.

В два часа дня Наполеон со свитой въехал на Поклонную гору. Взору открылась покорённая столица. Слепящее солнце кувыркалось в золоте куполов.

— Москва! — воскликнул Бонапарт в тишине и дал коню шенкеля.

Но вблизи очам императора предстало унылое зрелище. Никто не торжествовал, не радовался ему, не кипело ликование с порхающими платками и с цветами под копыта императорской лошади. Непокорные с пыльными лицами брели вдоль городского тракта. Гул вибрировал, превращаясь в стон.

Внезапно женщина с безумными глазами бросилась наперерез Бонапарту. Гвардейцы-ветераны вмиг оттеснили её, сбили с ног и оцетинились пиками. Но император жестом остановил телохранителей и благоволил женщине приблизиться. Маня Гема, это была она, приняла коня под уздцы, взглянула императору в глаза и жаркой скороговоркой прошептала:

— Демоном вырядился? Сидел бы себе дома, да играл в арестанта. Так и будет. Полно притворяться: грядёт гибель твоих охломонов. Где соливым наше бремя снести? Ни зипуна у них, ни ушанки! Ни валеного сапога, ни портянки! Кого пища наша, щи да каша, заморит, кого крещенская стужа изведёт!

Всё это она произнесла по-французски, император замер, словно не понял ни слова. Тогда она добавила повелительно и гневно:

— Иди от нас домой, недогидах!

Более интонации, чем слова, взбесили Наполеона и он пустил на блаженную лошадь. Маня рухнула в пыль. Ближайший гвардеец хотел

добить, но император остановил и торжественно миловал:

— Негоже нам с женщинами сражаться, пусть душевнобольная мадемуазель живёт и ходит, где хочет.

— Мсьё, не русская ли она шпионка? — поосторожничал гвардеец.

— О нет, мой друг, это было бы слишком лестно для её интеллекта, — рассмеялся Бонапарт...

Маня отползла в сторону и осталась лежать на земле. Лишь к вечеру поднялась и, пошатываясь, побрела по омертвевшему городу. Она всматривалась в картину войны, перемещалась в ней, погружаясь всё глубже, но оставаясь больше очевидцем, чем участником. Множество растерзанных домов без людей и животных. Рыдания, плач. Одинокие удары колокола. Страшно валялись человеческие тела, с любовью и радостью умытые при вступлении в жизнь, а ныне, брошенные, как падаль, обнажившие то, что стремятся укрыть стыдливость и человечность.

В запустении миновал первый день налетевшего иноземного воя. Вдоль дорог трупы — человеческие и конские. Маня Гема смотрела безучастно. И шла, шла. У одного из домов остановилась, заглянула в черноту окна. Внутри изодрано и разбито. На полу черепки, кости, остатки амуниции. У камина полуизжаренный труп. Несчастный полз к теплу, словно червь ко свету, да так и помер у огня. Над телом витал бесплотный дух, но призраков Маня Гема не опасалась.

В разорённой церкви конюшня, поруганные иконостас и престол. Насвистывая, француз рубил образа в таган с котлом, сооружённый под куполом. Рядом разваленный круп лошади. Солдаты оглянулись и осклабились, но, разглядев сумасшествие в глазах девушки, вернулись стаскивать иконы.

Гема покинула церковь. Словно в насмешку, горлана похабщину, протопало мимо шествие, Антихристово воинство. Французы, одетые кто калмыком, кто казахом, кто тарарином. Иные щеголяли в мехах и придворных костюмах. Маскарад в преисподней. Лишь по оружию угадывалось воинство.

Горели, горели костры из мебели красного дерева, оконных рам и золочёных дверей. Подле на гудах драгоценных тканей и благородной пушнины валялись пьяные кирасиры, поедая непрожаренную конину.

Ноги принесли Маню Гему на заросший сорнотравьем пустырь. Напрасно преклоняла она колени, заломив молитвенно руки. Покой не шёл. Закрыла глаза, но тут же вскрикнув, упала без памяти. В долю секунды меж сознанием и забвением, вспомнились ей жесточайшие картины. Едва разродившаяся женщина, испускавшая дух подле мёртвого младенца. Мёртвый мужик в мёртвой лошади. Он выпотрошил ей брюхо и залез внутрь, чтобы согреться, вгрызся зубами в кишки и так помер.

Очнулась Гема в доме с мезонином, том главном, что всегда обходила. Зло выплывало в нём, как в тигле. Отчаянные люди в дорогих костюмах управляли оттуда жизнью и смертью «Непристойных переулков». И злато, отпаянное у нищего люда за дешёвый харч и худую ночлежку, стекалось сюда чахлыми ручьями, чтобы сойтись в бурный поток, уплывающий неведомо куда.

Гема приоткрыла глаза. Жива, слава Господу. Вокруг на венецианских стульях восседали звероподобные мужики с лопатами-бородищами. Сидели, рядили. Лениво ругали супостата. Думали думу неспешно и рассудительно. «Не ушли, — обрадовалась блаженная, — зло-то зло, а своё, кровное, родненькое».

Русский человек — случись, грозит цепями чужеземец, позорному рабству предпочтёт смерть.

Главенствовал дородный старик в овчиной шубе, стянутой ремнём. Седые волосы свисали на плечи, ниспадавшая снежной лавиной густая борода. По праву руку от деда, на удивление Гемы, сидели священники.

— Говори, батюшка, — велел белобородый, — внемлем.

В батюшке Маня Гема узнала настоятеля церкви Живоначалной Троицы, отца Георгия.

— Грабят супостаты церкви святые, грабят и разоряют, — степенно начал отец Георгий, — градоначальник в своё время прислал подвод числом триста. Да разве увезёшь церковное добро православной столицы на трёх сотнях подвод? Ну? Спрашиваю!

Тут священник, грозно сверкнув очами, сказал непререкаемо:

— А я, православные, отстоял храм свой! Спугнул хулителей словом Божьим, оные со страху караул у церкви поставили. Теперь, стало быть, требы отправляем у меня в Живоначалной, да ещё шести прочих приходах.

Другие батюшки закивали головами, подтверждая слова настоятеля.

— И как, отче, понимать слова твои? — сурово спросил длинноволосый старик, — оставим святотатцев в покое?

— Ты знаешь, Пахом, церковь православная покорность поощряет и проповедует.

— Покорность?!!! — голос старика зазвенел так, что Маня Гема в страхе вновь прикрыла глаза, лишь бы не видеть Пахома во гневе.

— А ведомо тебе, отец Герасим, что ночью французы поймали некоего дворянина и несколько часов кряду люто его пытали? А он молчал, упирался!!!

— Отчего же упирался? Неужто злато дороже живота стало?

— А ты в толк возьми! Запирательство да упрямство сего скаредного дворянина заключалось в том, что он был глух и нем от рождения!!!

Гема открыла глаза, исподтишка оглядывая всех по очереди. В разговор вступил детина в парадном кафтане, с виду подвыпивший. Вставал он шатко, но, встав, вдруг резким движением разодрал кафтан, растелешив широкую грудь, густо поросшую рыжими волосами:

— На-тко, сажай железо в русскую грудь! Смогёшь?

— Ты кому это, фартовый? — холодно спросил Пахом, хмуря брови.

— Да уж знамо кому — лягушатникам. Не тебе же, Пахом.

— Не хватало — мне, — согласился старик и кивнул, — продолжай, Граф.

— Срамная привычка у французов — ставить лошадей на постой в храмы, да жарить в конюшнях шамовку. Сморгачи Наполеоновы не только церква разоряли, но наших жёнок, сестёр и дочерей там же сильничали. Будто мало им шалав продажных. Гнусь мерзкая. Повинны смертью. Не стерплю.

Пахом кивнул. Маню Гему, казалось, никто не замечал, хотя лежала она ровнёхонько посередке уважаемого общества «Непристойных переулков».

— Хотьубей, ты скажи, — старик предоставил слово следующему.

То был Хотьубей, прославленный король московских нищих. Слепой двухметровый альбинос удостоил Маню Гему аудиенции по приезде ея в столицу. Поговорил маленько и отпустил с миром. Подмял Хотьубей под себя всю нищую артель, включая неразумных, коих «собаки» короля быстро вразумили, и благих, кто интерес себе на уме держал. Юродивых же Христа ради не трогал. Не смел. Божьи люди — не его.

— Народ сильно возроптал, — начал он весомо, — а что? Господа

русские своего мужика бояться поболее, чем француза. Людишек моих увечных: косога Аверьяна, Колю-Николая, Никифора-страхолюда взяли прямо с-под Кремля и лбы забрили. Ну? Давеча в Кремль наезжал самодержец Александр. Много людю собралось инператора поглядеть, а тут вельможа некто и кликны: «Запереть ворота! Всех во солдаты! Ага, силой? Что началось!!! — Хотьубей даже языком поцокал, — потом эхо долгонько по Москве гуляло...

— Слышь, Хотьубей, — Пахом бесцеремонно прервал короля нищих, — что-то я в толк не возьму, к чему ты клонишь. Мы большой совет держим, обчество приличное собралось, а ты философии, под стать наполюнцам, разводишь.

— Да можно и без фанаберий, — ничуть не обидевшись, продолжил огромный альбинос, — батюшке царю Александру ласково бы меня попросить, уж я бы не подкачал. Подсобил самодержцу российскому тысчонкой-другой ребятишек. Родину-то не меньше одного инператора люблю. А всё равно, другого царя не надобно. Я в деле, Пахом. Повинны окаянные. Смерть им.

— Вот смотрю на вас, други, — раздался неожиданно знакомый Мане зычный бас, — и сердце гимн поёт, непременно спровадим супостата с Божьей помощью.

Она скосила глаз и увидела Аристарха Матвеевича собственной персоной. «Ты же ушёл», хотела она вскрикнуть и недоумевала, что губы не повиновались.

— А ну — заноси, ребятки... — вскричал, так и не замечая юродивую, городской, — командуй, сударь бомбардир!

Вошли флотский мичман и с ним дюжина мужиков, самого оголтелого вида. Среди них Маня Гема первым делом признала мужика, что спал

в луже близ полицейской будки. Он первый втащил охапку соломы и сухого хвороста, за ним и другие, и уж в конце прикатали смоляные бочки с порохом.

Маня Гема подивилась на сие странное обчество и на обстояательства дела, подивилась да и заснула.

* * *

Пороховой склад русский гарнизон на радость противнику не вывез — вследствие полной невозможности его вывезти. Велено: самим успеть живу остаться.

Наружный пояс французских укреплений состоял из стрелковых окопчиков и часто меняющихся караулов. Когда к передовому посту приблизилась танцующая девка с заплочным мешком, верёвки коего натягивали пеньюар на её груди, радости французов не было предела. Солдаты играли в жизнь посреди ристалища смерти. Ко второму ряду укреплений, попеременно открытых и сомкнутых, девушку препроводили из наружного кольца. Уж и третий ряд ждал её с нетерпением. Солдаты, понимая безобидную недалёкость, пропускали блаженную всюду. Сказывали, ей мирволил сам Бонапарт. Это создавало иллюзию некоего боевого братства. Итак, Маня Гема, радушно принятая французами, беспрепятственно бродила среди воинских расположений.

К тому же солдатам опостылела опасность. Посему место, где резвилась Маня Гема, казалось им чуть ли не Парижем в ночь любви. Они торопились сюда вдохнуть несуществующей жизни. Маня Гема казалась избранницей прошлого и будущего вместе. Приплясывая и напевая, дарила расположение, надежду и радость. И если случались у солдат дурные мысли, то вскорости ис-

парялись, натываясь на встречный младенческий взгляд — тушевались даже самые несдержанные вояки.

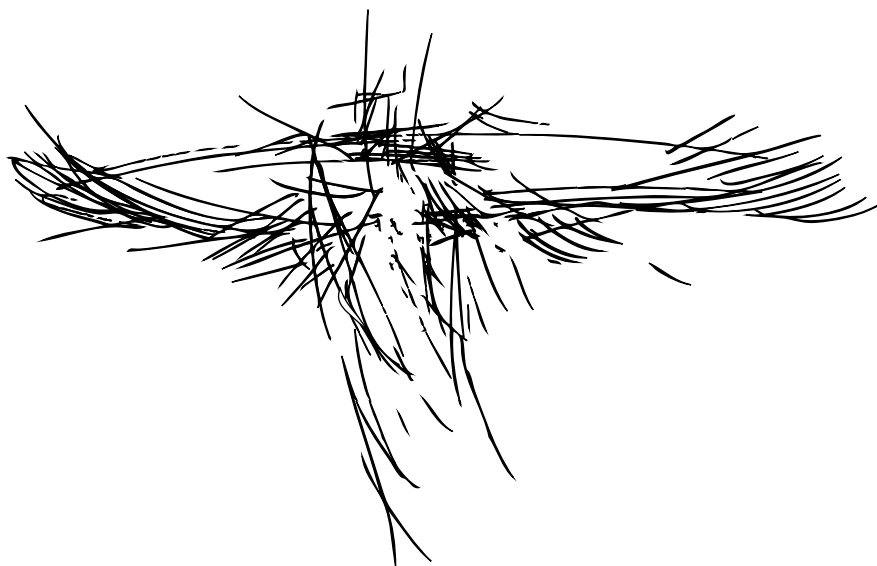
Но тем невероятнее развернулись события. Похотливые ухмылки, застывшие было на лицах, стёр внезапный огонь, вспыхнувший вместо пляшущей в пеньюаре дурочки — вскинулся и, обжигая пространство, исчез в недрах порохового склада.

* * *

Пламя осаждало Маню Гему, спешило запереть все выходы. Девушка смежила веки и вскоре на ощупь отыскала узкую тропинку, не занятую огнём. Но как податься вперёд? Как броситься в полыхающие волны? Вокруг нарастал рёв стихии. Единственная извилистая стежка оказалась не занятой пламенем, но и она чудилась скорее входом в ад, чем выходом из него. Маня Гема, отбросив сомнения, кинулась в проход сквозь пламя и шум трещающихся сводов, минуя горящие в падении брёвна и раскалённое железо крыш. Она шла по огненной земле меж двух огненных стен. Ржавый, режущий жар выжигал глаза. Знойный воздух стискивал дыхание. Искристый пепел сдирал кожу. Казалось, ещё секунда и — всё, но в этот самый миг стих шум пожара. Из тишины, из-под плотно прикрытых век в глаза ударило чистое, оживляющее сияние.

Юродивая Христа ради Маня Гема несмело открыла глаза. Впереди, в конце короткого туннеля лился благодатный свет. Девушка протянула к нему руки, ноги оторвались от земли и она полетела навстречу тому, ради кого жила.

После над пылающим городом разносился тревожный звон колоколов.

Владимир ХОХЛЕВ

ВЫБОРЫ LIFE

Главы из романа

03.09.2010

Взгляд скользнул по спящим в простенке между окон часам. Пора!

Хохлев отогнал навязчивые образы сна и, все ещё лежа в постели, сотворил молитву. Вскочил. Утренняя гимнастика, турник, холодная вода, мохнатое полотенце, горячий кофе. И полная голова планов на день.

Он не вспомнил вчерашнего вчернего явления и не ждал ничего необычного. Но когда услышал серебряный шелест крыльев — сразу открыл окно.

Шелестел Ангел. Устроился на подоконнике. Ноги в кухне, крылья на улице.

— Привет. Как дела?

Ангелы невидимы, но распознать их можно. По теплу, по движению в пространстве. Самое главное — по разговору.

— Доброе утро! Как всегда.

— А почему так грустно? Не все сегодня плохо. Вот я прибыл!

— Зачем?

Хохлев взялся мыть посуду после завтрака и вел разговор как бы со стороны.

— Зачем, зачем? Так и скажи ему все сразу. Я прибыл, чтобы о многом тебе рассказать.

— О чем? Я как будто и так много знаю. Живу на земле уже сорок девять лет.

— Думаешь, что знаешь? Но заблуждаешься. За такой срок наверняка много разной чуши в голову навхтал...

— Не понял? — Хохлев снял передник и бросил его на табурет. Решительно развернулся.

— Не кипятись... Что это у человека за привычка: чуть что — головой в бутылку.

Через двадцать минут Владимир шагнул к метро по главной аллее Тав-

рического сада. Существует поверье, что рядом с человеком постоянно присутствуют два ангела. Хороший и плохой... А может, это посланец? С миссией. Ко мне! Почему ко мне?

— Заслужил! Любишь осень? — Ангел выскочил из-за спины.

— В вашем мире тоже есть времена года? — значит, мысли он читает. Надо лишнего не думать.

— Думай всё... Мы с тобой живем в одном мире. Ты на земле, я на небе. Если хочешь что-то узнать про невидимый мир, сначала узнай правду о видимом.

— А что тут узнавать? Земля, небо, облака. Аллея. Ты рядом. Шелестишь. Похоже, кроме меня этого никто не слышит.

— Точно.

— Ну и чего такого важного я не знаю? Или будто бы знаю не то, что должен. Мне надо что-то узнать? — Как угодно.

— Хочешь сказать, что незнание — не для всех мотивация к узнаванию. Но с другой стороны, если есть возможность — наверное, лучше узнать, чем потом локти кусать... И у меня, похоже, нет выбора. Ты — моя возможность прикоснуться к чему-то интересному. К тому, что пока мне было недоступно? Что, прямо сейчас и начнем?

— Не хочешь?

— Почему не хочу? Просто неожиданно... Ладно, вопрос первый — ты кто?

— Ангел.

— Не глюк? Не фантазия моего ума? В обычное, ничем не примечательное утро являешься ты...

— Ты беседуешь сам с собой? Тогда тебе надо к врачу. Давай договоримся: тебе не следует относиться с сомнением или с иронией к тому, что я говорю. Даже если я шучу, приятно вам, человекам.

Хохлев не мог понять, что происходит. Не знал, как защищаться. Был готов просить невидимую сущность оставить его в покое. Но не просил. Человеческое любопытство. Напряженный внутренне, он проявлял наигранную беспечность внешне. Был готов к худшему и надеялся на лучшее. Хотя бы на нейтральное. Более всего удручало то, что мысли и переживания могут быть прочтены, увидены. Как запечатать, скрыть свои мысли? Вообще не думать.

— Не обижайся. И пойми. Первый раз общаюсь с Ангелом.

— По-ни-маю! — Ангел обернулся вокруг своей оси.

— Значит, ты все знаешь?

— Не все. То, что дано знать — знаю. Это вы придумали себе кучу ложного знания и с самозабвением в ней копаетесь. Перепеваете, повторяете, передаете ложь друг другу, детям маленьким всякую чушь внушаете. Наградами себя тешите, регалиями разными, должностями. А если кому-нибудь удастся увеличить эту кучу, — такого возносите на самый верх. Объявляете гением... Пришло время. Здравого учения не принимаете, по своим прихотям избираете себе учителей... И почти никто не усомнится.

— В чем?

— В достоверности информации о мире.

— О нашем мире?

— Да! Как устроен мир — ты знаешь?

— Мы, — Хохлев рассмеялся, — знаем это со школьной скамьи: люди живут на земле; Земля — это планета, одна из планет Солнечной системы, вертится вокруг Солнца с периодом в 365 дней. В високосные года — в 366. Еще во Вселенной много других систем и галактик, которые астрономы изучают с помощью

сверхмощных телескопов. Вселенная расширяется за счет рождения новых звезд, светил и так далее. Есть микромир — мир молекул, атомов, электронов и частиц, из которых состоят все тела. Открытые людьми законы говорят об очень близком строении макро- и микромиров. Рассказывать все в деталях — долго и мучительно.

— Бред сивой кобылы.

— Что именно?

— Все, что ты только что сказал. За исключением первой фразы — люди живут на земле.

— Да?

— Законы, которые ты назвал открытыми — людьми не открыты. Придуманы.

— Ученые считают, что они подтверждены практикой. опытом! И неоднократно!

— Приведи хоть один пример подтвержденного практикой закона.

— Пожалуйста. Какой?

— Самый наглядный.

Ворона на газоне, мимо которого шел Хохлев и летел Ангел, клевала хлебную корку. К ней подскочила еще одна. Началась перепалка. Владимир задумался. Долго копался в мыслях, вспоминал школьные, институтские предметы, учебники. Учителей. Читанные книги.

— Ну вот, например, закон всемирного тяготения. — Хохлев демонстративно подбросил вверх свой сложенный зонтик. Тот через малое время снова оказался в руке. — Вот подтверждение закона. Где бы я ни подбросил этот зонтик вверх, под действием силы тяжести или земного тяготения он полетит вниз, к земле. Разве это не наглядно?

— Падение зонтика наглядно, но никакого закона не подтверждает.

— Как не подтверждает? Общеизвестно, что Земля, как большой магнит, притягивает к себе все, что на-

ходится на ее поверхности. И все, что рядом с этой поверхностью. Падение зонта подтверждает это знание. Ведь зонт летит вниз, а не вверх. И не вдоль поверхности земли.

— Да, но что заставляет его сверху лететь вниз? Может, на него давит небо?

— Давит небо? В смысле атмосферное давление?

— Не атмосферное давление. Слов, которые не понимаешь, не произноси. Небо!

— Какое небо? Действительно не понимаю.

— Вот это, — Ангел взлетел над кустом спиреи. — Которое на меня — не давит.

— А на зонт давит?

— Давит. Сверху вниз... Представь, что ты завел под воду шарик пинг-понга. И отпустил его. Вода тут же вытолкнет шарик на поверхность. Прижмет его к воздуху. Так же и небо. Оно вытолкнуло зонт из себя и — если бы не твоя рука — прижало бы его к земле. Элементарная физика.

Хохлев какое-то время шел, не произнося ни слова. Ангел — тоже молча — рядом.

— Значит, тяготения нет?

— Оно может быть, но его может и не быть...

— Что нужно сделать, чтобы я поверил, что тяготения нет?

— Очень просто! — Ангел засмеялся. — Опровергнуть чужие утверждения, что оно будто бы есть.

— Кажется, это утверждения Ньютона? Опровергни.

— Пошли.

— Куда?

— В библиотеку. Читать Ньютона.

— Сейчас не могу. В редакции через полчаса планерка.

— Что тебе важнее: идти в свою редакцию или распутать заблуждение ума?

— И то, и то важно. Но сейчас важнее — на работу.

Дошли до вестибюля метро.

— Здесь я ныряю под землю. Ты как?

— С тобой.

— Только молча. Когда тебя прессуют во все бока, не очень комфортно говорить о высоком. Приходилось бы вать в толкучке? В настоящей давке?

— Нет еще.

Хохлев вытащил из кармана латунный жетончик и протиснулся в вестибюль. Миновал рогатые турникеты. Милиционера за исцарапанным стеклом. Встал на бегущий вниз ручей из стальных ступеней. Скользнул рукой по резине поручня. Погрузился в холодный, неживой свет. В подземное царство теней.

Когда выползли на свет, Ангел молчал до самого офиса. Давал возможность покопаться в мыслях.

У офиса дворник в оранжевом жилете работал метлой. На его спине шевелилась белая надпись. Хохлев решительно открыл дверь. На рабочем месте включил компьютер. Ангел устроился рядом — на верхней полке стеллажа. И стал отпускать какие-то шутки. Смеялся над всем, что делается. Как над бесполезным. Можно допустить, что есть более важные и серьезные занятия, но нельзя же так! Напролом. Хохлев рассердился:

— Зачем мешаешь?

— Помогаю. Рушу строй неверных мыслей. Стараюсь освободить твою голову от всякой чуши. Когда мы отправимся в библиотеку?

— Вот пристал. Не знаю.

— Придумай какую-нибудь местную командировку. Не мне тебя учить, человек.

— Неужели это так важно? Не понимаю.

— В библиотеке поймешь. У тебя и билет читательский в кармане пиджака.

Хохлев проверил карман, нашел пластиковый билет.

— Все знаешь!

— Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как знать должно!

Владимир усмехнулся, но ничего не ответил. Он уже узнал особенность Ангела — последнее слово всегда оставлять за собой. Такого не переспорить. Не переубедить.

— Человечество заблудилось!

— Да? Почему же вы, ангелы, это допустили? Не сберегли людей от неверных шагов.

— Малую часть сберегли. Из многих званных. В мире столько соблазнов... А настоящее знание дает невероятную силу. Получив его однажды, хочется еще. С ним можно выигрывать без допинга и транквилизаторов.

— Я, кажется, придумал цель командировки. Мне нужно одну статью написать. Про убийство веры и воскресение России. Начну её экскурсом в историю вопроса. А все истории, как известно, где? В библиотеке.

На улице Ангел радостно облетел вокруг Хохлева. Спровоцировал маленький пылевой вихрь. Кто сказал, что Ангелы не существуют? Вот один из них носится по тротуару. Не обращая внимания ни на что...

В библиотеке Хохлев прошёл в свой зал. Устроился за любимым столом, в самом дальнем уголке. Ангел рядом, на свободном кресле.

— Чего заказывать-то?

— Не чего, а кого. Ньютона. Начала.

— Чего начало?

— Так называется главная книга Ньютона — «Начала».

— А шифр не подскажешь?

— Молодой человек — а самому потрудиться? Не желаете?

Пришлось идти в зал каталогов. Искать стеллаж на букву «Н», в нём нужный ящичек. Перебирать карточки.

— Дальше, дальше, дальше, — Ангел командовал уверенно. — Стоп.

— Ага. Математические начала натуральной философии Исаака Ньютона. Опубликованы в 1687 году, — Хохлев записал шифр, название книги, год и место издания в бланк заказа и сдал его библиотекарьше.

— Вам на когда? — симпатичная девушка с тугой косой на плече мило улыбнулась.

— На сегодня можно?

— Можно. Через час подходите.

Владимир спустился в столовую, пообедал, вернулся в свой угол. Присел, лениво полистал какой-то журнал. Затем уронил голову на сложенные руки и задремал. Лучше бы занялся своей статьей. Ему приснился страшный сон. Его стегали по голый спине длинным, жестким хлыстом. С крючками на конце. Больно. Только когда на спине не осталось живого места, Хохлев открыл глаза.

— Ты видел?

— Видел, — ответил Ангел сокрушенно. Он был мрачнее тучи.

— И что скажешь? Что это было?

— Тебя пытались запугать.

— Я не трус!

— Поэтому я к тебе и прилетел.

Ожидаемая книжка, наконец-то, оказалась перед Владимиром.

— Листай... Дальше. Дальше...

Стоп. Вот! Это место — центростремительная сила... Далее по тексту.

— Центростремительная сила есть та, с которою тела к некоторой точке, как к центру, отовсюду притягиваются, гонятся или как бы то ни было стремятся...

— Здесь.

— Такова сила тяжести, под действием которой тела стремятся к центру Земли.

— Какого центра? Какой Земли? — Ангел схватился за голову. — Что скажешь?

— Ничего. Я это знаю со школьной скамьи.

— Кодирование прошло успешно... Что ты знаешь? В твоих руках первоисточник, с которого все началось. Официальный перевод... Сейчас два часа, до девяти — целый рабочий день. Вот и найди в этой книжке научные доказательства тому, что тела стремятся к центру Земли именно под действием силы тяжести, а не какой-либо другой. Также поищи доказательства наличия у Земли центра... Удачи. Оставляю тебя на время.

Ангел взвился вихрем и исчез.

Появился за пять минут до закрытия библиотеки.

— Нашел?

— Нет.

— И не мог найти. Ньютон их не имел.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да. Ньютон выдвинул недоказанную гипотезу, — научный мир поверил на слово.

Свет погас и зажегся вновь.

— Мы засиделись. Так предупреждают последних посетителей.

— Сдавай эту макулатуру. Идем домой.

На улице Ангел развеселился — стал носиться ветром между прохожими, дергать за одежду.

— Откуда такое настроение?

— От хорошо выполненной работы. Людей очень трудно оторвать от текущих дел и заставить докапываться до сути. Я тебя заставил. Еще один «великий» ум — Николай Коперник взял и также бездоказательно заявил, что Земля имеет форму шара. Народ поверил.

— Может быть, Земля еще и не планета Солнечной системы и не обращается вокруг Солнца с периодом в 365 дней, а в високосные года в 366?

— Совершенно точно.

— Научная революция.

— Заканчивается век ложного просвещения.

— Ложного?

— Слово «просвещение» — от слова «свет». А то, которым последние столетия «просвещались» человеки — от темноты. Ложное просвещение — затемнение умов.

— Я, наверное, очень пытливый и дотошный человек... Другой бы целый рабочий день над Ньютоном не высидел... Поэтому ты именно ко мне прилетел со своими откровениями?

— Именно так!

В высшей точке Аничкова моста Хохлев остановился, уперся руками в перила. Долго смотрел на воду. А та все текла, текла. Несла куда-то мусор, листья, пластиковые бутылки.

— Ты чего? — Ангел толкнул в плечо.

— Да так, задумался.

— Очень хорошо. Это нужно делать как можно чаще. Вы очень мало думаете.

ете. Постоянно занимаете свои руки, ноги, глаза. Затыкаете уши наушниками с гремющей музыкой, куда-то бежите, смотрите телевизор. Все это мешает думать.

— Согласен.

— Меняйся! Сегодня приди домой, поужинай, выключи телевизор, сделай так, чтобы никто не отвлекал и ничто не мешало, сядь в кресло и думай. Найди для ума твердую пищу, а не молоко. И перевари ее.

Ангел резко взлетел вверх и сорвался вниз. Возмутит воду Фонтанки. По поверхности пошла мелкая рябь. Понесся по водной глади, едва касаясь воды и образуя круги, похожие на следы от «блинчиков».

Хохлев развернулся и попытался взглянуть в проплывающие мимо лица. Видят ли они необычное под мостом? Сосредоточены. Суровы. Беззаботны. Взгляды бьют в асфальт, прыгают по карнизам домов. По номерам троллейбусов. Не видят! Остановить, что ли? Обратит внимание на следы? Попросить объяснить их происхождение?

— Ну что? Не успел? — Ангел был уже на мосту, шептал в ухо и хитро улыбался. — Тайна открывается немногим. Остальные пусть бегут мимо.

— Жалко их.

— Ничуть. Если человекам интересно жить в темноте, силой выталкивать их к свету никто не будет.

04.09.2010

Хохлев переоделся, закинул на плечи свой станковый рюкзак и укатил на дачу.

В электричке, у окошка — благо никто, кроме навязчивых продавцов «транспортной торговли», не ме-

шал, Владимир замечтался. Чуть не «проспал» свою станцию.

От платформы до участка — три километра. Мимо недавно выстроенной, рубленой церкви, с высокой шатровой колокольной. По «свежему воздуху», в котором сначала — характерные деревенские запахи, затем — одуряющие ароматы хвойного леса.

Банька уже натоплена. Хохлев сбегал за соседом. Часа два друзья, работая березовыми вениками в парилке и передыхая с пивом в предбаннике, изгоняли из себя шлаки и вредные мысли.

После ужина, обычно — традиционная ленивая нега у телевизора. В уютном кресле рядом с теплым печным щитком. Но в этот раз нега длилась недолго. Телевизор не радовал. Хохлев ушел в свою комнату, взбил подушки на кровати, извлек из шкафа книжку о Шерлоке Холмсе.

Читанные-перечитанные рассказы в этот субботний вечер были как нельзя кстати. Хохлев открыл «Этюд в багровых тонах», где мудрость Конан Дойля была явлена в высшей степени. Дошел до главной мысли, когда-то заставившей глубоко задуматься.

«...Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания. О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил, кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении Солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, — этому я просто не мог поверить!»

— Вы, кажется, удивлены, — улыбнулся он, глядя на моё растерянное лицо. — Спасибо, что вы меня просветили, но теперь я постараюсь как можно скорее все это забыть.

— Забыть?!

— Видите ли, — сказал он, — мне представляется, что человеческий мозг похож на маленький пустой чердак, который вы можете обставить, как хотите. Дурак натащит туда всякой рухляди, какая попадется под руку, и полезные, нужные вещи уже некуда будет всунуть, или в лучшем случае до них среди всей этой завали и не докопаться. А человек толковый тщательно отбирает то, что он поместит в свой мозговой чердак. Он возьмет лишь инструменты, которые понадобятся ему для работы, но зато их будет множество, и все он разложит в образцовом порядке. Напрасно люди думают, что у этой маленькой комнатки эластичные стены и их можно растягивать сколько угодно. Уверяю вас, придет время, когда, приобретая новое, вы будете забывать что-то из прежнего. Поэтому страшно важно, чтобы ненужные сведения не вытесняли собой нужных.

— Да, но не знать о Солнечной системе!.. — воскликнул я.

— На кой черт она мне? — перебил он нетерпеливо. — Ну, хорошо, пусть, как вы говорите, мы вращаемся вокруг Солнца. А если бы я узнал, что мы вращаемся вокруг Луны, много бы это помогло мне или моей работе?

Я хотел было спросить, что же это за работа, но почувствовал, что он будет недоволен. Я задумался над нашим коротким разговором и попытался сделать кое-какие вы-

воды. Он не хочет засорять голову знаниями, которые не нужны для его целей...»

Мысль о нужных и ненужных сведениях довольно глубоко «запала» в голову Хохлеву. Но чему удивляется доктор Джон Г. Уотсон? Что заставило «опешить от изумления» доктора Ватсона? То, что «всеобщее» знание не отяготило мозга Шерлока Холмса. Почему же оно так угнездились на «других чердаках»? И так распространилось по свету?

Хохлев дочитал «Этюд...» и вышел покурить на воздух. Как выяснилось, давно наступившая ночь была лунной. Снежный диск висел над горизонтом, рядом с трубой дома, и сеял в сад серебристым холодом. Через скатерть из лунного света, раскинутую на все небо, просматривались млечный путь и звезды. Последняя электричка — или товарняк — шумнув, прокатилась за лесом. И стало тихо. Только где-то далеко на светиле залаяла собака.

Владимир гулял по — собственно-ручно залитой этим летом — бетонной дорожке, курил и всматривался в мир. Темные кроны яблонь, как узорные аппликации, были приклеены к небесному своду. Кровли соседских дач, намертво прилипшие друг к другу, удерживались на месте — как суда якорями — усилием телевизионных антенн, прочно зацепившихся за небо. За забором гулко стукнулось о землю созревшее яблоко. Еще одно. Хохлев услышал:

*Цвета нет, деревья плоски,
Красит серебром луна
Две бегущие полосы
От платформы полотна.*

*Звуков нет, лишь лай собачий
Будит тишину окрест,
Голову в сиянье прячет
Разметавший руки крест.*

*Звезды смотрят друг на друга
В неба чёрной глубине.
Борозда ночного плуга —
Млечный путь в упругом сне.*

*Над деревней Бог хлопочет,
Льет серебряный покой
В душу каждому, кто хочет
Жизни чистой и простой.*

По опыту зная, что к утру некоторые слова могут разбежаться и потом, чтобы их найти, придётся долго переключивать с места на место всякий хлам на своём чердаке, Хохлев взошел на веранду, включил лампу и записал стихотворение в альбом.

05.09.2010

Воскресное утро — единственное, когда можно не спешить с подъемом. И добрать недоспанное за неделю.

Хохлев и не спешил. Солнечный блик уже соскочил с печки на стену, когда он, наконец, открыл глаза. И сразу увидел Ангела. В белом одеянии.

— Вставай, лежебока.

— Встаю, — Хохлев повернулся на другой бок.

Ангел, ухватившись за край, принался сдергивать одеяло. Хохлев натянул его на голову. Ангел рванул сильнее и оголил своего подопечного до пояса.

— Да перестань ты. Дай поваляться.

— Не дам.

Владимир вцепился в свободный край двумя руками. Уперся ногами в спинку кровати. Сдаваться просто так ему не хотелось. Но он и думать не думал, что Ангелы такие сильные. Одеяло затрещало в нескольких ме-

стах — не удалось отвоевать ни сантиметра.

— Ну и ладно.

Хохлев резко отпустил свой край в надежде, что противник грохнется на пол. Ангел стоял, как вкопанный, даже не шелохнулся. Зато человек полетел к дальней спинке кровати и больно ударился плечом. Сон как рукой сняло.

Владимир скинул ноги на пол, растирая ушибленное место и чуть не плача от досады.

— Да ну тебя. Я еще не выспался!

— Того, что есть — хватит! Вставай! И — зарядочку для бодрости.

Плечо немного отпустило, Хохлев встал. Натянул, покачиваясь, трико. Мышцы тела еще не проснулись.

— А ну, держись! — Ангел взлетел к потолку и оказался на плечах стоявшего. Нагнулся, схватил за локти. — Раз, два. Раз, два, — начал разводить руки в стороны. — Раз, два, три. Дышим ровно. Выше руки, вверх, в стороны...

— Да отвяжись ты.

Не скинуть. Вцепился еще сильнее.

— А ну-ка давай на улицу. — Ангел буквально вынес подопечного на террасу, затем по ступенькам в сад. — Раз, два. Вверх, в стороны. Вот, хорошо. Теперь попеременно — вверх, вниз.

Хохлев намахался руками, ногами, понаклонялся, поприседал, попрыгал и даже отжался четырнадцать раз от земли, чтобы Ангел, наконец, отступил. И присел на садовый диван с возгласом:

— Ух, замучил.

— Это кто кого замучил? Разве Ангелы устают?

— Пора переходить к водным процедурам. — Вопрос остался без ответа.

Что Ангел устроил у рукомоиника, трудно описать. Похоже, он не рав-

нодушен к воде. После процедур в каплях и лужицах была не только бетонная плитка. Стена дома, земля, трава, кусты, цветы и даже ближние деревья. Утро удалось.

К завтраку крылатая сущность успокоилась и степенно уселась за стол. Не завтракать — за компанию. Хохлев сварил кофе.

— В семнадцатом веке один деятель от науки — его звали Френсис Бэкон — сформулировал принципы познания мира. Пей кофе и вникай.

— Попробую.

— Как добывать научное знание? Первое: собрать возможно большое число фактов, касающихся вопроса. Второе: сделав из них выводы, объединить последние общим положением — законом. Третье: дать объяснение этого закона при помощи предположения — гипотезы и делать из нее следствия и выводы. Четвертое: производить опыты для проверки этих следствий. Пятое: если опыты докажут, что объяснение оправдывается на деле, то считать его правдоподобным, — подчеркиваю, не правдивым, а правдоподобным. Подобным, похожим на правду... Если хоть один опыт противоречит выводам из гипотезы, то считать её неверной и заменить новой.

— И всех делов? — Хохлев вник.

— Кажется, какая ерунда: гипотеза новая, старая... Как ты думаешь, легко человеку признать гипотезу неверной, если на её придумывание он потратил целую жизнь? Ведь в этом случае он должен признать себя неудачником. Это, как ты понимаешь, не каждому по плечу.

А если на неверной гипотезе построена уже целая отрасль знания? Работают учебные и научные институты, издаются толстые научные журналы. Присваиваются ученые звания, раздаются привилегии, премии, вос-

питываются молодые кадры... Признание такой гипотезы неверной — это неудача уже в государственном масштабе. Значит, за неё будут бороться — подпирать её всевозможными подпорками, обновлять, подкрашивать, подсвечивать...

С другой стороны, земная жизнь человека может кончиться, а ученые так и не предложат ему ничего взамен ошибочной теории.

— И что в итоге?

— В итоге: над умами довлеют ложные представления о мире.

— И что же делать простому человеку?

— Рассчитывать на собственный ум. Не верить первому встречному.

— А если с умом — не того.

— Развивать. Способен же культурист развить свое тело. С умом — то же самое. Среди ученых, конечно, были честные люди. Эйнштейн признался, что не знает, верна или нет его теория относительности. Заявил, что в извращении результатов его работы повинны авторы популярных статей и корреспонденты газет, падкие на сенсации. Но широкого хода в массы это признание не получило.

— Получается, что корреспонденты газет, распространяя среди людей недоказанные гипотезы как абсолютные истины, человечество попросту подставляют?

— Фактически да. Но ничего не происходит случайно. Значит, есть потребность. Информационный голод терзает умы. А люди по своей глупости, заносчивости и доверчивости ищут информацию не там. Смори, фонарь у твоего дома, наконец, погас. Почему?

— Утро.

— День уже, какое утро? Ваш электрик тоже любит поспать... Но ты отвечаешь на вопрос — когда он погас? А я спрашиваю — почему?

— Электрик вырубил электрический ток.

— Что вырубил? Ток? Что-то куда-то текущее?

— Ну да.

— Можешь рассказать — что, потвоему, куда течет?

— Не, по-моему, а по открытым законам... — Хохлев осекся.

— Правильно догадался. Успокойся ты по поводу открытых законов. Нет никаких открытий. Законы есть, но знать их человеку — не дано. По своему устройству ум человеческий не может их воспринять. Ум имеет границу действия и за нее выйти не может. Запомни это. Все открытые — это умело спланированные провокации, вбросы информации, сопровождаемые разными эффектами. То вспышками света, то всякими озарениями во сне — как случилось у Менделеева — то еще чем-нибудь необычным... Нет никаких отрицательно заряженных электронов, и нигде они по проводнику не текут.

— А что же тогда течет?

— Ничего.

— Как это? Свет — то зажигается, то гаснет. Значит, меняются какие-то условия.

— Совершенно справедливо. Как и то, что тока нет.

— А как же всякие роторы, статоры, динамо-машины. Они сконструированы на основании открытых законов, с использованием предыдущего опыта.

— Человечки научились добывать электричество. Молодцы! В свое время они научились добывать огонь, считая что он получается от нагревания двух, трущихся друг о друга, деревяшек.

— А на самом деле?

— На самом деле, нагревание и горение — не связанные между собой процессы. Один по времени может

предшествовать другому, но не быть его причиной.

— Суп в кастрюле на газовой горелке нагревается не от огня? Бред какой-то!

— Человек тоже теплый, но его же никто над огнем не держал.

— Человек теплотовное существо. От природы. Его не нужно греть на огне.

— Зачем тогда вы греетесь у печки после лыжной прогулки на морозе?

— Чтобы вернуть потерянное тепло.

— Вот тебе и ответ. Так и суп возвращает тепло, потерянное в холодильнике или на холодной веранде.

— Но возвращает-то над огнем. Значит, греет огонь.

— Не факт.

— Да почему не факт-то? — Хохлев завелся.

— Ты абсолютно уверен, что видимый глазом огонь — источник тепла?

— Да!

— А может быть, наоборот? Концентрация тепла в определенной точке разжигает и поддерживает горящий язычок?

— То есть... Ты хочешь сказать...

— Именно это! Стеклянная линза собрала солнечное тепло в точку — возник огонь. Пример примитивный, но наглядный.

— Но после того, как огонь возник — он же греет окружающее пространство. Ты меня совсем запутал.

— Наоборот, пытаюсь распутать. Знаешь вопрос о курице и яйце? Что было вначале?

— Ну, знаю.

— Вопрос о тепле и огне из той же оперы.

Хохлев допил кофе. В его голове шел бой: старые, почти родные мысли бились с новыми. Не на жизнь, а на смерть. За пространство жизни.

— Мысль действительно пространственна. Имеет объем. Длину и ширину, высоту и долготу.

Владимир вздрогнул от неожиданности. Он совсем забыл о присутствии Ангела.

— Ну что, следопыт? Не устал еще?

— Следопыт по твоей милости. С ума бы не сойти.

— Не сойдешь. Обязанность каждого человека — исследовать мир и себя. Забыл?

— Почему забыл? Лет до семнадцати так и было.

— А после?

— Все стало как будто понятным. Объяснимым.

— Как будто! Несерьезно... Хотя можешь жить, как жил до меня.

— Попробуй теперь поживи так. Растормошил! Зачем?

— Чтобы вернуть интерес к жизни. Чтобы ты снова стал любознательным ребенком. Чтобы ты — взрослый, самостоятельно мыслящий муж, а не руководимый глупыми взрослыми юнец — самостоятельно нашел правильные ответы на вопросы.

Вышли на воздух. Ангел взвился в небо и исчез в низко висящих облаках. Какая-то пустота стала заполнять душу Хохлева. Не хотелось ни думать, ни разговаривать, ни работать. Вдруг — молния с небес. Даже испугал.

— Я принес тебе интересную книжку, — Ангел сиял от радости.

— Может, перенесем на завтра? Я устал.

— Сейчас отдохнешь.

— Каким образом? — Хохлев спрашивал с иронией и скепсисом.

— Электродинамика Ампера.

— Зачем мне Ампер?

— Ты хотел узнать про электрический ток. Именно Ампер ввел это понятие в науку.

— Что читать? Сначала? — Владимир устроился на скамье под яблоней.

— Листай... В 1820 году Андре Мари Ампер представил Королевской академии наук свой главный труд — «Электродинамические исследования», его слушали... Стоп. Вот это место. Читай.

— Электродвижущее действие проявляется в двоякого рода эффектах, которые я считаю нужным сперва разграничить путем точного определения. Я назову первый из этих эффектов электрическим напряжением, а второй электрическим током. Напряжение наблюдается, когда два тела, между которыми возникло электродвижущее действие, отделены одно от другого непроводниками по всей своей поверхности, за исключением тех точек, где эта сила возникает.

— Теперь здесь.

— Ток возникает тогда, когда в проводящем контуре создано сообщение между телами, притом в точках, отличных от точек возникновения электродвижущей силы.

— Вот главная ошибка — недоработка — Ампера! «Ток возникает...» А доказательств возникновения — нет. С чего это Ампер решил, что он возникает? Что, заглянул внутрь проводящего контура? Вот она — человеческая безответственность... Беспечность. Читай дальше.

— Когда тела соединены проводящим контуром, электрическое напряжение отсутствует, легкие тела заметным образом не притягиваются и обычный электромметр не может уже служить указателем того, что происходит в теле...

— Налицо все признаки отсутствия, как электрического заряда, так и электрического поля, но ученый не хочет видеть этого. Зачем? Ему нужна стройная научная — в кавычках — теория... Своего имени.

— Однако электродвижущее действие продолжается, так как вода, кислота, щелочь или соляной раствор, если они входят в контур, разлагаются...

— Почему разлагаются? — Ангел в возбуждении летал вокруг Хохлева.

— Как это уже давно известно, в особенности при постоянном электродвижущем действии.

— Просто гениально! Блеск! «Электродвижущее действие продолжается, в особенности при постоянном электродвижущем действии». Масло потому и масляное, что оно из масла... Сэр, вы запутались. Вы осознали это? — Ангел ходил по ровно скошенной триммером траве и обращался к кому-то невидимому.

Хохлев понял — к Амперу.

— Ты, конечно, понимаешь, — теперь он обращался к Хохлеву, — что если весь контур замкнут, — а это именно так, потому что «тела соединены проводящим контуром» — электрического заряда ни на телах, ни на проводящем контуре нет. И совершенно все равно, будут ли разлагаться вода, кислота и так далее... Или не будут, так как при замкнутом контуре не выполняются главные условия возникновения заряда — разомкнутость, разнесён-

ность, изолированность друг от друга, — отделённость, по Амперу — положительных и отрицательных зарядов, а соответственно тел, их несущих.

Ангел говорил увлеченно, убежденно и уверенно. Создавалось впечатление, что этим вопросом он занимался всю свою сознательную жизнь. Ну, если не всю, то, по крайней мере, все последнее время.

— Представь себе две пластинки, несущие на себе положительные и отрицательные заряды. Если мы соединим пластинки, сдвинув их вместе или бросив на них кусок проволоки — произойдет разряд «+» и «—» взаимно уничтожатся, пластинки окажутся нейтральными. Разряд происходит мгновенно, то есть достаточно легкого касания и процесс уже необратим. О каком токе, то есть течении электричества, можно говорить? Где доказательство?

— Нужно обязательно все доказывать?

— В науке — обязательно! Ученые кичатся, похваляются тем, что все у них доказано и подтверждено опытным путем. Оказывается — не все.

— И что это меняет?

— Отношение к предмету под названием «Электродинамика».

— То есть?

— То и есть. Что это не предмет научного знания, а сказка. Фантазия! — Ангел остановился напротив Хохлева. — Некоторым предметам присущи электрические свойства. Внешне они проявляются при определенном стечении обстоятельств. Но почему они проявляются, наука объяснить не может. Вот нить лампы накаливания, — он махнул крылом в сторону фонарного столба, — начинает светиться, не потому что в нее

что-то натекло, а по другим причинам, человеку неведомым.

— Да?

— Свет таинственен, как огонь. Здесь тот же нерешенный вопрос: что первично? Накаливание нити, которое приводит к испусканию света; или концентрация света и тепла вокруг нити, которая приводит к её накаливанию?

— Мы же говорили об электрическом токе?

— Электроток, якобы раскаляющий нить из-за её большого сопротивления, — это еще одно явление, которое может происходить в момент свечения лампы. Мы можем иметь не пару, а тройку составляющих: электроток — раскаленная нить — свет. Каждое составляющее может быть и причиной, и следствием. Таким образом, мы можем составить шесть троек. — В руках у Ангела неожиданно оказались глиняная табличка и мел. — Вот они:

ТОК — НИТЬ — СВЕТ
НИТЬ — СВЕТ — ТОК
СВЕТ — НИТЬ — ТОК

ТОК — СВЕТ — НИТЬ
НИТЬ — ТОК — СВЕТ
СВЕТ — ТОК — НИТЬ

Какая из них отражает действительную причинно-следственную связь? Ты знаешь?

— Нет... Никакая. Если тока нет, эту составляющую нужно исключить.

— Ток может быть, но его может и не быть. Но, даже предположив, что он есть, человек не способен объяснить эффект свечения настольной лампы научным способом. Одним единственным... Это и требовалось дока... показать! Все! На се-

годня хватит. — Глиняная табличка исчезла.

— Если ты добьешься своего и очистишь мой ум от ненастоящего знания, чем ты заполнишь мою голову? Настоящим? Я надеюсь, что ты не оставишь ее пустой?

— Человеческий ум сильнее, когда не заполнен мыслями и словами. Ими он только расслабляется.

— Но слова и сама речь придуманы не людьми.

— Ты никогда не участвовал в бессловесном общении? Например, с любимым человеком, когда ничего говорить не нужно? Обмен информацией при этом не прекращается.

— Участвовал. У меня даже стихотворение на эту тему есть.

— Прочитай.

*— Когда ты не рядом,
нам просто надо
Общаться между собой
С помощью пересечения взглядов
Где-нибудь над землей.*

*Представь, что в одно мгновение
Мы смотрим в единую точку,
К примеру, в точку свечения.
Звезды, засиявшей в ночь ту.*

*И так, по линиям взглядов
Привет отправляем друг другу...
И нам никаких не надо
Ни номеров, ни трубок.*

— Вот так и дальше общайтесь.

— Это сложно. Это получается только с теми, кого любишь. Не найдется столько любимых.

— Ненавидишь людей?

— Почему сразу — ненавижу? Не передергивай. Не всех люблю — это точнее. Как любить подонков и предателей?

— Да! Это великое искусство.

08.09.2010

С раннего утра — снова Ангел.

Хохлев открыл глаза — комната залита белым светом. Он привстал на локте и попытался найти источник. Светился Ангел. Сидел за столом и что-то читал. Владимир тряхнул головой, отгоняя утреннюю дрему. Встал, подошел.

— Вот, нашел в твоём шкафу учебник химии для девятого класса.

— Сын недавно школу окончил.

— Интересная книжица. Чего только не понаписано...

— С огнем разобрался, теперь с чем?

— С водой.

— Тоже нет доказательств, что вода — это аш два о?

— Абсолютно никаких! — Ангел засмеялся.

— Это не смешно. И становится навязчивым. Честно сказать, надоело разбираться во всей этой ерунде. — Хохлев начал одеваться. — Если хочешь, я могу просто поверить в то, что ты говоришь о науке, и закроем тему.

— Рано, рано.

— Ты светишься, как настольная лампа... Расскажи о природе твоего свечения.

— После того, как обсудим своё творение.

Ангел хлопнул по учебнику. На собеседника даже не посмотрел, не обернулся — весь в книге... А Хохлев, одевшись, стоял и не мог оторвать взгляда. Исходящий от небесного существа свет был несравним ни с чем. Игольчатый, лучистый. Но лучше не различить. Какие-то обтекающие, не прямолинейные. И без теней...

Все утро — пока Владимир завтракал и собирался — Ангел сидел в углу и читал. Не проронил ни сло-

ва. Увлекательный предмет — химия для девятого класса. Он вернулся к действительности после того, как Хохлев уже в куртке, щелкнул в дверях каблуками и громко объявил:

— Я готов!

— Отлично! — отложил книгу. — Полетели!

Прихожая, лестничная площадка, недавно вымытые ступеньки, дверь на улицу.

— Значит, вода имеет сложный состав и состоит из кислорода и водорода?

— Ну, да.

— Чтобы вода состояла из кислорода и водорода, необходимо, чтобы в природе существовали эти составляющие.

— Их нет?

— Не уверен, что они есть.

— Почему ты никогда не говоришь определенно: есть или нет?

— В некоторых случаях говорю очень определенно.

— И на чем же строится твоя неуверенность?

— На очередных, очевидных ошибках. На ошибочности теории об атомном и молекулярном строении материи.

— И атомов нет?

— Их существование ничем не подтверждено.

— Взрыв атомной бомбы — не подтверждение?

— Какое же это подтверждение? Ученые словами «взрыв атомной бомбы» обозначили явление. Здесь ничего не подтверждается?

— Но структура взрыва, его суть — атомная.

— Кто заглядывал в эту структуру?

— Бомба создавалась, придумывалась как атомная. На основе теории строения материи из атомов... Что же происходит при атомном взрыве?

— То же, что и при простом горении, только в других масштабах. В определенном месте по неведомым вам — человеку — причинам концентрируется огромное количество энергии. В определенный момент количество переходит в новое качество. Вот тебе и взрыв. И не слушай ты всякие домыслы и формулы. Все это от лукавого. Слова — ложь. Если положить их на весы — все они вместе легче пустоты.

В очередной раз Хохлев был полностью сбит с толку. Ему захотелось бежать домой за учебником. В библиотеку — за энциклопедией. В академию наук — к какому-нибудь заслуженному академику, чтобы тот популярно раскрыл Ангелу суть вопроса.

— Не надо домой, не надо к академику. А в библиотеку пойдем. Покажу тебе, как легко опровергается теория строения материи из атомов.

— Невероятно... Как у тебя все просто. И как мне с этим теперь жить? Хочешь сделать меня изгоем общества?

— Зачем же?

— Затем! Если я что-то вследствие нашего общения и пойму — а остальным ты ничего не объяснишь — на меня будут смотреть, как на идиота. Отвергающего современные достижения науки и техники... Не теории, а конкретные, объективные достижения.

— Ты объяснишь.

— Кто я такой?

— А кто такие: Ньютон, Ампер, Лавуазье? Такие же, как и ты, люди.

— Гении!

— Мошенники. Одержимые жаждой славы лицемеры. Каждый из них хотел оставить свой след в истории. Любой ценой. Вот и напустили... Нормальному человеку теперь не отмыться от их «научной» грязи.

— Тебе бы на урок в школу. В старшие классы. Посидеть бы там, послушать. Посмотреть на стены. Стены кабинетов увешаны их портретами.

— Наклепали себе кумиров и верите им, как языческим богам... А собственную исследовательскую мысль глушите. В конце-то концов, разберитесь — кто есть кто. Вольт написал труд о своем электрическом столбе, издал его. В этом же издании, в предисловии напечатал хвалебную статью. Самому себе! Какой он талантливый и гениальный и какой вклад в науку привнес... Сегодня в библиотеке закажи Лавуазье.

— Почему Лавуазье?

— Ну, ты же хочешь разобраться со строением воды.

— Так я уже понял, что теория строения материи из атомов — ошибочна, или как ты говоришь — не имеет доказательств... И что, соответственно, формула аш-два-о невозможна. Или я все не так понял?

— Так. Но я хочу, чтобы ты понял, как эта формула получилась.

Перед входом в вестибюль метро Ангел отстал — может, не понравился ему в прошлый раз в подземном царстве. Когда — у дверей — Хохлев обернулся, «возмутитель спокойствия» висел в воздухе у рекламной тумбы и махал рукой. И расправленные крылья тоже покачивались... Как у аиста перед взлетом.

В 16–45 Владимир был в читальном зале библиотеки. В ожидании своего просветителя, лениво — с неохотой — заглянул в книжку Лавуазье. Некоторые из страниц даже не разрезаны. Издание старенькое, бумага желтая, корешок изрядно выцвел. Книжка напечатана в советское время. Неужели её никто так и не раскрывал?

Ангел шумно пролетел по проходу между столами, приведя в движение открытые странички книг под лампами.

— Ну, как? Нашел самое интересное?

— Нет еще. Недавно прибыл... Да и как можно найти это интересное без тебя?

Хохлеву хотелось есть — не успел сегодня пообедать. И вообще домой... Или куда-нибудь подальше от этой пыльной книги.

— 29 марта 1773 года в своем лабораторном дневнике Лавуазье пишет, — Ангел открыл нужное место. — Я увидел с изумлением, что свинец не обжигается больше. С этого времени я начал подозревать, что циркулирующий воздух необходим для образования металлической извести. Возможно, даже воздух, которым мы дышим, не входит целиком в металл при обжиге, а входит лишь часть его, которая притом не имеет в избытке в данной части воздуха... Воздух в металл, как тебе это?

— Ну, бред, конечно.

— Через полтора года в работе «Об обжиге олова в закрытых сосудах» Лавуазье заявляет: весь воздух атмосферы в целом не находится в состоянии пригодном для дыхания, но лишь его оздоравливающая часть (то есть кислород), которая соединяется с металлами при обжиге. А то, что остается после обжига, есть своего рода удушливая часть, непри-

годная для поддержания дыхания животных и горения тел... С чего он это придумал? С какого такого «научного» опыта, если он наблюдал за обжигом металла, а не за поведением воздуха. Чистая фантазия.

Ангел присел на свободный стул.

— В чем ошибся Лавуазье? В том, что из наблюдаемого им «с изумлением» факта остановки обжига он сделал односторонний вывод. Не рассмотрел — как обязан был сделать настоящий ученый — ситуацию с двух сторон. До Лавуазье металл и воздух рассматривались как простые тела. С постоянным составом. В процессе взаимодействия двух тел, на границе их соприкосновения образуется третье тело. Остановка процесса происходит потому что! Вот, здесь слушай внимательно.

Первый вариант объяснения: предполагаемое простое тело — воздух оказывается сложным. Часть этого сложного тела, принимавшая участие в процессе, полностью израсходована. Это по Лавуазье.

Второй вариант: предполагаемое простое тело — металл оказывается сложным. Часть этого сложного тела, принимавшая участие в процессе, полностью израсходована. Это по нашему.

Два равноправных предположения: первое — выгорела часть воздуха. второе — выгорела часть металла. Доказанным первое предположение можно считать только в том случае, если точно установлено, что в процессе обжига меняется только состав воздуха, в то время как состав металла остается постоянным. Лавуазье этого не установил!

— Он и не мог этого сделать, потому что в процессе участвовала пара элементов. И с этой парой мы всегда будем иметь пару вариантов объяснений.

— Молодец! Заметил, что достаточно любому объяснению явления найти противоположную пару, то есть второе объяснение, как первое сразу теряет научный характер и переходит в область философии, то есть болтовни?

— Вот еще один пассаж Лавуазье. Запись в дневнике, от апреля 1775 года: кажется, что горячий воздух — то есть водород — горит лишь в известной пропорции с обыкновенным воздухом, введенным в сосуд. Если подносить свечу несколько раз, он сгорит нацело. Что же тогда останется?

Наш ученый почему-то убежден, что горит именно горячий воздух! Опытную установку для выяснения «что же тогда останется?» Лавуазье составил из двух газометров. — Ангел нарисовал схему установки на своей глиняной табличке. — Газы по кожаным, гибким шлангам поступали в насадку, которая вставлена в верхний тубус стеклянного колокола, опущенного во ртуть.

Лавуазье признается, что установить в этом опыте точный вес исходных газов оказалось невозможным, — кожаные шланги не были абсолютно непроницаемы для воздуха. Читаем: но в физике, не в меньшей степени, чем в геометрии, целое равно сумме своих частей, а мы не получили в этом опыте ничего, кроме чистой воды без малейшего осадка. Поэтому мы считаем себя вправе заключить, что вес этой воды был равен весу обоих видов воздуха, из которых она образовалась.

Был равен! Весу воздуха! А может, не был? Вода образовалась из двух видов воздуха! А может, из одного? Где доказательства? — Ангел захлопнул книжку. — Если еще не убедил, можешь почитать без меня.

— Убедил.

Хохлев попытался сдержаться, вызванный книжной пылью, но из этого ничего не вышло. Чихнул так громко, что привлек внимание других читателей. Некоторые — с укоризной во взгляде — обернулись.

— Формула «аш два о» — чистый вымысел.

Ангел взмахнул крыльями и пулей вылетел из зала. Даже не попрощался. Снова зашевелились странички в открытых книгах на столах. Наверное, в этот вечер у него были более срочные дела.

Владимир сдал книжку, вышел на улицу и глубоко вдохнул — проверил легкие. После умственных потуг захотелось немножко расслабиться. В уютном подвальчике, недалеко от библиотеки.

Первые пятьдесят граммов приятно согрели. Сознание размягчилось. Хохлев стал невольно прислушиваться к разговору симпатичных девушек за соседним столиком, к любимому джазу, льющемуся в пространство из-за барной стойки. Заказал еще пятьдесят и бутерброд. Принимать спиртное на голодный желудок без закуски — не есть хорошо. От выпитого закружилась голова, очертания предметов сгладились. Вот и ожидаемое расслабление. Хохлев откинулся на спинку стула и через маленькое зарешеченное окошко устало наблюдал за мелькающими над тротуаром ногами прохожих. Уходить не хотелось. Еще пятьдесят...

Владимир выпил не сразу. Стал отхлебывать небольшими обжигающими глоточками, чтобы растянуть удовольствие. Музыка и остальные звуки ушли вдаль. Пальцы выстукивали по столу свой мотив.

Вдруг! Он! Ангел! Сначала на улице, затем в широко распахнутой двери кабачка.

Встал, как вкопанный. Испепелил взглядом, огнем ярости. Хохлев попытался отвести глаза и не смог. Был как будто парализован. Наконец Ангел сошел с места. В его руках оказался хлыст. Взмахнул им — и самым кончиком выбил из руки рюмку с недопитым. Удар был такой силы, что рюмка со свистом врезалась в стену и разлетелась на мельчайшие осколки. Девушки, к счастью, уже успели выйти, других посетителей не оказалось — никто не пострадал. Кроме стены — водка оставила на тисненых обоях мокрый след. Симметричную — относительно точки удара — расползшуюся во все стороны кляксу.

Ангел исчез так же стремительно, как и появился, не вымолвив ни слова.

Бармен испуганно смотрел в сторону Хохлева. С претензией. Он-то никого и ничего не видел... Значит, рюмку в стенку запустил единственный на тот момент посетитель.

Владимир был ошарашен. Быстро собрался с мыслями. Извинился. Оплатив выставленный счет, на ступеньках выхода обернулся на мо-

крое пятно на стене. Его тоненькие лучи на концах уже подсохли, но были еще здорово заметны. Клякса на поминала солнышко.

Что же, и выпить — в конце трудового дня — не позволено? Так что ли?

11.09.2010

На первую электричку Владимир не успел. Слишком длинной оказалась очередь в билетную кассу. Но зато вторая — через двадцать минут — оказалась полупустой. Хохлев добежал по платформе к голове поезда, до второго, безмоторного вагона и устроился, как обычно, — у окна.

Небо за окном плакало. Не каплями — струями. Они ребрили оконные стекла и, казалось, пробивали крышу. Ангел влетел в вагон, стряхнул с крыльев воду и присел рядом с Хохлевым. Материализовался, приняв вид увлеченного наукой студента. Или аспиранта. В круглых — как у Джона Леннона — очках.

Хохлев виновато опустил глаза. Вспомнил об инциденте в подвальчике.

— Ну, как? Перетер? Воду в ступе?

— Перетираю. Я думал после среды, ты больше не появишься.

— Я же не говорю: пить нельзя. Я сказал: нельзя пить лишнее. Всё, забыли об этом.

— Забыли! Сегодня снова будешь заставлять меня копать в чужом навозе. Разгребать заблуждения каких-то далеких от меня людей. Зачем? Мне рассказывали о них в школе. Давно. Я и забыл уже. И выводы, и законы их.

Хохлев вытянул ноги, съехал телом на край сиденья и сложил руки на груди. В такую погоду, при низкой

облачности и большой влажности он неважно себя чувствовал. Ломило суставы, начинала болеть голова, не было никакого желания что-либо делать. О чем-либо думать. Хотелось спать.

— Не выпался, что ли?

— Да... Тяжело как-то. Сейчас полежу пять минут...

— Любите вы, человеки, придумывать себе разные послабления. Телом нужно руководить. Вести его. Не подчиняться внешним факторам.

— Не прогибаться под изменчивый мир?

— Именно. На вот тебе — Николая Коперника «Об обращении небесных сфер», — Ангел-аспирант покопался в рюкзаке и достал из него серую книжку.

— И он ошибся?

— Не то слово.

— По-моему, недавно отмечали юбилей этой книги? — Хохлев подтянул ноги и собрался.

— Мир продолжает поддерживать придуманный Коперником миф. Некоторым это очень выгодно.

— А почему Коперник? Мы же начали разбираться с теорией строения материи из атомов.

— Разберемся позже. Сейчас ты должен увидеть, как в одной разгоряченной голове родилась планетарная модель Солнечной системы. Которая в слегка измененном виде была применена и в теории строения материи из атомов. Астрономии в школе проходил? Солнце в центре, вокруг эллиптические орбиты. По ним скользят вращающиеся планеты, среди них круглая Земля... И прочий бред. Помнишь?

Хохлев кивнул.

— Вот читай, разбейся... Откуда пошло. Вас определенно губят ваша доверчивость и легковёрность. Достаточно человеку облачиться

в мантию ученого, водрузить на голову шапочку с кисточкой, написать книжку, в которой заявить что-либо авторитетно... и вы верите.

— Нельзя?

— Нет, конечно. Открывай первую главу. О шарообразности Вселенной. Читай. А я буду комментировать.

Владимир подчинился.

— Вселенная шарообразна, потому что все самостоятельные части ее, я имею в виду — солнце, луну и звезды — мы наблюдаем в такой форме.

— Принцип визуального подобия не применим при научном исследовании мира. С некоторых точек такие объемные тела, как шар и цилиндр, в своем внешнем очертании подобны друг другу, но их объемно-пространственное строение различно, — Ангел пролистнул несколько страниц. — Теперь вот здесь. Глава вторая. О том, что сферическую форму имеет и земля.

— Земля тоже шарообразна, потому что со всех сторон тяготеет к центру.

— Во времена Коперника наука не располагала информацией ни о природе тяготения, ни о том, что у Земли есть центр. Где доказательства?

— Тем не менее, ее совершенная округлость заметна не сразу из-за большой высоты её гор и глубины долин, что, однако, совершенно не искажает ее округлость в целом.

— Заметная глазу округлость Земли — недостаточное условие ее шарообразности. Кроме шара округлостью обладают и эллипс, и тор, и любая кривая выпуклая сферическая поверхность.

— Такой же формой, по наблюдениям мореплавателей, обладает и водное пространство, поскольку земля, неприметная с корабля, ви-

дима с верхушки его мачты. И обратно, огонь, горящий на вершине мачты при отдалении судна от земли, кажется тем, кто остается на берегу, мало-помалу опускающимся. До тех пор пока, наконец, не скрывается, как бы закатившись.

— Это свойственно любым сферическим поверхностям. Невооруженным глазом видно, что приведенные доводы о шарообразности Земли не выдерживают никакой критики. Идем дальше, — пролистнул еще несколько страниц. — Вот. Глава пятая. Обладает ли Земля круговым движением и о месте Земли.

— Земля есть то место, с которого мы наблюдаем небосвод, откуда он открывается нашему взору. Следовательно, если предположить...

— Подчеркнем — именно п р е д -
п о л о ж и т ь!

— Если предположить какое-нибудь движение у Земли, оно непременно будет обнаруживаться во внешних частях Вселенной, но как идущее в обратном направлении, как бы мимо Земли. Таково, прежде всего, суточное обращение, ибо оно представляется нам увлекательным весь мир в целом, кроме Земли и всего, что около нее. Но если допустить...

— Именно д о п у с т и т ь!

— Что небо вовсе такого вращения не имеет, но что вращается с запада на восток Земля, то всякий, кто внимательно обдумает явление восхода и захода Солнца, Луны и звезд, найдёт, что это так и есть на самом деле.

— Замечательно! С чего это «так и есть»?

— А так как небо есть общее, все содержащее и таящее в себе все, то отнюдь не видно, почему не приписать движения скорее содержащему, чем содержащему, вмещенному, чем вмещающему.

— П р и п и с а т ь!!! — Ангел положил руку на страницу. — Вот главная ошибка Коперника. В науке подобного рода допущения и приписывания невозможны. Они ведут к неверным выводам и глубочайшим заблуждениям. Как ученый Коперник обязан был рассмотреть оба варианта движения: Первый — небо вращения не имеет, вращается с запада на восток Земля, и второй — Земля вращения не имеет, вращается с востока на запад небо. Однако второй вариант ученым отбрасывается, а научные доказательства, подтверждающие правильность выбора первого варианта, заменяются историческими ссылками. Вот они, читай дальше.

— Такого мнения действительно и держались пифагорейцы Герклид и Экфант и, согласно Цицерону, Никет Сиракузский, придававшие Земле вращение в центре мира.

— Придававшие... Вот здесь читай.

— И совершенно не будет удивительным, если кто предположит у Земли какое-нибудь другое движение, кроме суточного ее вращения.

— Предположить можно все что угодно. Дальше, вот здесь — глава шестая: О необъятности неба в сравнении с величиной Земли.

— То, что вся громада Земли совершенно ничтожна по сравнению с величиной неба, можно видеть из того, что круги ограничитель...

— Таково значение греческого слова «горизонт».

— Пересекают всю небесную сферу пополам.

— Откуда Коперник знает, что то, что скрывается за линией горизонта, представляет собой невидимую половину видимой части небесной сферы? Именно половину, а не треть, четверть или какую-либо другую часть.

— Не знаю.

— Как будто ясновидец какой-то. Сквозь землю видит.

— А это было бы невозможно, будь величина Земли или расстояние ее от центра мира значительны в сравнении с небом.

— Бред. От какого центра мира? Как он определил размеры земли и неба?

— Гораздо более удивительным должно нам представляться круговращение в течение 24 часов такой необъятности мира, а не столь малой части его, то есть Земли.

— Какой необъятности? Откуда? Небо ему кажется необъятным. Почему необъятным? Небо очерчено кругами ограничителями, дальше них ничего не видно. Совсем у человека голова кругом пошла. Открой девятую главу. Можно ли приписать Земле несколько движений и о центре мира. Читай.

— Итак, раз ничто не противоречит подвижности Земли, я полагаю, следует рассмотреть, причисляет ли ей также несколько движений, чтобы можно было считать ее одной из планет.

— Придуманная фантазером Коперником планетарная модель заняла крепкое положение в его уме. Это похоже на одержимость. Для логической завершенности этой модели необходимо, чтобы Земля стала одной из планет и закрутилась вокруг Солнца. Вот здесь.

— Если заменить годичное обращение Солнца таковым же обращением Земли, а Солнце принять за неподвижное...

— Достаточно волевого акта человека и движение Солнца остановлено. Фантазия побеждает здравый смысл.

— В центре мира находится Солнце! Во всем этом нас убеждает строгий порядок последовательности

и смены явлений и гармония всего мироздания, если только мы рассмотрим существо дела, как говорится, обоими глазами.

— Демагогия! Коперник выпускает в мир ложь, которая живет в умах до сего дня. Знакомая всем — по учебникам астрономии и телепередачам — модель Солнечной системы, где центральное место занимает Солнце, а вокруг него крутятся по своим орбитам другие планеты, среди которых и Земля, не имеет ничего общего с действительным строением нашей Вселенной.

В голове Хохлева — после всего прочитанного и услышанного — заварилась какая-то несъедобная, не перевариваемая каша. Он закрыл книжку и повернулся к окну. Оказалось, что поезд уже пролетел Гатчину и «подлетал» к Карташевской.

Дождь кончился, облака разошлись. Небо улыбнулось рассветом.

Вдруг случилось невероятное. Хохлев увидел центр мира. Ощутил присутствие в нем своей мысли. Обнаружил свечение внутри себя. И тепло — в груди, в области сердца. Свет и тепло исходили из одного источника. И текли через внутренние органы, мышцы и кожу в мир.

— Что это было? — Владимир развернулся к спутнику, когда явление прошло.

— Может быть, ты прикоснулся к Сущему?

— Опять загадки.

— И отгадки будут. После испытательного срока.

— Я что, неблагонадежен?

— Сегодня надежен. А завтра? Некоторые личности, получив настоящее знание, свернули с правильного пути. И начали свою игру. Сейчас тебе нужно упорядочить мысли, рас-

предельно поступившую информацию по веточкам своего ума.

— У нас говорят — по полочкам.

— Ум человека подобен дереву. Структура та же. Ствол, ветки, веточки. Помнишь: «дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь». Это про ум. Он разветвлен и занимает много пространства. Но не все. Как ствол и ветки дерева не занимают всего объема кроны. В каждой веточке ума хранится своя информация. Энциклопедисты считают ум складом и загружают его нужной и ненужной информацией. От этого он тяжелеет, разбухает, теряет гибкость и способность работать с живыми мыслями.

— Живыми?

— Да. Есть мысли мертвые, непрозрачные. Беда тяжелого ума — присваивать себе ложные, темные мысли. Вследствие чего и происходит оглушение людей — ваша главная беда и проблема. В стане бесплотных существ — как и в человеческом роде — не все одинаково чисты и светлы. Есть темные духи, демоны, не знающие правды и не желающие добра ни себе, ни людям.

Успехом для людей является приближение к чистому ангельскому состоянию. Чтобы помешать этому, демоны тьмы постоянно вбрасывают в умы людей всякую чушь. Ложные — яркие, как елочные игрушки — научные теории. Правдоподобные гипотезы. Человеку может показаться, что он открыл нечто важное. Слабые умы на этих фокусах обманываются и передают ложь другим людям.

Хохлев услышал, но никак не отреагировал. В его голове бился вопрос: что это за существа — Ангелы? Что за форма жизни? Способна так менять свою структуру. Обретать плоть и снова становиться бесплот-

ными. Перетекать из одного измерения в другое. И люди, наверное, смогли бы этому научиться. Если бы кто-нибудь научил.

— Научу, всему свое время, — Ангел снова прочитал мысли.

К концу поездки разболелась спина. На платформе Хохлев слегка размял плечи, растер шею. Обрадовался старым, скатным деревенским крышам, печным трубам с почерневшими козырьками. Утренним, таким вкусно-пахнущим, дымком. Уже на лесной дороге, за деревней, Ангел спросил:

— Ну, как? Распределил?

— Вроде да.

— Коперник, конечно, натворил дел... Но что может один человек без поддержки окружающих? У Лепнина в 17 году ничего бы не вышло, не пойдя за ним народ. Так и с Коперником. Его фантазия понравилась многим. В нее поверили. А ученые — в кавычках — мужи постарались украсить ее дополнительными деталями.

— Кто и как?

— Во-первых, Джордано Бруно. Еще один философ-фантазер. Не читал его «О бесконечности Вселенной и мирах»?

— Нет еще.

— И не читай. Вот тебе из третьего диалога: небо, следовательно, единое безмерное пространство, — про безмерность лепечет, как и Коперник — лоно, которое содержит все. Эфирная область, в которой все пробегает и движется. В нем бесчисленные звезды, солнца и земли. Безмерная, бесконечная Вселенная составлена из этого пространства и тел, заключающихся в нем...

Яркая и манкая придумка — ничего больше. Ненаучная фантастика.

А пятый диалог: на этих мирах обитают живые существа, которые

возделывают их. Сами же эти миры — самые первые и наиболее божественные живые существа Вселенной. И каждый из них точно также составлен из четырех элементов — земли, воды, огня и воздуха, как и тот мир, в котором мы находимся, с тем только отличием, что в одних преобладает одно активное качество, в других же другое...

Вредная, очень опасная сказка.

Но Бруно не претендует на роль ученого. Он поэт. Упертый и одержимый. На костре его сжигают за идеи. Этот факт делает их невероятно популярными. Но вернемся в науку. Иогана Кеплера в схеме Коперника не устраивают круговые орбиты. Он придумывает законы движения планет. Орбиты становятся эллипсами, со смещенным центром силы притяжения. Удивительно — Кеплер пишет свои законы, не обращая внимания на самый существенный факт. Для того чтобы планета двигалась по орбите, одной силы притяжения недостаточно. Под ее действием планета будет двигаться по прямой линии к центру притяжения, пока не достигнет его. Какая сила толкает планету вокруг центра притяжения? На этот вопрос наука не знает ответа до сих пор.

— Невероятно.

— Идем дальше. Итальянец Галилео Галилей в свой телескоп долго наблюдает за Солнцем. После чего пишет: я обратил внимание на темные пятна, появляющиеся на солнечном диске. Продолжительные наблюдения убедили меня в том, что пятна представляют собой вещество, связанное с поверхностью солнечного тела; они то появляются на ней в большом количестве, то расплываются, одни быстрее, другие медленнее, перемещаясь вместе с обращением солнца вокруг оси...

Как просто, не правда ли? Коперник раскрутил Землю, Галилей — Солнце. И не нужно как-либо подтверждать свои мысли. Они просто сказали народу, что хотели, а народ поверил. Между тем Галилею, как ученому, прежде чем объявить о своем выводе, требовалось научно доказать, что природа наблюдаемых пятен вещественна, что это не тень от чего-либо, а именно вещество; что Солнце имеет поверхность, с Земли мы наблюдаем его в виде светящегося плоского диска. Как будто в твердом небе просверлили круглую дырку, через которую на землю льется тепло и свет. Также требовалось доказать наличие оси вращения у Солнца. Он этого ничего не делает.

Далее — Исаак Ньютон. Вбрасывает в умы людей идею о тяготении.

Еще далее: благодаря открытию Лобачевским неевклидовых пространств и придуманной Эйнштейном теории относительности уже советский умник Александр Фридман в 1924 году предлагает модель расширяющейся Вселенной. Он заявляет, что искривленное пространство не может быть стационарным, что оно должно расширяться или сжиматься. Почему Фридман выбрал именно первый вариант развития Вселенной — он естественно, никак не объясняет... Ты меня слушаешь?

Хохлев вздрогнул, очнувшись от своих дум.

— Да, я все слышал. Могу, как в школе, повторить.

— И услышал?

— Да.

— Видел я нечестивца грозного, расширяющегося подобно укоренившемуся, многоветвистому дереву...

— Это о ком?

— О том, кому все это нужно. Сам думай о ком... Сегодняшнее занятие окончено — трудись, садовод...

На своей земле. Возделывай! В поте лица своего!

Ангел оторвался от дорожки. Сделал «круг почета» вокруг березы, посаженной двадцать лет назад. И — как учебный «ястребок», после выполнения лётного задания — плавно покачивая крыльями, взлетел над миром.

Хохлев понял, что стоит около своего дома, до которого — непонятно как — он так быстро «добежал».

12.09.2010

Вечером Хохлев заметил Ангела, сидящим у куста роз.

— Удивительный запах у этих цветов. Сажу вот и дышу им... И не надышаться. Присоединяйся, — он подвинулся, освобождая место на скамейке.

— Благодарю, — Владимир присел и глубоко, до головокружения вдохнул. — А я мимо этого куста бегу каждый раз — то с тачкой, то с лопатой, то с лейкой — и не замечаю. Выходные короткие, земли много — как её всю обработать?

— Всеобщая болезнь современных людей — гнать себя по жизни. Полезнее было бы вам в мир всматриваться пристальней, запахи и звуки различать... Это ведь для вас все... А вы уже и обедать на ходу — или не вылезая из машины — научились. Куда спешите?

— За материальным.

— Дурачки. Объясняешь вам, объясняешь. Как глухие. Разбогатеть хочется?

— Да нет... — Хохлев извлек из пачки сигарету и закурил.

— Ну вот! Взял и все испортил.

— Мужчины в садоводстве цветы не нюхают. Им ближе запах опилок... Или табака.

— Ладно, не нюхай. Давай вечерний разговор закончим, и будешь своей землей заниматься. Ты понял, в чем современная наука делает главную ошибку?

— В чем? В методе.

— Метод — это инструмент. Хороший хирург способен и плохим скальпелем грамотно прооперировать. Не в этом.

— В чем же?

— В необоснованных и глупых изначальных установках. В научных догматах: материя вечна и неизменна. Материя первична — сознание вторично.

— То, что материя не первична — это уже давно всем понятно. А вот по поводу вечности и неизменяемости — не знаю.

— Одно следует из другого. Если она не первична, значит, изменяема... Значит, умрет. Не умирает то, что есть всегда.

— Может, было бы лучше, чтобы материя была вечной и неизменяемой?

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы мир стоял прочно. Чтобы никакие человеческие происки — бомбы там всякие, взрывы — не могли его поколебать. Чтобы в этом прочном и неизменяемом мире рождались и жили люди. Познавали его.

— В неизменяемом мире скучно жить. И скучно изучать его. В один прекрасный момент можно подойти к финальной черте познания. И что дальше?

— Не знаю. А ты помнишь Михаила Васильевича Ломоносова? — почему-то Хохлев неожиданно вспомнил вызубренное в школе правило. — Все перемены в натуре встречающиеся такого суть состояния, что, сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится

к другому. Так ежели, где убудет несколько материи, то умножится в другом месте. Это тебе не хухры-мухры, а закон сохранения материи.

— Не смеши. Это не закон, а именно хухры-мухры. Ученым нужно было как-то объяснить наблюдаемые химические реакции, в которых якобы сохраняются количества веществ.

— И здесь ошибка?

— Никаких доказательств сохранения вещества нет и быть не может. И Михаил Васильевич их не приводит. Все это кажущиеся закономерности. Это не наука.

— Одним росчерком пера или взмахом крыла готов закрыть такую науку, как химия. Где главный и единственный способ передачи сути химической реакции — уравнение равенства. Количество вещества после реакции равно количеству вещества до нее.

— Раз доказательств нет, пора закрывать.

— Ты фанатик. Не ценишь того, что создано людьми на протяжении многих веков.

— Не фанатик — Ангел.

— Прости, забыл.

— Забывчивый... Никто не опровергает литературу, живопись или архитектуру. Если человеки открыли законы гармонии и, следуя им, создают совершенные произведения искусства — кто и что против этого скажет? Но если одни — самовлюбленные глупцы — придумывают несуществующие законы устройства мира, а другие — как попугаи — разносят их по всему свету... И обзывают других людей — детей — изучать эти законы... Тогда — лженауки следует закрывать. Они туманят мозги людей. Уводят от настоящих знаний.

Ангел высказывался эмоционально, в повышенном тоне:

— А насчет всяких там равенств и уравнений. Физика, как известно, тоже часто использует запись в виде уравнения со знаком равенства посередине. Равенства как такового — в мире не существует. Нет двух одинаковых предметов, явлений, состояний, величин. Если наука стремится изучать объективные закономерности жизни, а не абстрактные фантазии, она не должна иметь в своих арсеналах равенств.

— Скорость не равна произведению времени на расстояние?

— Не равна! Потому что скорость — это характеристика непрерывного движения, а время и расстояние, используемые в формуле, прерывны, конечны. Вы вставляете в формулу определенное, конечное — вырванное из непрерывного течения времени — количество секунд и определенное — механически вырванное из длины пути — количество метров. Знак равенства между двумя частями уравнения — незаконен.

В природе не существует ни одного движения, которое было бы непрерывно, равномерно, абсолютно одинаково — во всех временных промежутках и на всех отрезках его траектории. Значит скорость — как величина — вообще неопределима. Физика изучает не природный мир, а абстрактный миф о нём.

— Боюсь что-либо еще спрашивать, — Хохлев театрально отодвинулся от Ангела.

— Извини. Просто и нас — Ангелов — может достать откровенная ложь и искажение фактов. Ну, вот идея Ломоносова о сохранении материи! Нужно быть полным идиотом, чтобы не замечать, как материя уничтожается. Или создается.

— Где уничтожается? — Владимир все-таки осмелился вставить слово.

— Где, где... В костре, например, в любом огне. Что происходит при сгорании березового полешка в твоей печке? В пространстве около него концентрируется теплота — в топке, в печных щитках, в пространстве дома. Когда количество тепла достигает критической точки — вспыхивает огонь, в котором полено — то есть материальное тело из древесины — исчезает, лишается бытия. И ничего в другом месте не умножается.

— А выделяющееся при сгорании тепло?

— Да не при сгорании... Мы ведь об этом уже говорили. Вы не знаете, что происходит при горении. Тепло и огонь всегда рядом. Но что из них вначале?

— А серый пепел с дымом?

— Ты хочешь между серым пеплом с дымом и белой березой поставить знак равенства. Одна материя исчезла, другая появилась, и при этом никто из людей не скажет, равны ли между собой количества исчезнувшей и появившейся материй. Вот тебе материя!

Ангел взмахнул крылом, и прямо перед Хохлевым — на траве — из ничего собралось березовое полено.

— А вот тебе — нет материи.

Полено исчезло.

— Это не материя, это чудо, — Хохлев был смущен.

— Так и занимайтесь природой чуда. Изучайте его, исследуйте. И не говорите, что чудес не бывает... Но ты знаешь: стоит в научном мире заикнуться о чуде — все сразу прячут головы в песок. А какой-нибудь умник еще и «авторитетно» заявит: до изучения чуда наука еще не выросла. Или: наука чудесами не занимается. Почему не занимается? Боится, что придется опровергать саму себя? А трусам мир не откроется. Знание берется смелостью. Что

такое атомный вес — еще одна научная несуслаца.

— Вес — это сила, с которой тело действует на опору или подвес, — это определение тоже прочно засело в голове Хохлева со школы. — А вот атомный вес — не помню.

— И не можешь помнить. Так называемый атом вещества не способен действовать ни на подвес, ни на опору! Словосочетание «атомный вес» является абсурдным. Однако ученые его используют. Зачем?

— Насколько я знаю, чтобы дать количественную характеристику отличия одного вещества от другого. Чем вещество — согласно периодической системе элементов Менделеева — легче, тем меньшим весом обладают его атомы.

— Это в схеме, но не в жизни. Вес — в вашем понимании — может быть определен лишь в единичном — самом нехарактерном для материи — состоянии, в покое. Для других состояний такая категория, как вес — бессмысленна. Он отсутствует, абсолютно неопределим или постоянно изменяется.

Вот все три случая.

Вес отсутствует, когда некое количество материи совершает свободное падение. Это состояние невесомости.

Вес неопределим, когда количество материи помещено не в воздушной среде. Кусок льда архимедовой силой выталкивается на поверхность воды и не может действовать на подвес или опору. Или когда «количество легкой материи» движется в воздушной среде, но в направлении, противоположном действию так называемой силы тяжести. Это поднимающиеся водяные пары, легкие газы, улетающий в небо воздушный шарик, летящий вверх подпрыгнувший человек.

Вес постоянно меняется, когда количество материи движется, и среди действующих на него сил имеются вертикально направленные. К примеру, камень, брошенный горизонтально, постепенно приближается к земле.

Если внимательно присмотреться ко всем остальным движениям реального живого мира, мы обнаружим, что отсутствие вертикальных сил — такой же исключительный случай, как и состояние покоя. Лавуазье и его коллеги производили опыты и измерения, якобы подтверждающие принцип сохранения материи в самом нехарактерном для материи состоянии. В характерных состояниях способ измерения количества материи через взвешивание недостижим. А Парацельс утверждал: вес не обманывает. Еще как обманывает! Тебе все понятно?

— Более или менее.

— Теперь про атомы. Джон Дальтон — отец современного атомизма. Его книга «О строении тел» — настоящий фантастический роман. Вот послушай, я процитирую: «Сущность атомического учения состоит в том, что вещество предполагается состоящим из совокупности малых, уже более неделимых (силами природы) частей — атомов, не наполняющих сплошь пространства, занимаемого телом, а отстоящих друг от друга, подобно тому, как планеты, солнце, звезды, астероиды и тому подобное не наполняют пространства Вселенной, а отстоят друг от друга».

— Дальтон употребляет слово «предполагается».

— Не перебивай. Частица вещества по этому представлению столь же сложна, как целый мир, и в ней есть свои уединенные тела — атомы, подобные солнцам

и планетам, удерживающие присутствии им силами в подвижном, но прочном равновесии свои спутники и прочее. Найти в малейшем сходное с громаднейшим — составляет одно из достоинств атомизма, привлекающее к нему новые века... Столько патетики и ни одного доказательства!

Вот как Джон Дальтон подтверждает «истинность» атомизма: «Имеются три различных вида тел, которые особенно привлекали к себе внимание химических философов, а именно те, которые обозначаются названиями «упругие флюиды», «жидкости», «твердые тела». Вода представляет хорошо знакомый пример тела, которое в известных случаях способно принимать все три состояния. В паре мы узнаем вполне упругий флюид, в воде совершенную жидкость, а во льде вполне твердое тело. Эти наблюдения привели к заключению, которое является, по-видимому, общепринятым, что все тела ощутимой величины, как твердые, так и жидкие, состоят из громадного числа чрезвычайно малых частиц или атомов вещества...».

Ангел слетел со скамейки и начал прохаживаться.

— Как тебе это нравится? Ни о каких научных, опытных подтверждениях своих мыслей Дальтон не заботится. Ему достаточно «общепринятости заключения»! Я продолжаю: «...связанных между собой силой притяжения, которая более или менее велика в зависимости от обстоятельств и которая, поскольку она стремится предотвратить их разделение (какое разделение, почему?) вполне правильно с этой точки зрения названа — притяжением сцепления. Но, поскольку она собирает атомы из распыленного состояния — как, например, из пара в воду — она называется притяжением соединения, или проще сродством».

Ангел присел.

— А ученые пудрят людям мозги идеей о расширении Вселенной. Оказывается все наоборот! Вещество во вселенной сначала было распылено, а затем «притяжением соединения» собралось в планеты, солнца, звезды.

Бесовские мудрования. Сначала Дальтон объявляет о составлении тел из громадного числа атомов. Затем своей волей устанавливает стремление этих атомов к разделению и определяет силу, стремящуюся это разделение предотвратить. Богатое воображение! Не правда ли?

Ангел снова вскочил. Хохлев следил за мыслью, не вмешиваясь в его монолог.

— Мы уже имеем все основания всерьез не рассматривать эту тему. Но нам нужно посмотреть, как одна ошибка рождает другие. Как следующие поколения «ученых», не замечая ошибки, увеличивают степень ошибочности учения об атомах. На очереди Менделеев. Цитата: «Атомное учение согласуется и вызывает первые законы определенных химических соединений: закон

постоянства состава и закон кратных отношений...».

Хорошо, что Дмитрий Иванович не говорит «доказывает», а лишь «вызывает»! Надо бы доказать, что в химических реакциях при получении нового тела происходит именно соединение тел, а не, к примеру, замещение, происходящее по неоткрытым пока законам, одного тела другим.

Но Менделеев шпарит дальше: «Законы постоянства составов, кратных отношений и паев — суть законы природы, а отнюдь не гипотезы». Как раз гипотезы! «Потому что, будь все учение об атомах совершенно отвергнуто все же указанные законы останутся, ибо отвечают фактам». Каким?

«Природа химических сил также сокрыта поныне от нас, как и природа всеобщего тяготения, но как без знания этой последней, прилагая механические понятия, астрономические явления стали подлежать точному обобщению и подробному предсказанию множества частных, так без знания природы химического сродства есть надежда достичь в изучении химии значительного успеха».

Ложь! Вернемся к понятию «атомный вес». Его абсурдность вовсе не в том, что какой-то предполагаемый атом имеет какой-то неуловимый, ничем не фиксируемый вес. В другом! Допустим, что вся материя состоит из этих самых атомов и что они заполняют все реальное пространство жизни — как это представляют себе ученые атомисты — и каждый из этих атомов обладает весом — силой, действующей по направлению действия силы тяжести к центру этой тяжести. Вопрос: почему все эти атомы под действием силы тяжести до сих пор не собрались вокруг этого центра тяжести?

И не замерли без движения? Что их удерживает в распыленном состоянии? Может быть, было бы интереснее, чтобы из них слепилась какая-нибудь новая сверхплотная материя. А? Как ты думаешь?

Хохлев не отвечал.

— Может быть, в телах эти атомы удерживаются силами притяжения, действующими между ними самими. Такое было бы возможно, если бы одни атомы имели вес, а другие, которых большинство, его не имели, но зато имели бы достаточно мощные силы притяжения к себе. Тогда, может быть, силы притяжения невесомых атомов и погасили бы действие силы притяжения к центру тяжести на весомые. Но ученые утверждают, что все атомы весомы. Следовательно, все должны стремиться к центру. Что же им мешает реализовать это стремление? Никто не знает.

А Дальтон взял да и определил атомные веса элементов. После чего «ученым» потребовалась новая теория, объясняющая, почему атом от элемента к элементу меняет свой вес. И появился Джозеф Джон Томсон — «первооткрыватель» электрона. Цитата из Томсона: «До последнего времени представление физиков об атоме не давало ключа для объяснения различий в химических свойствах атомов и поэтому мало помогало химикам в той части работы, которая по справедливости считалась ими наиболее важной. Химики хотят иметь значительно более определенное представление о различиях между атомом водорода и кислорода, чем то, которое ограничивается утверждением, что атом водорода представляет малую частицу одного рода материи, а атом кислорода — более тяжелую частицу другого рода материи».

Раз «хотят иметь», значит, будут иметь...

Ангел в очередной раз присел.

— Человечи — удивительные существа. Они все хотят классифицировать, ввести в систему, в понятную схему. Привести разные «роды материи» к одному показателю. Воспринимать мир просто они не могут. Они хотят командовать этим миром. Подчинить себе материю и все остальное. Какая жажда власти! Какая одержимость! Прямо болезнь!

Томсон пишет: «подобно тому, как некоторые из физических свойств вещества потребовали для своего объяснения предположения, по которому вещество не является сплошным, но построено из ограниченных и измеримых зерен, так и в деле объяснения химических свойств вещества нельзя идти с успехом далее, прежде чем мы не откажемся от представления, по которому атом является неделимым сплошным и однородным и не припишем атомам известного рода строение».

Что стоит Томсону разделить *atomos*, по-гречески неделимый? Да ничего не стоит.

— Опять «припишем», — Хохлев расхохотался. — В СССР очень любил приписки в экономических отчетах.

— Не перебивай. Слушай, что Томсон пишет дальше: «Открытие электрона в 1897 году было первым доказательством такой структуры. Было доказано — вранье! — что электроны происходят из атомов всех родов и, какой бы ни был источник их происхождения, получают всегда идентичные электроны. Было доказано (как они любят это слово!) что не изменяющийся электрон является постоянной составной частью всех атомов. Затем были открыты методы, позволяющие определять число электронов в самых различных хи-

мических элементах. Было найдено, что в атоме каждого элемента число электронов равняется его атомному номеру. Атомным же номером называется число, показывающее место элемента в списке элементов, расположенных в порядке возрастающих атомных весов». Ничего из утверждаемого Томсоном доказано не было.

Ангел нагнулся к лицу Хохлева, заглянул в глаза.

— Ты устал.

— Да, есть немножко.

— Тогда — к лешему всех этих Томсонов, Парацельсов, Дальтонов... Пошли гулять.

Вышли к воде. Присели на траву.

— Значит, химии тоже запутались? — Хохлев невольно вернулся к прерванному разговору.

— Не только химии! Все! Настолько, что будь я каким-нибудь государственным мужем, подписал бы распоряжение, приостанавливающее преподавание в школах и вузах таких предметов, как астрономия, физика и химия.

— Лихо. А как же физические расчеты? Если бы они были ошибочными, падали бы небоскребы и самолеты. Ракеты не могли бы летать в космос. Но они летают.

— Небоскребы стоят, самолеты и ракеты летают, потому что люди верят в силу тяготения. По Ньютону.

— Верят?! Значит, если мы перестанем верить — небоскребы начнут рушиться, самолеты и ракеты падать, производство встанет.

— Не исключено.

— В таком случае, чтобы ничего плохого не случилось, нужно продолжать верить Ньютону. Химическая промышленность должна работать — производить пластиковые стулья, столы, строительные материалы, к которым уже все привыкли.

— Пусть производит.

— Для этого люди должны учить химию в школах и институтах. А ты — сразу запретить.

— Стулья производят единицы, а головы дурят всем. Нравится тебе химия — занимайся ею. Факультативно. Долби гранит, клей стулья, столы. Тебя только благодарить будут. Но при этом не утверждай уверенно с кафедр, что все вещества состоят из атомов и молекул. Это вредно для здоровья окружающих тебя людей.

— Не понимаю. Если не состоят и три упомянутых тобой науки — полная туфта, как удастся по якобы открытым в их рамках законам производить станки, машины, электронике разную, новые материалы? Почему это все происходит? Как получается?

— По вере. Я уже сказал об этом.

— Законы действуют только потому, что люди в них верят? — Хохлев недоумевал. — Невероятно!

— Да, а что тут такого?

— Как что такого? Если перестанут верить — вся наша привычная жизнь в век технологий, производства и потребления остановится.

— Говоришь, прямо как с трибуны. Почему же вся остановится? — остановится только привычная. А что такое привычка? Преходящее. Зато люди вернутся к натуральному производству. Без технологий. И все! Разберете станки и механизмы и выбросите их на свалку.

— К натуральному производству? В третьем тысячелетии?

— Ну, мы же не виноваты, что вы поверили не в то. Людям захотелось царствовать над природой. Всю её объяснить. И эти желания были сильнее желания докопаться до истины. Вот они и увлеклись яркими идеями, как дети маля — блестящими игрушками. Человеческие умы раз-

мягчились, воли стало не хватать — всякий бред и пополз в головы. И защититься вам нечем...

— Но Ангелы же сильнее людей. И твердыми умами, и волей. Что же вы не вмешались? Объявили бы сразу о кричащих ошибках Коперника, — глядишь, люди и не пошли бы за ним. Не поверили бы.

— Объявляли. Кричали. Хлопали крыльями, пытались открыть людям глаза... Вы были, как одержимые. Вы ничего не хотели слушать. Носились со своими науками, как придурковатые.

Ангел, наконец, замолчал. Он долго смотрел на воду, на отраженное в ней заходящее багровое солнце. Блики прыгали по водной глади, зажигали.

— Завтра будет ветер, — Хохлев прервал паузу.

— Опять? Откуда ты знаешь, человек, что будет завтра? Мы этого не знаем!

Небесное существо постучало пальцем по лбу Хохлева, взмахнуло крыльями и растаяло. А человек посидел еще немного, погрустил — с Ангелом было интересно — и поспешил на свой участок. К своей земле.

30.09.2010

На «Маяке» пикнуло 9 часов утра, когда Владимир открыл дверь своей комнаты.

Ангел, опираясь локтями на воздух, висел между полом и потолком. Слегка покачивался вверх-вниз, вверх-вниз. Владимир вошел. Не говоря ни слова, остановился рядом с гостем. Он был удивлен — Ангел не проявлял себя больше двух недель — стоял, разговора не начинал. Ждал. Наконец, произнес:

— Здрасте.

— Привет, привет, — гость улыбнулся. — Как жизнь? Нужные книжки читаешь? Сегодня еще одну почитаем! Вместе.

— Снова за старое... Что, опять в библиотеку?

— Зачем? Прямо здесь. Вот за твоим письменным столом. — Ангел в последний раз качнулся вверх-вниз и спрыгнул с воздуха на пол. — Садись.

— Что, вот так вот сразу? С места в карьер? Рассказал бы сначала что-нибудь. Как там у вас?

— Все нормально, как всегда... Доставай книгу.

— Какую?

— Библию, конечно.

— Неожиданно, хотя это в твоём стиле. Сегодня четверг — рабочий день, у меня были свои планы.

— К тебе вернулся Ангел... Не кто-нибудь — Ангел! Какие планы?

— Подожди, я хотя бы позвоню, отменю встречи.

— Ну, позвони.

Хохлев вышел из комнаты, в коридоре задержался. Опять эти мучения. После чтения «нужных книжек» у него неделю раскалывалась голова. Еще неделю он приходил в себя. И вот — снова. Чем это я заслужил такое внимание к своей персоне? Небесных сил. Он сделал несколько звонков и вернулся в комнату. Извлек из книжного шкафа старинную дедову Библию, положил её рядом с лампой. Ангел прикоснулся к ней ладонью.

— Эта Книга должна быть настольной! А не тосковать в шкафу.

Владимир неуверенно кивнул, зная, что спорить — не имеет смысла.

— Открывай первую главу — Бытие.

Ангел освободил место. Владимир присел к столу, включил свет, пролистнул странички предисловия.

— Сначала читать?
— Да, да, откуда же еще? Не с конца же. И повнимательней. Сконцентрируйся, сосредоточься. Старайся вникать в суть читаемого.

— Попробую. Вначале сотворил Бог небо и землю.

— Сначала небо, затем землю. Вначале — то, что ближе.

— Земля же была безвидна...

— То есть не имела вида, лица.

— И пуста.

— Ничем не наполнена.

— И тьма над бездною.

— Неосвещена.

— И Дух Божий носился над водою.

— Над какую водою? Понимаешь?

— Наверное, над обычной.

— Неверно. Помнишь о воде, про которую Иисус говорил женщине-самарянке у колодца: кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода, которую Я дам ему, сделается источником воды, текущей в жизнь вечную?

У апостола Павла так: если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие. А у апостола Иоанна так: кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой...

Здесь речь идет о воде, которая не на кухне из крана течет, не о воде рек и озер. Здесь другое. Здесь вода духовная, которая истекает от Бога — Его энергия.

— А почему Дух Божий носился над водою? Как это? Над энергией?

— «Над» означает не физическое место — над чем-то. А в чём-то. Дух Божий изначально присутствовал в воде. До воды. «Над» — это первое присутствие.

— Не понимаю.

— Если, к примеру, пар в воздухе, то можно сказать — воздух над паром. То есть сначала воздух, и затем

уже в нём — пар. Воду Дух Божий имеет в себе. Читай дальше.

— И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы...

— Какой свет?

— Дневной, наверное. Солнечный, какой же еще? А тьма — это ночь.

— Неправильно. Солнца нет — оно еще не создано. Внимательней читай.

— Точно. Не заметил. Извини.

— Так какой?

— Не знаю.

— Тот, который Моисей позже увидит на горе Фавор — Фаворский. Тот, который сподобились увидеть некоторые человеки — святые подвижники, затворники в своих кельях, юродивые. То есть незримый телесными глазами свет Бога. Духовный свет.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно. Что тогда тьма?

— Тьма? То, что вне Божеского света.

— То, что не существует. Не имеет в себе Духа Бога. Правильно. Бездуховная тьма.

— И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды. И стало так. И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день второй.

— Небо твердое. Твердая граница. Твердь. Понятно?

— Граница чего? Не понятно.

— Граница между видимым и невидимым. Между тобой — человеком и мной — Ангелом. Граница Царства небесного, которое присутствует в каждой точке пространства и времени, но скрыто Богом за твердью.

Хохлев уперся пальцем в твердый стол.

— Эта граница?

— Именно. Сообразительный... Но ты, конечно, догадался, что речь идет не о видимой деревянной глади столешницы... Ошибается тот, кто считает, что твердь небесная — то самое голубое небо, которое у человека над головами — видимое глазами небо. Мы были с тобой в метро, под землей — там тоже есть твердь.

Вспомни апостола Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог!» Весь мир — это слово Бога. В нем нет ничего не от Бога. Чтобы мир не рухнул, и в нем свершилось все, что задумано Богом, Он контролирует его всегда и везде. Находясь за этой небесной твердью — за границей видения. Понятно?

— Пока не совсем.

— Вот тебе литературный пример — ты же писатель: есть текст, а есть подтекст. Текст мы видим глазами и можем прочитать. Подтекст — это то, что присутствует в тексте, как бы на втором плане. Невидимо, внешне не проявляясь. Подтекст очень часто первичен и сильнее видимого текста. Бог — как первопричина мира скрыт твердью, но Он сильнее мира. Так понятнее?

— Вроде бы уложил.

— Тогда идем дальше.

— И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом в одно место и да явится суша. И стало так.

— То есть — вода, как дождь, как пары в воздухе была под твердью везде. Бог собрал её в свои места — в моря и океаны.

— И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

— Вот когда Бог увидел мир таким, каким его видите вы — человеки.

— И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, по роду и подобию ее...

— Земли.

— И дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

— А здесь, о каком дереве речь?

— Не знаю.

— О разуме человеческом! Помнишь о дереве, которое надлежит срубить и бросить в огонь? Если оно не приносит доброго плода, то есть добрых, угодных Богу дел — мыслей и слов?

— Дерево-разум?

— Проходящих людей — как деревья — видел исцеленный Богом слепой в Вифсаиде. Он видел разумы людей.

— Понятно. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду, и по подобию её.

— Её!

— И дерево плодovitое, приносящее плод, в котором семя его по роду его на земле.

— Его! Разума, созданного Богом для человеков.

— И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

— Заметь, разум человеческий уже создан, а самого человека еще нет. Это к вопросу о том, что первично? Бытие или сознание. Читай дальше.

— И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для освещения земли, и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней и годов. И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днем,

и светило меньшее, для управления ночью, и звезды. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

— Заостряю твое внимание: Солнце и луна поставлены на тверди небесной, на границе видимого мира. И движутся по ней. Когда Иисус Навин воззвал к Богу, оба светила были остановлены... Стояло солнце среди неба, и не спешило к закату почти целый день. Также, когда Исаия-пророк воззвал к Богу, солнечная тень прошла назад десять ступеней... А вы — Земля крутится вокруг Солнца... Читай дальше.

— И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землей, по тверди небесной. И стало так.

— Полетят по тверди небесной! Твердь небесная не геометрическая плоскость, подобная плоскости земли или воды. Это пространство, в котором или по которому летают.

— И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

— Теперь давай отвлечемся и порассуждаем.

Хохлев встал, прошелся по комнате и остановился у окна. Ангел рядом.

— Ты прочитал о первых пяти днях творения. Ты все понял?

— Как бы это сказать? Логически вроде бы понял, но представить не могу.

— Что?

— Например, твердь.

— Хорошо, рассмотрим вопрос с другой точки. Каток во дворе заливал когда-нибудь?

— Конечно.

— Представь. Вода, вода, вода... и вдруг бац — лед! Мгновенное превращение жидкости в твердое тело. Где-то еще вода, а где-то уже лед. Можешь представить границу между двумя состояниями?

— Конечно.

— Теперь вспомни весенний тающий лед. Он весь в порах, как бы пронизан стрелами, в которых уже вода.

— Вспомнил.

— Вот! Лед очень похож на мир. Вода в нем есть, но она не течет. Она схвачена морозом. Стоит мир-лед немного «подогреть», — и все поехало. То есть пока существует твердь небесная, мир существует как бы в двух состояниях: видимый — твердый и невидимый — жидкий. Как только твердь свернется, — видимый мир исчезнет, растает и останется только мир невидимый — Царство небесное.

— Значит все это все-таки, исчезнет? — Хохлев с грустью посмотрел на улицу, за окно.

— Об этом очень подробно в откровении Иоанна Богослова. Ты же Библию читал? И не один раз.

— Читал, но не вчитывался, как сейчас.

— Да! Тяжелый случай. Нельзя быть таким беспечным. Это ведь твоя жизнь висит на волоске — не моя. А в этой Книге ответы на все вопросы.

— На все?

— На те, которые человеку позволительно задавать. И получать ответы. Есть вопросы высшего порядка. Они не для человеческого разуме-

ния. И даже не для ангельского. Мы ведь тоже создания. Не могут создания копаться в природе Создателя. Или в мотивах Его действий. Библия способна снабдить человека информацией, в полной мере потребной для разумной, сознательной жизни между двумя ее точками — точкой рождения в видимый мир и точкой ухода из него. О том, что до и после — содержится в других книгах.

— Я перечитаю. Вчитываясь!

— Не факт, что без меня — всё поймешь. Бог устроил так, чтобы правда добывалась большим трудом. Напряжением ума и сердца. Через препятствия.

— Зачем?

— Тогда она ценнее. Человек её бережнее хранит. Не открывает без веских причин, не мечет бисер перед свиньями.

— Я что-то проголодался.

— Ладно, оставлю тебя на время. Перекуси. Только сильно не наедайся, переполненное чрево мешает познавать.

— Хорошо.

Хохлев не успел досказать слово, как оказался в одиночестве. Может быть, Ангел и остался рядом, но не в активном состоянии. Не проявляя себя. Владимир пошел на кухню.

Общение с Ангелом — тяжкий труд. После подобных бесед и умственных потуг человек, как выжатый лимон. Ангел раскрывает и втолковывает вещи, которые не сразу вмещает ум. Нужно волевое усилие. Царство небесное силой берется. На усилия тратится энергия. Часто довольно большая. А утрату требуется восполнить...

Владимир забыл наставление Ангела и наелся до отвала. И, к своему стыду, через полчаса уснул мёртвым сном. Кто-то воспользовался этим —

влез в его сон и стал показывать всякие ужасы. Жуткие картинки. Хохлева снова били, он с кем-то дрался, рушились какие-то дома.

Владимир проснулся, пожалел о том, что заснул. Встал и заварил крепкого кофе. С чашкой вернулся в комнату.

— Учишь вас, учишь...

Ангел, сидя за столом над Библией, даже не повернул головы.

— Мы продолжим?

— Я тебе вот что скажу... Я ведь не от себя действую. У меня есть, как у вас говорят, производственное задание, по исполнению которого я должен буду отчитаться. Если я что-то поручаю тебе или объясняю как сделать — для тебя лучше так и сделать. Просто потому, что будет легче и мне и тебе. Но если тебе нравится преодолевать трудности, которые ты сам себе устраиваешь — пожалуйста.

— Извини.

— Популярно объясняю еще раз. Зачем придуман пост и вообще воздержание в еде? Чтобы обострить восприятие. Укрощая тело, совершенствуешь душу и разум. Твой ум это меч — инструмент исследования. Он должен рассекать предмет исследования до основания с первого раза. Я тебе подсказываю, как держать свой ум в готовности номер один. Внемли.

— Я исправлюсь.

— Ладно, проехали. Идем дальше, открывай, читай.

— И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

— Уловил? О живой душе земли?... Земля живая! С живой душой! А вы её экскаваторами, бульдозерами...

— Да. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех

гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему. И да владычествуют они...

— Стоп. Почему они, а не он? Кто это «они»?

— Не знаю?

— Думай.

— Может быть, человеки?

— Ответ неверный.

— Что тогда?

— Еще раз читай.

— И сказал Бог: сотворим...

— Стоп. Почему сотворим, а не сотворю?

— Может быть, это намек на три лица в одном лице? Бог Триедин.

— Молодец! Дальше.

— Сотворим по образу Нашему и по подобию Нашему...

— Стоп. Помимо того, что сам Бог множественен, Он создает человека из двух человеков. Первого — по Своему образу — намек на сходство облика, второго — по подобию — намек на сходство по принципу действия. Он создает человека из двух — внешнего и внутреннего. Читай дальше.

— И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами пресмыкающимися на земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил их.

— Мужчина и женщина составляют одного человека: прилепится муж к жене своей, и будут двое одной плотью.

— И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, над зверями, и над пти-

цами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всякими животными, пресмыкающимися на земле. И сказал Бог: вот я дал вам всякую траву сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя...

— Понятно о чем речь?

— О дереве разума?

— Ну конечно. Разума и веры. Здоровый разум всегда сеет семена веры.

— Вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду, пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал я зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: День шестой.

— Заметь, что Бог творит, как художник: положит мазок, отойдет от холста и оценит, хорошо или плохо. Заметь также разницу между «травой сеющей семя» и «зеленью травной». Это важно!

— Так совершенны небо и земля и все воинство их.

— Стоп. Какое воинство?

— Воинство? Может быть, воинство вас, Ангелов, на небе и нас, человеков, на земле.

— Но о небесных Ангелах не было сказано ни слова.

— Тогда не знаю.

— В слове «воинство» — смысл всего задуманного и осуществленного Богом.

— Да?

— Бог всемогущ. Зачем Ему вообще все это было затевать? Создавать какой-то мир, человеков, птиц, рыб, животных? Чтобы они потом грызли друг друга, страдали, умирали? Зачем это Богу? Как ты думаешь? Зачем весь этот, условно говоря, спектакль?

— Не знаю. Не понимаю.

— Чтобы победить нежизнь.
— Думаю, на это у Бога достаточно сил и без нас.

— Но он создает нас и вас — как воинов, как своих помощников и учеников.

— Все равно не понимаю. Зачем?

— По любви.

— По любви?

— Ну да. Главная мотивация Бога, о которой говорит Библия, — любовь. Что за пределами созданной Богом Вселенной — ни вы не знаете, ни мы не знаем. Но в пределах Вселенной — это так.

— И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые делал. И благословил Бог седьмой день, и освятил его: ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

— Идем гулять.

— Что, дальше не читать?

— Тебе бы прочитанное понять.

Как-никак — семь дней творения.

Хохлев с Ангелом вышли из дома и зашагали по дорожке к парку.

— Скажи мне, что в Библии сказано про строение материи? Мы до этого дойдем?

Ангел по старой привычке сделал круг над головой человека и опустился рядом.

— Ничего не сказано.

— Не понял.

— К примеру, в Библии не употребляются слова — атом, материя. Это выдумки людей. Может быть, никакой материи вообще нет?

— Как это? Вот же материя... Кругом. Вот деревья, земля, по которой мы идем, эти дома — они же материальны.

— Это вы так почему-то считаете.

— А как на самом деле?

— На самом деле — есть живая земля. Мы же про это только что читали. Она имеет живую душу.

— Ну, причем здесь это, человек тоже с душой, но он же материален. Вот мои руки, ноги, — они же состоят из материи.

— Давай поговорим о твоих руках и ногах. И обо всем, что тебя окружает. Заметь, именно окружает, то есть, находится, как бы в круговой сфере, в центре которой ты сам. Ты это называешь материей?

— Допустим.

— Тогда нам нужно говорить об особенностях человеческого восприятия мира. О ваших ощущениях.

— Сейчас скажешь, что материи не существует.

— Как оторванной от воспринимающего её человека — не существует! Никто из людей не скажет, что лежит за границей человеческих ощущений. Ты это и сам прекрасно знаешь. Потому что эта граница и есть твердь небесная. За ней невидимый мир.

— Вот ствол дерева. — Собеседники были уже в парке. — Он твердый. Не будешь же ты утверждать, что твердый он, потому что я его так-то ощущаю? Ощутил, после того, как рукой удостоверился в его твердости?

— Буду!

— То есть, как это? — Хохлев уперся в ствол рукой.

— Глазом твердость не определить. Носом или ухом тоже, если только не прикоснуться этими частями тела к исследуемому предмету. Из пяти органов чувств только одно осязание — через осяпывание предмета — дает представление о его твердости. Кроме этого ощущения, — Ангел тоже ткнул ствол дерева рукой, — а также хранящихся в памяти аналогичных ощущений и представлений у тебя про твердость ствола в голове ничего нет. Об этой твердости ты судишь по сиюминутным ощу-

щениям и своему прежнему жизненному опыту. Вот и все. Разве можно на основании столь скудной информации утверждать, что материя существует вне тебя?

Хохлев медленно побрел по дорожке парка. Долго молчал. Наконец выдал.

— Если все, что ты только что сказал, правда и наши ощущения распространяются только до тверди небесной. И если твердь небесная — это граница мира, постигаемого посредством человеческих чувств... Я правильно понимаю?

— Да.

— Тогда... мы можем определить природу чуда!

— Определить! Природу! Скажи еще строение чуда... Человек! Не берись за то, что тебе не по силам. И будь внимательным в используемых словах. Природу чуда... Ишь, замахнулся. Хочешь чуда творить? Сначала заслужи это право.

— Может, я не корректно выразился.

Ангел смягчился.

— О каком-то, более или менее доступном человеческому уму, представлении о чуде ты говорить можешь. Но не о его природе!

— Тогда я скажу! — Хохлеву очень хотелось поделиться собственным выводом. — Чудо происходит тогда, когда сквозь твердь небесную в видимый мир просачивается что-то из мира невидимого. И это что-то мы воспринимаем с помощью наших органов чувств.

— Ты сказал.

— Не хочешь ни подтвердить, ни опровергнуть?

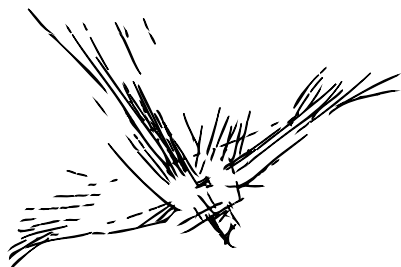
— Не могу.

— Не уполномочен?

— Считаю, что так.

— Ладно, не буду тебя больше смущать. Ты ведь для меня — чудо!

Ангел взлетел высоко над деревьями и чуть не скрылся из виду. Но скоро вернулся.

— Я все-таки хочу понять. Ты сам говорил об атоме, как о неделимом. Помнишь?

— Ну и что? Я просто дал значение слова.

— Но может, атомы все-таки есть?

— Атом — это греческое, дохристианское язычество. Мудрование... Философия... А мы говорим о реальном строении мира. Запомни, в Библии есть вся информация, необходимая человеку. Никаких других книжек можно вообще не открывать. Но Библия — не развлекательная литература. Ее нельзя прочитать один раз и поставить на полку. Ее нужно изучать, анализировать. Перечитывать. Читать сквозным порядком, сопоставляя разные места из разных книг и расшифровывая заложенную в них информацию. Таким образом, человек может двигаться к настоящему знанию. Ты же хотел «настоящего знания вкусить». — Ангел улыбнулся.

— Тогда возвращаемся.

— Хорошо.

Как-то незаметно подкрался вечер. Вернее, предвечерние сумерки. Окна стали зажигаться светом. Водители включили фары машин. И фонари, помигав мертвенно-синим светом, зажглись в полную силу. Владимир поднялся к себе домой и вновь раскрыл Библию.

— Где мы остановились?
— На седьмом дне.
— Почему Бог не творил в этот день?

— Все было уже сотворено.
— Всемогущему Богу тоже нужно отдыхать?

— Ты напрасно иронизируешь, Бог может и наказать за это. Это не просто отдых — это праздник от радости сотворенного. Веселие души.

— Понятно. Больше не буду... Извини. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла; ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли.

— Какой пар? Какое лицо?

— Не знаю.

— Лицо, как ты понимаешь, может быть только у живой сущности. А пар? Это дыхание жизни. И речь здесь о двух землях. Земля под твердью небесной дышит паром и орошает дуновением жизни лицо земли над твердью небесной. Дальше.

— И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою... Подожди. Но человек ведь уже создан. Мы уже читали об этом. Помнишь, в шестой день творения: и сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил их.

— Там речь шла о создании внутреннего и внешнего человека. Здесь только о внешнем, умирающем, который из праха земного. Когда же Бог вдунул дыхание жизни, произошло слияние внутреннего и внешне-

го человека. И стал человек душою живою! Человек только из праха земного не стал бы живым — оставался бы прахом. Читай дальше.

— И насадил Господь Бог рай в Эдеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал.

— Здесь понятно? На востоке — это не географическое определение места, а хронологическое определение времени. Где? В начале времени — на востоке. Откуда начало восходить солнце любви Бога к созданной Им жизни.

— И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая...

— То есть Божественный разум. Бог изначально был готов делиться с человеком всем, в том числе и Своим разумом.

— И дерево познания добра и зла...

— То есть, разум человечества.

— И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

— Вкусил человек от запретного дерева и стал смертным. А мог бы и не знать этого зла.

— И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному: сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их...

— Видеть! Заметь, что для Бога имена, то есть слова, видимы. Не только слышимы. Это говорит о том, что духовным зрением мож-

но видеть слово. Значит, у слова есть плоть. Значит, слово — это не только колебание воздуха — это живая, плотная сущность.

— И чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем тварям полевым, но для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон...

— Многое с человеком во сне происходит, но об этом мы потом поговорим.

— И когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей. Она будет называться женою: ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей: и будут два одна плоть. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

Хохлев услышал взмах крыльев и обернулся.

— Ты где?

Ангел исчез. Просочился сквозь небесную твердь в свой мир и стал недостижим ни одному из человеческих чувств. А жаль. С ним стало интересно.

Хохлев закрыл Библию и оставил её на столе. Долго размышлял над прочитанным и услышанным. В видимый глазами и слышимый ушами мир его вернул телефонный звонок.

06.10.2010

В Новодевичий монастырь Владимир поехал на метро. Вышел на «Фрунзенской», перешел Мо-

сковский проспект... И сразу ощутил значимость события и места для верующих. По тротуару в сторону монастыря нескончаемым потоком шли люди. Пожилые и молодые, мужчины и женщины. Многие с детьми. За общественным порядком — на подходе и в самом монастыре — следил не один наряд милиции. Хохлев заметил даже милицеских начальников — в чёрном «бумере», припаркованном у входных ворот.

Очередь была огромной. Хохлев подошел к двери храма и спросил у молодого человека, сколько времени ему пришлось выстоять... Огорчился — тремя часами он не располагал. Владимир остановился на свободном пространстве и — глядя на золоченые купола — сотворил молитву. Затем обратился к святому через каменные стены церкви. Подробно рассказал о ситуации и попросил помощи.

Когда Спиридон Тримифунтский ответил, в груди потеплело. А головой Хохлев зафиксировал слова: «Слушай своё сердце и ничего не бойся. Я помогу!» После них едва слышным шепотом спросил:

— Я могу идти? Ты не осудишь за то, что я не выстоял эту очередь?

— Святые не осуждают. Они понимают, — знакомый голос Ангела прозвучал откуда-то сбоку. Хохлев обернулся и обрадовался.

— И ты здесь? Спасибо.

Возвращаться к «Фрунзенской» не захотелось. Хохлев зашагал к «Московским воротам». Ангел рядом.

— Ты правильно внял совету, не загордился... Обратился к святому.

— Хотя до этого про него ничего не слышал.

— Христианин должен читать не только Библию... Еще Жития святых, творения Святых Отцов...

— Буду... Раз ты прилетел, можно о другом? Давно хочу спросить про твердь небесную...

— Спрашивай.

— Помнишь, у Тютчева:

*Когда пробьёт
последний час природы,
Состав частей разрушится
земных:
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них!*

Это произойдет, когда Бог уберет границу между видимым и невидимым?

— Да.

— Но пока она стоит:

*Мы видим: с голубого свода
Нездешним светом веет нам,
Другую видим мы природу,
И без заката, без восхода
Другое солнце светит нам?*

— Да. Сквозь твердь.

— И видят это «другое солнце» только поэты?

— Не только. Святые видели, нынешние христианские подвижники видят...

— А обычный люд не понимает, о чём речь... Потому что, как говорил поэт Сергей Клычков:

*Мы отошли с путей природы
И потеряли вехи звезд...*

А он-то как видел:

*Совсем в сторонке лес стоит, как
нищий,
Гнусаво тянет про себя аминь!..
Взойдет луна и словно
что-то ищет
И цедит сверху золото и синь.*

*И у села, куда в овес нежатый
От облака ложится полусвет,
Играют золотые медвежата
И бродит бурый муравьед...*

Как луна может цедить? Хотя — все понятно, как... А вот послушай...

*Знать, до срока мне снова и снова
Знать, и плакать,
и ждать у реки:
Еще мной не промолвлено слово,
Что, как молот, сбивает оковы
И, как ключ, отпирает замки.*

— Любишь Клычкова?

— Да. Гениальный поэт... Можно еще четыре строчки?

*Вьется искр каленый ворох,
Черный, красный хоровод.
Я кую в глубоких норах,
Где земли сомкнулся свод.*

Как слово может сбивать оковы? Чего оковы? Как оно может отпирать замки? Какие замки? Какой свод земли сомкнулся? Ты знаешь?

— Знаю.

— И я хочу... Вот что я уже понял! — Хохлев замедлил шаг. — Ученые, объясняя природу — но, не видя ничего за твердью — хотят властвовать над ней... Получать из водяного пара силу, из энергии падающей воды — электричество. А поэты не стремятся ничего себе подчинить. Они всё видят. И просто рассказывают людям о том, что увидели...

— Вектор мысли верный... Напиши-ка статью с таким названием «Зачем Богу поэты». Не спроси, а Расскажи об увиденном... Ты же поэт!

— Сложная тема, но попробовать можно... Вот что я еще понял: зачем коммунисты уничтожали деревенский быт. Выгоняли работающих крестьян из своих домов и переселяли

в городские бараки. Чтобы люди перестали видеть природу. И через нее Бога... Чувствовать.

— Ты делаешь успехи.

— Знаешь, как я восстанавливаю зрение после недели работы на компьютере? Без таблеток и микстур...

— А что, садится?

— Еще как! Экран монитора мерцает, дрожит... Но на него все время нужно смотреть. В конце дня каждый предмет получает второй контур. А иногда предметы вижу, как бы сквозь воду... Так вот, на даче я подолгу смотрю на деревья. Особенно люблю — на сосны. И глаза, воспринимая живые природные линии, оживая. Зрение восстанавливается... И стихи лучше получаются на природе.

Душа там тоже выздоравливает. От болезней города... Всматривается в природу, вслушивается. Часто сливается с ней. — Хохлев вспомнил что-то, смолк, но вскоре вернулся к собеседнику. — Вот еще из Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик –

В ней есть душа,

в ней есть свобода,

В ней есть любовь,

в ней есть язык...

Эта любовь и восстанавливает...

В этот раз Ангел промолчал, оставил последнее слово за человеком.

09.10.2010

Уставший за день, Хохлев заснул мгновенно.

Где-то среди ночи разболелась спина. Плечи и предплечья, лопатки и поясница. Он долго ворочался, устраивая тело. Боль не утихала, а между лопаток даже усиливалась.

Начал массировать их ладонями, кончиками пальцев, терся спиной о край матраца... Не помогло! Больше того, он вдруг почувствовал, что под кожей спины растет какая-то твердая опухоль, нарыв. Горб? Владимир ничего не мог понять. Может быть, тяжеленные корзины с яблоками, которые сегодня пришлось носить, сплющили один из позвонков? Или межпозвонковый диск? И началось воспаление. Отек мышц.

Горб рос. Хохлев перевернулся на живот, попытался вытянуть и как-то распрямить спину. Растягивал себя руками и ногами в разные стороны. Не вставая, выполнял упражнения из своего гимнастического комплекса. Ничего не помогало.

В спине происходила какая-то революция. Мышцы перетирали друг друга. Хрустели какие-то желваки, суставы, хрящи, кости. Хохлев чувствовал тепло от трения костей. Его переламывало, перемалывало, перетирало. Из-за боли кружилась голова и тошнило. Он встал и принял баралгин. От болей эти таблетки раньше спасали. Владимир вернулся на кровать — на живот и на сложенные руки. Баралгин действует не сразу. Он сжал зубы и стал ждать. Не шевелясь.

Ноги и руки как будто отнялись. Онемели и не желают исполнять команды. Кончики пальцев под одеялом замерзли. В мочки впились тысячи иголок. Затылок стал чужим... Никогда в жизни ничего подобного Хохлев не испытывал.

Вдруг стало невероятно жарко. Мученик свернул одеяло со спины на ноги. Кожа на всё растущем горбу натянулась до предела. Затрещала и разверзлась. Наверное, так трещит земная кора под напором расплавленной магмы вначале извержения вулкана. Хохлев чуть не потерял сознание. Усилием воли

собрал его в одну точку — не дал уйти из тела.

Между лопатками работали жернова. Перетираемые ткани лопались одна за другой. В спину врезались какие-то буры, мышцы захватывались неведомыми зажимами и меняли свои положения и объемы. Наконец, невероятная операция закончилась и боль стихла. Владимир сбросил одеяло с ног. Смог встать. Включил свет и подошел к большому зеркалу. И онемел от увиденного.

За его плечами плавно покачивались два белых — как у Ангела — больших крыла.

Он взмахнул ими и оторвался от пола.

10.10.2010

Утром, после завтрака, он сидел в шезлонге на выстриженной полянке перед домом и смотрел на солнце сквозь сомкнутые веки. Заряжался солнечной энергией на долгую питерскую зиму. Свет солнца был красным.

Хохлев мысленно позвал Ангела.

И тот явился. Мгновенно предстал — во всей своей прозрачно-светящейся красе — перед человеком.

Владимир разомкнул веки.

— И что? Привет! Мне достаточно от тебе подумать, позвать. И ты окажешься рядом?

— Если ты будешь этого заслуживать... Привет! — Ангел протянул руку. — Как жизнь?

— Потихоньку.

— Это правильно! Спешить некуда. Если эта рябина, — Ангел кивнул головой в сторону дерева, горящего алым у колодца, — поспешит созреть раньше своего срока, у неё ничего не выйдет... Так и человеческие дела. Должны идти к своему созреванию медленно... но верно. Чего звал-то?

— Да вот думаю о грани. О солнце, земле...

— И чего надумал?

— Один вопрос. Свет — от солнца?

— Молодец! — Ангел облетел полянку по кругу.

— Если тепло может быть не от огня, то и свет может быть не от солнца.

— Как вариант, могу подбросить такую версию: в театре — перед началом спектакля — свет постепенно гасится при помощи реостата. Почему бы и в природе не предположить некий «реостат». Такой же принцип.

— То есть?

— Свет присутствует в каждой точке пространства постоянно. И, в зависимости от времени суток, то разгорается, то гаснет.

— А солнце работает, как «реостат». Вернее, как возбуждающий рубильник. Командует светом — когда ему гаснуть, когда разгораться...

— Может быть, может быть... — Ангел, подталкивал человека к дальнейшему размышлению.

— В этом случае понятие о скорости света — абсурдно. Ведь он никогда не летит...

— В этом случае — да.

— Почему тогда вот эти тени? — Хохлев помахал руками, чтобы заставить тени от рук двигаться. — Которые, как принято считать, рождаются при солнечном свете. То есть, напрямую связываются с солнцем?

— Вопрос на сто баллов! — Ангел вновь выразил свое восхищение. — Ты же художник... Зачем — когда пишешь натюрморт — ты кладешь на холст тени, рефлексы?

— Для объема форм.

— Вот и Бог — когда «писал» мир — с помощью теней и рефлексов сделал его не плоским, а объемным, пространственным.

— Здорово. Но тогда встает другой вопрос: движение теней по земле подчинено движению солнца по небу. Если через две точки: точку на моей макушке, — Хохлев похлопал себя по темени, — и соответствующую ей точку моей тени, провести прямую линию, один из её концов упрётся в солнце.

— Ты имеешь в виду эвклидову прямую?

— Да.

— Так было бы, если бы и пространство было эвклидовым. Трёхмерным. Но один умный человек, про которого мы уже говорили — его фамилия Лобачевский — опроверг Эвклида и показал, что пространство криволинейно. Не трёхмерно. Что через одну точку можно провести две прямые, параллельные данной прямой. Это означает, что линия, которую ты проведёшь через эти точки, — Ангел тоже похлопал Хохлева по макушке, — не может быть прямой. В кривом пространстве не существует эвклидовых прямых. Я понятия не выражаюсь?

— Более чем!

— Эта линия может быть только кривой прямой. По Лобачевскому. Но упрётся ли прямая Лобачевского в солнце или нет — человекам не определить. Отсюда вывод: движение теней по земле впрямую не связано с движением солнца по небу.

— Случайное совпадение?

— Может быть, и так. — Ангел присел на траву и скрестил ноги.

— А как же солнечные часы, по которым люди определяют время суток?

— А что солнечные часы? Ты же читал Библию. Четвертую книгу Царств. И сказал Езекия: легко тени продвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть вернутся тень назад на десять ступеней. И воззвал Исаия пророк к Господу, и возвратил тень назад на ступенях, где она спускалась... Человек смог повлиять на движение солнечной тени!

Хохлев долго молчал, устраивая информацию. Ангел долго не мешал, но, наконец, встал и заявил:

— Теперь я тебе вопрос задам.

В его руке появилась уже знакомая Владимиру глиняная табличка. На которой было написано какое-то равенство.

— Это формула расчета тяги ракетного двигателя, — Ангел перескочил с темы на тему без всяких предисловий, объяснений — просто так.

— Ну и что дальше?

— Под тягой понимается сила, с которой ракетный двигатель действует на аппарат, им оснащенный.

— Так.

— Вот формула: $P = mWc + Fc$ ($Pc — Pn$), где m — расход массы рабочего тела за одну секунду, Wc — скорость рабочего тела в сечении сопла, Fc — площадь выходного сечения сопла, Pc — давление газов в сечении сопла и Pn — давление окружающей среды. Обычно атмосферное давление. Как видно из формулы, первый член суммы mWc — определяет силу, с которой масса рабочего тела покидает двигатель в течение одной секунды. Понятно, да?

— Пока да.

— Второй член формулы Fc ($Pc — Pn$) определяет силу, которую масса

рабочего тела затрачивает, чтобы преодолеть сопротивление окружающей среды, атмосферы. Таким образом, — сконцентрируйся — сумма этих сил определяет силу, которая возникает между рабочим телом — топливом, покидающим двигатель, и средой. Но никак не силу, с которой рабочее тело действует на сам двигатель, конкретно на стенки камеры сгорания и, конечно, на всю ракету в целом. Понимаешь?

— Пока не очень.

— Ну как же? Формула расчета тяги двигателя — тягу ракетного двигателя впрямую не определяет, только опосредованно. Это означает, что сила, с которой сгораемое топливо давит на стенки камеры, то есть сила, под действием которой ракета отрывается от земли, не определена. Вообще.

— Ну и что?

— Как «ну и что»? В ключевой формуле, с пелёнок знакомой каждому ракетчику, по случайности или по чьему-то злому — не замеченному всеми — умыслу произведена замена понятий... И это только цветочки... Если идти с конца в начало, как ты думаешь, куда мы придем? К кому?

— Я не знаю, — Хохлеву пришлось напрягаться, чтобы успевать за быстрой сменой мыслей Ангела. — И куда? К кому?

— К Исааку Ньютону! У которого мы однажды уже были. И мы обнаружим, что по Ньютону реактивный двигатель невозможен в принципе.

— То есть, как невозможен?

— А вот так! Ты сейчас все поймешь. Вспомни третий закон механики Ньютона, ты его должен знать наизусть.

— Действию всегда есть равное и противоположно направленное противодействие.

— Правильно! Ты хорошо учился в школе. Из этого закона следует, что давление рабочего тела двигателя, то есть топлива, на стенки камеры сгорания равно противоположно направленному давлению стенок камеры на рабочее тело. Газ давит на стенки, стенки — на газ. С той же силой, заметь. Система уравновешена. Так?

— Так.

— Почему тогда ракета летит? Какая сила её двигает?

— Не знаю.

— И никто из людей не знает! И формула расчета тяги ракетного двигателя не знает. Наука круто, можно сказать, кардинально ошиблась. Вы, люди, пошли следом за «великим авторитетом» и не заметили ошибки.

Хохлев встал с шезлонга. Прошелся по полянке взад-вперед. Сел снова.

— Почему летит надутый воздушный шарик, который не завязали?

— Сам ответь.

— Потому что его резиновые стенки давят на воздух, который внутри и как бы отталкиваются от него. Выталкивают этот воздух через незавязанное отверстие.

— Ну, и... Главное?

— Не догоняю, — Владимир усиленно тер лоб и виски.

— Шарик при этом сокращается в размерах. То есть, помимо равно противоположно направленных сил — давления воздуха на стенки и стенок на воздух, при сжатии резиновых стенок в системе высвобождается сила, которая шарик и толкает. А камера сгорания ракеты своих размеров не меняет.

— Более или менее понятно, но для меня это очень сложно.

— Думай, додумывайся.

— Тогда что же получается — в космос летают, не зная как?

— А летают ли? Ты по каким признакам судишь, что летают?

— По телевизионным новостям. По высказываниям космонавтов. По репортажам с орбиты.

— Мосфильмовски-голливудские трюки. На экране телевизора — так, чтобы зрители поверили — можно нарисовать любую правдоподобную чушь. И шарик Земли в иллюминаторе, и людей, плавающих в невесомости... Это кино! А про прыжки астронавтов по Луне — это вообще цирк. Но кому-то надо, чтобы большинство человеков в это верили. Вот вам без конца и показывают «новости с орбиты»... — Ангел притащил второй шезлонг и устроился рядом с Хохлевым. — Чтобы отвести людей от веры в Бога, «ученые» придумали бесконечный космос. Люди верят «ученым» и считают, что планеты — это материальные тела, что к ним можно летать, на них можно высаживаться...

— Нельзя?

— Нет!

— Как же тогда устроена Вселенная?

— Очень просто. В центре Бог. — Ангел стер формулу и поставил на глиняной табличке точку. — Вокруг него облако, которое делает его невидимым даже для нас. — Он обвел точку кругом. — Вокруг облака — пространство, в котором живем мы.

Первый круг оказался заключенным в круг второй.

— Второй круг это «твердь небесная» — граница между видимым и невидимым. А вот земля, на которой живете вы. — На табличке появился третий круг, включивший в себя предыдущие. — Земля действительно имеет форму шара, но ходите вы не по внешней, выпуклой его поверхности, в чем вас пытаются убедить «ученые», а по внутренней,

вогнутой. По тверди небесной движутся светила и звезды...

— И Вселенная не бесконечна!

— И во времени, и в пространстве. Абсолютно верно.

— И полеты в космос при таком строении Вселенной, — Хохлев постучал пальцем по рисунку, — невозможны в принципе?

— Почему, в принципе — возможны. Но в другой космос... Не кинематографический. В настоящий...

— В последнее время в Интернете появились сообщения о том, что случается с космонавтами во время полёта. Некоторые слышат голоса, плачи... Некоторые ощущают себя динозаврами, рычат, лают... Но говорить об этом они не любят, боятся, что их сочтут сумасшедшими...

— Человеческое сознание не защищено от постороннего воздействия...

— Ты говоришь о внушении, гипнозе?

— Да, и не только человеческом. Внушать способны бесы, демоны и прочие темные силы... Внушать, искушать, заполнять ум человека всякими бредовыми идеями... галлюцинациями... видениями... Иногда очень яркими, захватывающими всё воображение.

— Я знаю.

— Ладно. — Ангел встал. — Пора мне. Понадоблюсь — позовешь... Как сегодня.

— Спасибо.

21.10.2010

Во сне Хохлев увидел Ангела.

С мечом. Противляющимся злу насилием.

Небесный воин бился с нечистью. Защищал небо. Рубил головы демонам и бесам.

Он молнией сёк черные воздушы и также — молниеобразно — рассекал тела темных сил. Сотнями, целыми армиями.

Демоны выползали из-под земли, выстраивались в шеренги и наступали. Стремились заполнить собой все пространство света, затмить его.

Взмахи меча были быстры и своевременны, удары точны. Меч врезался в толщи бесовских колонн и рассеивал их. В буквальном смысле расчленил, распылял злые энергии. Лишал их концентрации и силы. Обезоруживал.

Битва продолжалась долго. Хохлеву казалось, что Ангел уже должен устать, что ему на подмогу должны прилететь другие Ангелы. Вооруженные мечами. Этого не происходило.

Сил у Ангела хватало. Он не покидал пространства боя, не выглядел уставшим. Работал красиво, заставляя Хохлева восхищаться своими действиями. Меч сверкал солнечным светом, казался невесомым, нематериальным...

Наконец, наступил момент, когда этот меч замер — все нападавшие были уничтожены. Хохлев вздохнул с облегчением, но передышка была недолгой...

Из-под земли — из-под заходящего на западе солнца — на небо выбирался трехглавый дракон. Как Змей Горыныч из русских сказок. Он дышал огнём и сквернословил, расталкивал своими когтистыми лапами облака и сотрясал небо, как шатёр. Его поддерживали и подталкивали новые, многочисленные бесы и демоны.

Выталкивали вперед.

Ангел спустился к Хохлеву и вручил ему меч.

— Я? Мне? — Владимир в недоумении попятился. — Я не могу, не умею. Никогда не держал меча в руках!

— Это несложно. Двумя руками за длинную рукоять. Вот так, — Ангел показал как. — Это твой дракон! — Небесный воин отлетел в сторону и исчез...

А нога Хохлева вдруг нащупала в воздухе ступеньку невидимой лестницы. За ней вторую, третью... Он собрался с духом, взбежал на небо и замер в ожидании. Сосны сверху — когда почти не видно стволов — казались кустами.

Дракон был уже близко — на подлёте. Хохлев поднял меч — который стал вдруг длинным, как молния — и в ту же секунду обрушил его на первую голову дракона. Голова покатилась вон. Еще два удара — и остальные головы были срублены.

Хохлев — в азарте — продолжал орудовать мечом.

Рубил тело дракона, отсекал шею, крылья, лапы. В конце боя отрубил хвост с ядовитым жалом и присел на облако. Осмотрел небо. Драконы помощники неслись прочь, трясясь за свои шкуры.

Владимир вернул меч подлетевшему Ангелу, смахнул со лба капли пота...

И проснулся.

*Санкт-Петербург,
2011 год.*

МАПП и читающая Европа

Известно, что Сталин с Горьким создали Союз писателей СССР как отдел пропаганды ЦК КПСС. Советский писатель должен был реализовывать ленинский принцип партийности литературы и выдавать «на гора» произведения, восхваляющие советский строй.

При этом писатель не должен был выходить за рамки метода социалистического реализма, инакомыслить и — «не дай Бог» — писать о Боге.

С развалом Советского Союза и падением коммунистического режима развалился и СП СССР. Вместо него появились новые писательские общества и ассоциации.

Среди них самого большого успеха добилась Международная ассоциация писателей и публицистов — МАПП.

« — Изучая окружающий нас мир, трудно не согласиться с тем, что самое изумительное существо, обитающее на этой планете, — homo sapiens, и самое важное в человеке — его душа. Что такое душа? Что такое материя? Мы не знаем. О материи и о духе мы можем судить только по их проявлениям, как мы судим об электричестве, магнетизме. Проявление духа способны наблюдать в самих себе только те, кто рождены от Духа Святого. Вспомните апостола Иоанна, который утверждал, что дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда он приходит и куда уходит...

— Я не читал Библию, — раздраженно вставил оппонент, — и не собираюсь это делать. Так что ваш Иоанн для меня не авторитет.

— Неудивительно, что вы, атеисты, ничего не знаете о духовной стороне человека, — печально произнес профессор. — Люди, подобные вам, отрицающие душу и Бога, напоминают мне глухого человека, который силится доказать музыканту, обладающему прекрасным слухом, что произведения Чайковского и Моцарта — не что иное, как мертвые черные точки и завитушки, расставленные на нотной бумаге неизвестно кем и для чего. Вряд ли глухой убедит в этом человека, который имеет нормальный слух и наслаждается произведениями этих композиторов.

— Мозг, — чеканил сосед, — закономерный продукт развития материи. А душевные проявления — лишь рефлексы этого мозга.

— Но что такое «закономерное развитие материи», — мученически выдавливая из себя профессор, — и кто дал материи способность развиваться? Подобными вопросами вы, поклонники материализма, не утруждаете свои умы. Ваша замаранная в грехах и беззакониях коммунистическая душа не реагирует уже ни на какие мозговые рефлексы. Вы, сами того не замечая, превращаете разумного человека с восприятиями и ощущениями, действующего и рассуждающего, в робота! Робота, безразлично реагирующего на какие-то случайные толчки из внешнего мира. По вашему убеждению, эти толчки таинственным образом заставляют человека думать, чувствовать и ждать, — возбужденно продолжает профессор и, словно гвоздь, вбивает в заключение: — Не кажется ли вам, молодой человек, что это — теория абсурда и не более?

Мартину надоела эта полемика, и он искал момент, чтобы, не обидев словесных дуэлянтов, покинуть зал и подышать свежим воздухом. От фактов, перечисленных представителями противоположных мировоззрений, у него голова шла кругом.

— Извините, господа, — учтиво произнес он, — но я вас на некоторое время покину...

— Да-да, конечно, — бросил профессор, не отрывая взгляда от оппонента.

Мартин спустился в каюту, облачился в куртку, вышел на палубу и оказался в объятиях свистящего ветра. Небо над морем раздвинулось вширь и вглубь, звездной пылью стекая к горизонту. На фоне осеннего небесного панно вытянулась перед ним морская бесконечность, откуда сквозь время и явь пробился к нему острый запахок вселенской скорби. Казалось, что волны вот-вот выбросят из пучины тела тех, с кем недавно он плыл из Таллина в Стокгольм. Мартин вцепился пальцами в холодный поручень и неотрывно смотрел на воду, вспоминая тех, кого ему не удалось спасти».

Марат Каландаров «ВИЗА В ПУЧИНУ» (Рига, 2010)

МАРАТ АХМЕДОВИЧ КАЛАНДАРОВ.
Журналист, военный историк.
Президент Международной ассоциации
писателей и публицистов (МАПП).
Секретарь Правления Союза писателей России.
Автор четырнадцати
документальных повестей и романов.

— Марат, ваша МАПП случайно не «родственница» Московской ассоциации пролетарских писателей? Помните, была такая в 20-е годы. В ней числились Александр Фадеев и Алексей Сурков, Ольга Берггольц...

— Наша МАПП — это Международная ассоциация писателей и публицистов. Прошу не путать. И у нас тоже есть громкие имена. Среди поэтов МАПП — Сергей Лавров, нынешний министр иностранных дел России, Радован Караджич, Александр Городницкий, Михаил Ножкин...

— Как начиналась МАПП?

— История такова. Я работал европейским корреспондентом, представлял издания нескольких стран. Мой офис располагался в Праге. К стати сказать, главного героя ро-

мана «Виза в пучину», журналиста-международника, я срисовал с себя именно этого периода.

Так вот, в то время я приехал в Вену, и один мой знакомый говорит: «Знаешь, тут живет один русский поэт. В советское время он был весьма благополучным. Когда дочка вышла замуж и уехала в Австрию, ему ничего не оставалось, как уехать вместе с ней. Потом дочка разошлась с мужем, и они быстро обеднели. Этим поэтом написаны хорошие стихи, но он нигде не может их издать».

— Как его имя?

— Его реальное имя я никогда не называю. Псевдоним — Аланов. Ты можешь представить, как чувствует себя писатель, который ежегодно издавался, получал приличные гонорары... а потом, в течение 5–6 лет его никто не публикует? Это трагедия.

В то время, да и сейчас тоже, ни одно издательство издавать поэзию не будет, даже если ты хороший поэт. Почему? Потому что поэзия не рыночный товар. Аланов не нашел ни издателя, ни спонсора. Мой знакомый говорит: «Он писал, писал и все в стол. Сейчас уже очень плохо, навести его, поговори».

Я пришел, увидел человека, лежащего на кровати. Правая часть его тела была парализована. Мы разговаривали. Чем я мог помочь? Опубликовать его стихи в «Русской газете». Еще в газете «Вести сегодня» пару стихотворений напечатать. А он мечтал о сборнике, собрал свои творения в тетрадь. Я говорю: «Давайте ваши работы, попробуем что-нибудь сделать. Может, получится, а может, и нет».

Я нашел спонсора, и тиражом 200 экземпляров мы выпустили книжку. Небольшую книжку в тонкой обложке. Прошло некоторое время.

В очередной приезд в Вену я зашел к этому писателю и говорю: «Вот, мы издали вашу книгу». Показываю...

И в это время происходит удивительная метаморфоза. Я вижу, как его парализованная рука — парализованная рука! — медленно, медленно тянется к книжке. Я на это реагирую, а он ничего не понимает.

Я был шокирован. Это на меня так действовало, что я даже говорить не мог, быстро распрощался и ушел. А через два дня он пришел ко мне в отель на своих ногах...

— Чудо какое-то...

— Да, это было чудо. Помнишь, «Лурд» Эмиля Золя? Камень был наверху, и люди к нему шли трудными каменистыми тропами... И вылечивались не от того, что губами касались этого камня — они сами себя лечили. У них внутри, в голове что-то срабатывало. Золя описал абсолютный факт. Тоже произошло и с Алановым.

— И послужило толчком к действию?

— Да. В то время в Праге был Василь Быков. А с Быковым мы дружили. Из моих четырнадцати книг где-то двенадцать посвящены минувшей войне. В них разведка, контрразведка... У Василия Быкова любимая тема — военная. Поэтому мы с ним часто встречались, обсуждали, советовались...

В Прагу его пригласил Вацлав Гавел... В начале 90-х в Белоруссии бедно жили. Гавел его пригласил подлечиться и все затраты взял на себя. Гавел, кстати сказать, был довольно богатым человеком. В камере он сидел как бог. У него был телевизор, у него было все... еду приносили из ресторана.

В то же самое время в Праге был и Владимир Максимов. Мы втроем

встретились, и я рассказал эту историю. Максимов давно жил на Западе и с подобными эмигрантскими судьбами сталкивался часто... А Василь Быков проникся и спрашивает: «Как, чем помочь?»

И мы договорились помогать. Что-то создать. Что мы могли создать, мы себе даже не представляли. В то время ни в одной европейской стране не было Союзов русских писателей — это сейчас они везде. Мы приблизительно прикинули, что нужен какой-то союз или общество. И начали работать.

— С чистого листа? Без какой-либо поддержки?

— Практически да. Потом ушел из жизни Василь Быков, затем Владимир Максимов. И эту телегу мне пришлось взвалить на свои плечи...

— После рассказанного Вами случая, с начала 90-х и до организации МАПП в 2002 году тема помощи как-то реализовывалась?

— Нет, не реализовывалась. Вынашивалась. Как-то частным образом мы, конечно, помогали... В этот исторический период было очень сложно что-либо затевать. Рушились страны. Чехи расходились со словаками, ситуация в Европе была довольно жесткой. Был огромный наплыв россиян. Им нужно было как-то устроиться, многие вообще не понимали, зачем они уехали из России. Было не до писателей.

— Когда люди начали возвращаться к книгам?

— После 2000-го года Я был свидетелем этого очень радостного факта. А сейчас уже, слава Богу, русские зарубежные читатели начинают искать хорошую литературу

ру. Им надоели все эти детективы и фэнтези... Европа завалена этой макулатурой. Коммерческими авторами — Незнанским, Улицкой, Устиновой.

Сейчас начинается ренессанс. Возрождение! Я это вижу по нашей газете.

Ее читают и говорят мне: «Как хорошо, что тут нет скандальных историй, какими забиты российские газеты». Нормальным людям стало не интересно, кто с кем судится, кто кого бросил... Читатель ищет статьи крупных специалистов, материалы хороших авторов. Идет возвращение к настоящей литературе. В Москве, в России это, кстати, тоже ощущается. А на Западе это особенно видно.

— На что Вы делаете ставки?

— Мы публикуем художественные произведения на русском языке. Это первая категория наших авторов. Во второй — профессора университетов и академий, работающая на кафедрах славянских языков. Только что в Москве прошла всероссийская научно-творческая конференция «Северный Кавказ и русская литература XIX–XX веков», организованная филологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова и МАПП. В течение трех дней

с научными докладами выступали ведущие специалисты многих вузов России, а также переводчики и писатели. В этом мероприятии приняли участие более сотни академиков, профессоров и докторов филологии.

Третья категория — это писатели, частично занятые бизнесом с Россией.

— Кого в МАПП больше — россиян или европейцев?

— Европейцев, в основном русских эмигрантов.

— А живущих в России много?

— Когда МАПП начала работать, мы, видимо, выбрали правильную дорогу. Все эти годы мы «угробили» на раскрутку МАПП за рубежом. И уж когда мы стали известны там, тогда мы ринулись в Россию.

Я начал работать с Новосибирском, с другими городами... В Москву мы пришли примерно три года назад. Сегодня в МАПП уже больше сотни москвичей. И довольно серьезные авторы. А в Санкт-Петербург мы только-только заходим. Нас ждет Челябинск, Свердловск и другие большие города.

— Какова численность ассоциации сейчас?

— Три с половиной тысячи. Из этого числа — триста живут и работают в России. Я ежемесячно бываю в Москве, и каждый раз меня ждет 10–12 заявлений о вступлении.

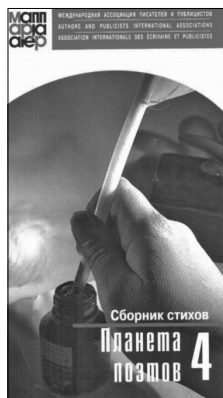
Российский альманах поэзии выходит раз в год. Толстый альманах — там можно увидеть всех ведущих поэтов. С позапрошлого года это издание стало выделять МАПП 30–40 страниц. В нём специально создан отдел «Русское зарубежье». Почему? Да потому что, выступая перед нашими писателями на съездах и конференциях, я говорю: «Господа (или товарищи)

вам следовало бы перестать делить писателей на «мы» и «они». Литературное поле едино. Неважно, где живет автор: в Австралии, в Новой Зеландии или в Пскове... Он русский писатель. Зачастую он пишет не хуже авторов из Москвы.

— Главная задача МАПП?

— Объединить островки русской литературы в один архипелаг. И нам кое-что удалось. В сорока странах мира нам удалось найти русских писателей. И сейчас, когда в Москве я представляю автора из-за рубежа, мне говорят: «Боже мой, а мы и не знали, что есть такой хороший автор».

Недавно в Монреале вышел наш сборник «Планета поэтов-5», в котором опубликованы поэты из Азербайджана. Так вот, в Монреале ко мне подходит человек и говорит: «Я здесь живу уже сорок лет и впервые за все это время читаю современного азербайджанского поэта!» Это достижение МАПП.

Мне часто задают такой вопрос: «Господин Каландаров, вы по национальности узбек, гражданство у вас латвийское, что вы носите с этим русским языком?» Я отвечаю: «Русский язык — это мой рабочий инструмент. И неважно,

где я живу. Я хоть и узбек, но на узбекском языке не пишу. Я живу в Латвии, прекрасно знаю латышский язык — но и на латышском не пишу. Русский язык мой — и я его несу по миру». Кстати, в прошлом году вместе с московскими коллегами МАПП провела первый в России фестиваль славянской поэзии, в которой приняли участие литераторы 22 стран Европы.

— У МАПП есть конкуренты.

— У нас конкурентов нет! Сейчас практически в каждом государстве (особенно в европейских странах) существуют союзы русских писателей. Нам они не конкуренты, потому что работают — каждый в своей стране. А мы объединяем почти сорок стран мира.

Проблема в чем? Журналов в Европе — пруд пруди, огромное количество. Но они слабые. А вот такой сильный журнал, как, например, «Наш современник» Станислава Куняева, туда не попадает. Поэтому в нашем журнале появилась рубрика «Сегодня у нас в гостях журнал «Наш современник». Мы выделяем 30–40 страниц и показываем лучшие публикации. Аналогично — с другими журналами. Таким образом, мы знакомим читателей со всем происходящим на литературном поле.

— Часто во время реализации какого-то хорошего дела, а МАПП — это хорошее дело, кто-то на него «кладет глаз» и начинает палки в колеса вставлять... С подобным вы сталкивались?

— Сталкивались — не то слово.

У нас был случай, когда человек принимал новых членов в МАПП, собирал взносы... И вместе с взносами исчез. Естественно, мы его выгнали. Объяснили публике, в чем дело, потери компенсировали...

Потом начинается война — какую только грязь на МАПП не льют. Число завистников и недоброжелателей растет у того, кто что-то делает. Умеет делать.

— Круг вашего общения в разных странах огромен. Как наблюдательный человек могли бы вы определить степень (или процент) присутствия русского слова, русских идей в мире. Насколько русский ум, русская душа поднимает «общую температуру» мира?

— Если говорить о литературе — Русь доминирует испокон веков. Новые веяния моды формируются в Париже, настоящая литература — всегда в России.

— А Пушкин в Байрона подглядывал...

— Ну и что, что подглядывал? Русскую литературу люди знают и любят во всем мире. Конечно, в советское время переводилось больше наших авторов. Но и сегодня перед русской литературой снимают шапки везде.

И не только перед литературой. Перед русским духовным миром... Мы совместно с издательством «Континент» проводили литературный форум европейских стран. Могу сказать, что процентов 70 лучшей прозы и поэзии сейчас дают славянские страны.

Я открывал литературный форум «Читающая Европа», который проходил в Риге. По условиям Евросоюза, форум мы должны были вести на английском языке. Но когда мы увидели, кто приехал, когда оценили значимость присутствующих авторов — оказалось, что лучшие из России, Болгарии, Хорватии, Сербии, Польши, Венгрии, Чехии... И стали вести на русском.

В Скандинавии, Германии тоже есть нашумевшие авторы, но это не означает, что они двигают литературу вперед. А славяне буквально тащат.

— Если лучшая литература в славянском мире, насколько он способен влиять на события... Часто говорят: Россия проиграла Западу информационную войну. Литература — это же информация.

— Для того чтобы бороться и «влиять», надо под это дело выделять деньги...

Вот Путин с трибуны заявил: «Надо нести русское слово по миру!» Мы и так несем по миру это русское слово, выпускаем газеты, журналы и прочее. И могу сказать, вся эта работа — это наша инициатива, все затраты — из нашего кошелька. Россия ни цента не выделила. За все десять лет. О какой борьбе можно говорить, если русские издания — журналы и газеты при помощи каких-то спонсоров возникают, а потом умирают.

Как борется Голливуд? Как пропагандируется так называемый «американский образ жизни»? Тут и прокат, и ТВ, и кассеты, и книги, и диски... Непрерывающаяся пропагандистская компания.

А у нас с какой газетой ни поговори — везде жуть... Создали фонд «Русский мир». Закачали туда деньги — я был на открытии фонда, гово-

рили: «Мы сейчас будем помогать». Что получилось в реальности? Газеты фонд сразу отказался поддерживать. Журналы тоже... И куда деньги уходят? Вот, например, на русский КВН в Париже... Смешно.

Российское государство сейчас не хочет, чтобы мы выигрывали в информационной войне. Я действительно иногда думаю, зачем мне, узбеку, вкладываться в русскую литературу... Вот вам последний пример. На обложке одного журнала читаю: «В России прошел первый фестиваль славянской поэзии, а провел его иностранец». О чем тут говорить? О какой победе в информационной войне можно мечтать?

Россия может пропить в день сто миллионов. Мне известны такие случаи. Может банкет закатить...

— Как получилось, что Вы, по профессии журналист, военный историк, с головой окунулись в литературные струи? И живёте в них...

— Это началось так. Когда первые отряды поехали строить БАМ, мне очень захотелось своими глазами увидеть эту стройку. В то время попасть на БАМ можно было только пройдя фильтр ЦК КПСС. Конкурс я прошел. Приехал, посмотрел... а потом мне в ЦК говорят: давай выкладывай книгу о БАМе. Так я написал первую книгу.

Потом вторую, третью... и пошло. Я работал в разных газетах. Но постоянно писал не только статьи. Серьезно литературой начал заниматься после одной истории...

В Псковской области я совершенно случайно познакомился с бывшим председателем подпольного обкома партии, Виктором Абрамовичем Акатовым. Мы с ним поехали в лес за грибами. Ответ он меня в какую-то глухомань... Идем, и вдруг я вижу что-то похожее на стартовую

площадку. Среди леса, буреломом... взлетная полоса. Я его спрашиваю: «Виктор Абрамович, что это такое?» А он так спокойно говорит: «Это взлетная полоса для ФАУ-1».

Я много лет занимался военной историей и был убежден, что на восточном фронте у немцев такого проекта не было. А он начинает рассказывать о том, что, оказывается, готовился удар ракетами ФАУ по Ленинграду. Мощный удар! На Псковщину доставлялись ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2. Но никто об этом никогда ничего не писал. Я не поверил и начал постепенно расследовать это дело.

Акатов рассказал, как он наблюдал за немцами и регулярно докладывал командиру Специального батальона ленинградских чекистов. Я вышел на этого командира. Потом постепенно — на других людей. Собрал свидетельства участников, случайных свидетелей и выяснил, что страшный удар немцы действительно готовили.

Когда материал был собран, прихожу в «Литературную газету» и обо всем рассказываю Александру Чаковскому, автору «Блокады». Он говорит: «Это очень интересно! Пиши». И я написал.

Так получилось, что я открыл новую страницу военной истории. Началось все с документального очерка, потом уже я написал документальную повесть.

— Но удара не было.

— В срыве этой операции участвовали и псковичи, и партизаны Беларуси — ФАУ везли по железной дороге. За этими ракетами охотились все — французы, польские патриоты, белорусские партизаны, смоленский спецотряд и так далее. Взрывали эшелоны и не знали, что взлетало в воздух. А взлетали металлические корпуса этих ракет. Начинку немцы везли

отдельно. И планировали собирать ракеты непосредственно на стартовой площадке в псковских лесах.

Для сборки ФАУ немцы привезли туда 3000 заключенных. Пленные знали: тот, кто прикоснется к тайне ракет ФАУ — подлежит ликвидации. Понимая, что им все равно конец, заключенные становились вредителями. Два провода перепутают или еще что-нибудь... И при испытаниях каждая вторая или третья ракета не взлетала. Или взрывалась. Или меняла маршрут. Я собирал свидетельства о том, как реагировал на это Геббельс, Гитлер... Потом вышла книга «Замерзшая молния». По существу, этим расследованием, уже на международном уровне, я занимаюсь всю жизнь. Почти 50 лет.

— Когда я увидел Вас как бы в двух ипостасях — писателем и журналистом, вспомнился роман Богомолова «Момент истины»...

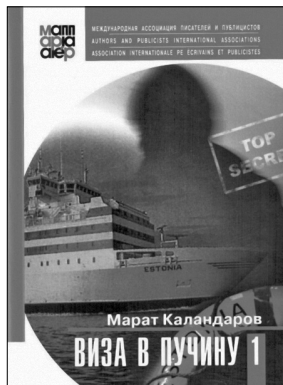
— По-которому поставлен фильм «В августе 44-го».

— В книге «Виза в пучину» вы используете похожий прием. У Богомолова идет вымысел, вымысел, вдруг — донесение СМЕРШа или телеграмма из ставки... Как бы реальные документы. И возникает ощущение реальности всего повествования.

— Да. Но у Богомолова много выдуманного. А у меня... в рубриках «Факты и комментарии» идут настоящие факты. Сегодня, к примеру, можно зайти на сайт Министерства обороны Швеции, другие сайты и обнаружить их там. А в литературной части, где мы с немецкой журналисткой ведем расследование «на пару», тоже факты. Взятые из моей работы европейским корреспондентом. С небольшой долей вымысла.

Мы расследовали очень громкие дела.

Например, выяснили, как в Европе людей продавали, как рабов. Этим занималась русская мафия в начале девяностых. Я сам себя продал в рабство. Пошел туда, где отбирают документы, паспорта, лишают всех прав... Из рабства я давал репортажи в свою газету.

— Вы продали себя ради репортажей?

— Да. Ради этого. С этой истории начинается «Виза в пучину». Один из героев «Визы...» действительно был рабом. Мы там с ним случайно встретились.

Чтобы написать репортаж из подводной лодки, я ходил на подводной лодке.

Я всегда выбирал нестандартные темы. Чтобы написать о том, что ощущает земной человек, когда проходит два звуковых барьера, я летал на истребителе. Долго сам себя готовил. Репортаж начинался так: «Перед глазами туман и я вижу, как в тумане плавают сапог. Вагон, глаза... потом все это соединяется в некий человеческий образ. Ах, да, шепчет мне мозг, ведь губы что-то говорят, прислушайся... «Ну-с, как чувствуете себя, молодой человек?».

Это военврач. Ему надо что-то отвечать. Я беру себя в руки: «Прекрасно доктор, прекрасно». Он так смотрит: «Ну-ну!» Я вижу, как его тонкие пальцы скользят по клавиатуре, и в следующую секунду стол, стул и сам доктор превращаются в черно-белую черту. Центрифуга уносит меня...»

Так начинался мой репортаж. Месяц меня испытывали. И я взлетел! Прошел два звуковых барьера. Более того, все свои ощущения я передавал по радио. Репортаж «Восходящая спираль» был опубликован в «Неделе». С этим материалом я выиграл конкурс «Репортерскими тропами» и был признан лучшим репортером Советского Союза.

На БАМ ездил три раза. Я был советским журналистом. А всех иностранцев сажали в поезд, который шел по уже проложенной колее. Она шаталась, но была уже проложена. Что можно было написать, когда коlea уже готова? Я говорю руководителю из отдела пропаганды ЦК КПСС: «Мне это неинтересно. Давай, я поеду куда-нибудь самостоятельно». Он отвечает: «Зимой в декабре! Ты же умрешь там». Я говорю: «Не умру. Хочу в тайгу». Он вызывает вертолет и говорит: «Везите этого, куда он скажет». Так я увидел натуральный БАМ. И написал книгу «404-й километр». Про тот БАМ, где люди не знали, что такое свет. Где были только геологи, местные охотники, где лесорубы прорубали первую просеку под ЛЭП.

Это была моя жизнь. Я всегда рвался туда, где были экстремальные условия.

— Что в человеке, на ваш взгляд, самое ценное? Что вы лично цените более всего?

— Что самое ценное? Я думаю, сила человека в его сердце. Если он человек, для меня неважно его образование, ученая степень. Это

не показатели. Самое ценное — душа и сердце. Есть у нас очень образованные люди, но из-за их бесчеловечности с ними очень трудно.

— О чем бы Вы попросили Бога?

— Был такой очень интересный писатель — Дымов, тоже член МАПП. По его сценариям поставили несколько фильмов. Он ходил по школам и в каждом классе задавал маленьким детям один вопрос: «Что бы ты попросил у Бога?» Он собрал в своей книге любопытнейшие ответы, я хочу ее переиздать.

Я бы попросил у Бога одного: чтобы в мире был покой. Поменьше революций. Я сейчас с содроганием смотрю, как в Москве собираются, собираются... Раскручивается какая-то волна.

Люди не понимают, что каждая революция — это кровь. Революция — это когда страну на 20–30 лет бросает куда-то в другую сторону. Когда вылезает всякая нечисть, бандитские группировки... Когда человек теряет все, что нажил.

Я попросил бы у Бога, чтобы не было никаких революций. И чтобы не было никаких войн. Вот моя единственная просьба.

**Беседовал Владимир Хохлев
Апрель 2012 года**

Алексей Кривцов

ИСКУССТВО ПОРТРЕТА

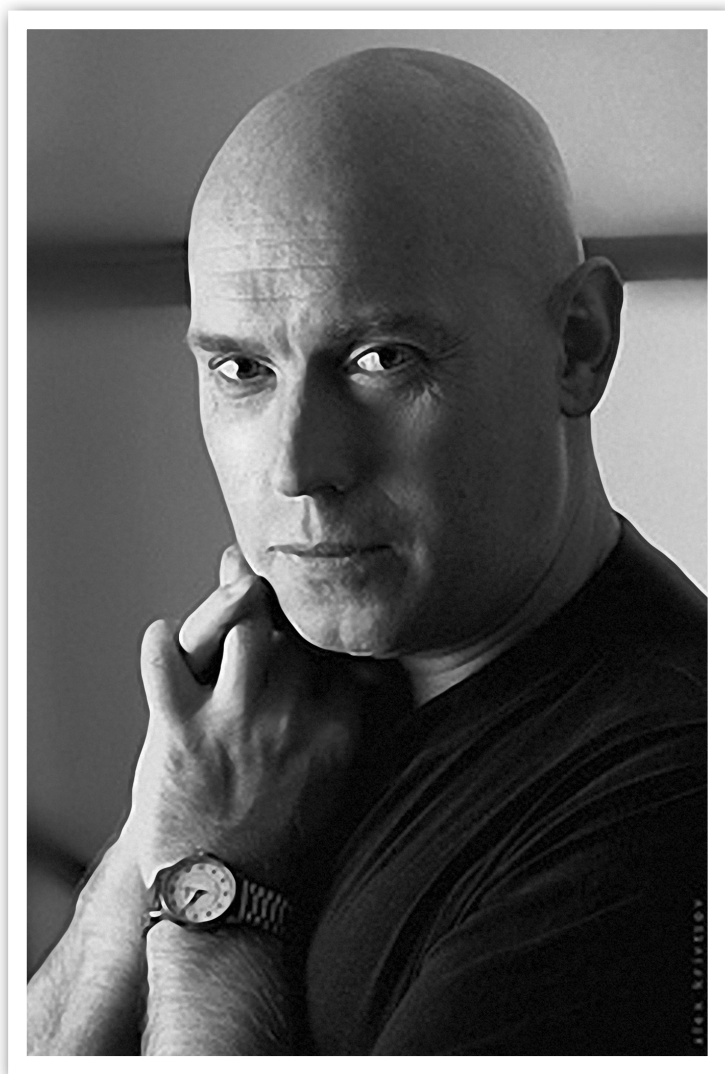
Вернисаж

Не каждый художник способен через портрет открыть зрителю божью искру таланта, которым человек наделен.

Остановить мгновение и запечатлеть образ.

«НС!» представляет портреты, выполненные петербургским фотохудожником Алексеем Кривцовым.

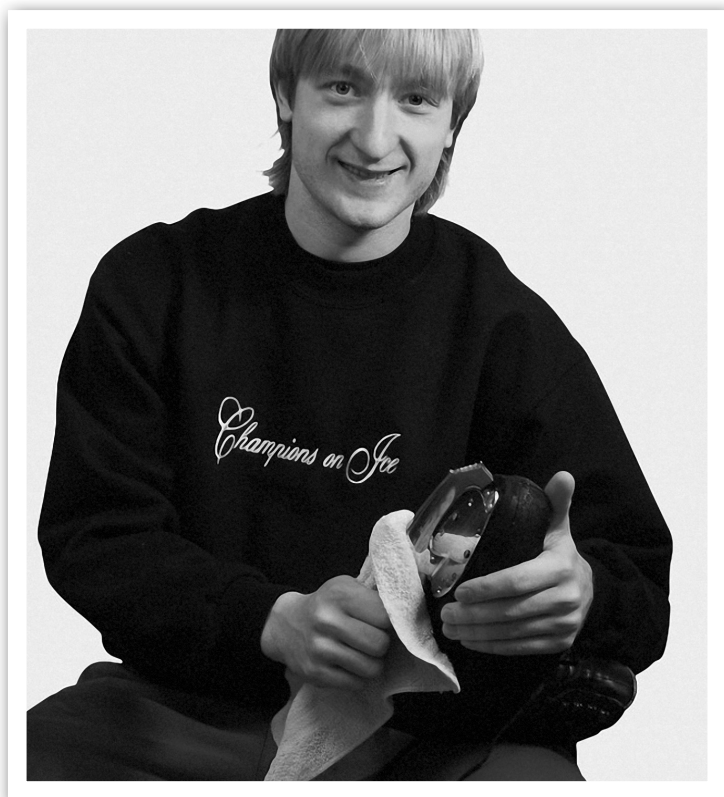
Без комментариев.

ВИКТОР СУХОРУКОВ
Актер

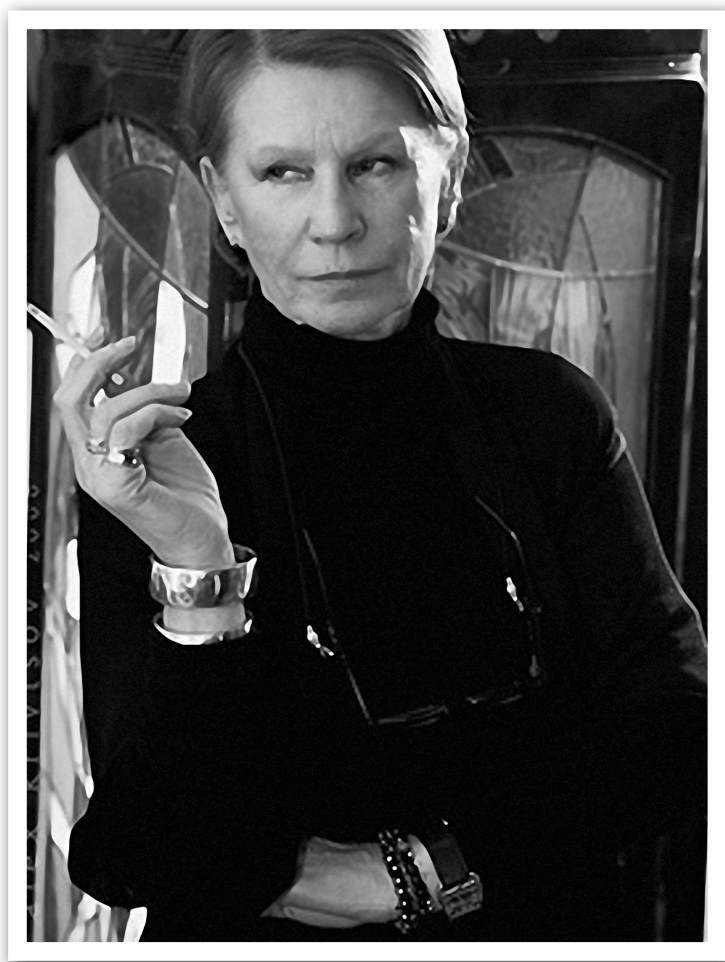
АННА КОВАЛЬЧУК
Актриса

ЕВГЕНИЙ ПЛЮЩЕНКО
Олимпийский чемпион по фигурному катанию

ЗАРА
Певица

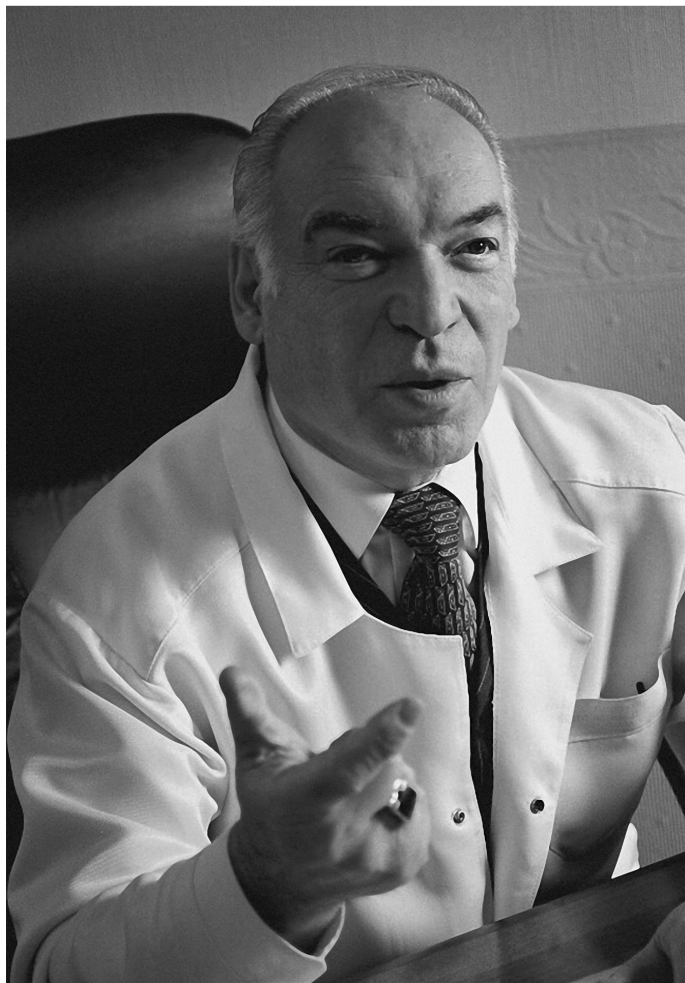
ТАТЬЯНА КОТЕГОВА
Модельер

ТАТЬЯНА БУЛАНОВА
Певица

АНАСТАСИЯ КОЛЕГОВА
Солистка балета Мариинского театра

ЭДУАРД АЙЛАМАЗЯН
Директор Института акушерства и гинекологии имени Д. О. Отта

АНАСТАСИЯ МЕЛЬНИКОВА
Актриса

Валаам

Валаамский архипелаг расположен в Сортавальском районе Республики Карелия, в северной части Ладожского озера, в 22 км от материка. Площадь архипелага, состоящего более чем из 50 островов, составляет 36 км². На крупнейшем острове Валаам расположен знаменитый Валаамский монастырь.

14 декабря 1989 года четыре иеромонаха и два послушника первыми из нынешней братии Валаамской обители ступили на заснеженный берег Никоновской бухты спустя почти 50 лет после исхода монахов с острова.

С тех пор этот день здесь считается праздничным.

Валаамский монастырь

Валаам остался на своем граните, — «на луде», как говорят на Валааме, — на островах, в лесах, в проливах; с колоколами, со скитами, с гранитными крестами на лесных дорогах, с великой тишиной в затишье, с гулом леса и воли в ненастье, с трудом — для Господа, «во Имя». Как и св. Афон, Валаам, поныне, — светит. Афон — на юге, Валаам — на севере. В сумеречное наше время, в надвинувшуюся «ночь мира», — нужны маяки.

И. С. Шмелев

Точной даты основания Валаамской обители сейчас, пожалуй, не сможет назвать ни один историк. По разным историческим документам Обитель (монастырь основан гораздо позже) возникла на затерянном в водах Ладоги острове на рубеже XIII–XIV веков. Достоверно известно, что в 1240 году армادا из пятидесяти шведских галер под командованием Ярла Биргера двинулась через Ладогу на восток. Цель — Великий Новгород.

«Войдя в Неву, одним махом смели они новгородскую стражу, прошли вверх по течению еще 20 миль и в устье Ижоры встали на отдых. В Новгород был послан гонец с вызовом молодому князю Александру. «Дерзай, если сможешь». И Александр Ярославович дерзнул!»

Шведы были разбиты, а князь Александр с тех пор именуется Невским. Вскоре между королей (Карелия) и Новгородом возникает военно-политический союз. Битва за северо-запад Руси идет еще длительное время. Валаам оказывается на «переднем крае обороны». При каждом своем набеге шведы разоряют монастырь до основания, поэтому летописей не сохранилось. И хотя, более северный, Соловецкий монастырь стараниями братии был превращен в крепость, с Валаамом ничего подобного не произошло.

В 1611 году шведы осаждают Изборск, Псков, Новгород, фактически весь северо-запад Руси. Конечно же, на их пути был и Валаам. Монастырь вновь разрушается до основания, погибает вся братия. Уцелевшие перебираются в Старую Ладогу. Жизнь Валаама затихает. «Над обезлюдевшими островами валаамского архипелага текло время. Прошел век, в январе 1705 года шведы были изгнаны из северного Приладожья Петром Великим. Проходит еще 10 лет. И лишь в 1715 году по указу Петра монастырь возобновляется».

В 1720 году был отстроен деревянный ансамбль Спасо-Преображенской церкви с колокольной и келейными корпусами. Спустя 10 лет появилась Успенская церковь. В 1752 году монастырский комплекс был обнесен деревянной оградой. А в 1754 г. случился пожар, истребивший эти первые постройки. Благодаря поддержке императрицы Елизаветы Петровны монастырь восстановили, но монашеская жизнь в нём еле теплилась: в 1765 г. в обители жили всего 11 монахов.

Главным архитектором Валаама суждено было стать иеромонаху Саровской пустыни Назарию. В 1782 году Святейшего Синода Назарий становится настоятелем Валаамского монастыря. В конце XVIII — начале XIX века монастырь благоустраивается.

Соборный храм Преображения Господня был освящен в 1794 г. В его нижней церкви покоились мощи преподобных Сергия и Германа. Вокруг собора были квадратом сооружены корпуса келий. По углам квадрата возвышались Успенская и Никольская церкви. К зимней Успенской примыкали ризница и библиотека. В 1805 г. возведена надвратная церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Над Валаамом возвышается огромная монастырская колокольня, ее высота — 38 м. Самым большим среди валаамских колоколов был 1000-пудовый колокол, отлитый в честь апостола Андрея Первозванного.

В 1839 году на пост настоятеля был назначен отец Дамаскин. За 35 лет своего руководства он добился удивительных результатов в ведении сложного монастырского хозяйства. При нем на Валааме и островах действовало несколько пекарен, больница, аптека, баня, различные мастерские, дававшие продукцию не только для монастырских нужд, но и для продажи на рынке. Особое внимание о. Дамаскин уделял строительству, которое в 1844 году, благодаря налаженному регулярному пароходному сообщению, стало развиваться особенно быстро, планомерно и качественно. Отец Дамаскин добился разрешения проводить строительство на острове только под руководством дипломированных архитекторов. Первым, кого он пригласил, был архитектор академик А. М. Горностаев.

Отец Дамаскин установил очень жесткие правила монастырской жизни. Попавший сюда не имел возможности покинуть остров: монастырь начинался еще с XVI века использовался в качестве места ссылки для духовных лиц (уход из монастыря был запрещен до начала XX века). Дамаскин отменил отшельничество, утвержденное предшественником. Почти все работы на острове выполняли монахи; наемные рабочие и приписанные к монастырю крестьяне занимались в основном строительством и прокладкой дорог.

Валаамский монах

После смерти Дамаскина монастырем управлял его помощник Иван Дмитриев (Ионафан II), который, помимо активной хозяйственной деятельности, привел в порядок богатейшую монастырскую библиотеку. К середине XIX века монастырь напоминал маленькое государство со своим самодержцем-настоятелем, духовной полицией (старцы-духовники), а также натуральным хозяйством, торговлей, финансами. В начале XX века на острове проживало около 1000 человек.

Революционные события 1917 года и отделение Великого княжества Финляндского от России нанесли серьезный удар по иноческому братству Валаама. Архипелаг остался в составе Финляндии, и монастырь оказался в положении церкви национального меньшинства (большинство финских церквей — лютеранские). В 1925 году службы стали проводиться на финском языке, в 1933 году сократилось число монахов. Острова архипелага превратились в укрепленный район, оборудованный фортификационными сооружениями, дальнобойными орудиями и наблюдательными вышками.

Во время советско-финской «зимней» войны, когда шла борьба за Карельский перешеек и водные пути Ладоги, монастырь бомбили, а братия, принявшая к тому времени финское подданство, покинула Валаам. Монахи увезли с собой все самое ценное — иконы, церковную утварь, облачения, книги и колокола. Спустя несколько лет они приобрели усадьбу Папиниеми в местечке Хайновеси (Финляндия). Там возник монастырь, получивший название «Новый Валаам» и ставший центром православного монашества в Финляндии. В 1945 году этот монастырь был присоединен к Московской Патриархии, но экономически остался подчинен финской православной церкви. В 1977 году там прекратились службы на русском языке, а в 1981 умер последний русский монах.

А на Валааме шла иная, непривычная для этих мест жизнь. В сентябре 1940 года в монастыре была организована школа боцманов и юнг, и через год юные моряки были направлены на фронт. На Валааме обосновались финские войска, пробывшие там до капитуляции Финляндии. По окончании войны на островах архипелага разместилось подсобное хозяйство Питкярантского целлюлозного завода, было образовано лесничество, восстановлена монастырская метеостанция. Уцелевшие храмы и часовни за ненадобностью разоряли, взрывали и сжигали.

В 1950 году на Валааме устроили Дом инвалидов войны и труда. В монастырских и скитских зданиях жили калеки, пострадавшие во время Великой Отечественной войны, больные туберкулезом, умственно отсталые и просто доживающие свой век старики. Монастырские постройки не считались памятниками истории: комиссия архитекторов не сочла сооружения Валаама ценными в архитектурном отношении.

Но в конце 1950-х годов на острова начали приходить первые туристические теплоходы. Спустя десять лет 9 монастырских зданий получили статус памятников истории и культуры Карелии. В 1979 году на острове был организован историко-архитектурный и природный музей-заповедник, а еще через 2 года началась реставрация памятников.

В 1984 году Дом инвалидов закрыли. Затем, в конце 80-х, утвердили генеральный план развития музея-заповедника, в котором было предусмотрено строительство нового поселка (в стороне от исторической застройки), грузового и пассажирского причалов в Монастырской бухте, аэропорта местных линий и прочих объектов инфраструктуры.

Но в реальности получилось по-другому: в декабре 1989 года, в день памяти Андрея Первозванного, на берег Валаамского острова вступили православные иноки. Их было всего шестеро. Через три года Валаамский монастырь передали Русской православной церкви. Небольшая монашеская община взялась за дело возрождения монастыря. Сейчас число братии насчитывает 200 человек.

Из Санкт-Петербурга на Валаам и обратно — за один день

Отправление/Прибытие: Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 36
Теплоход: скоростное судно на подводных крыльях — **Комета 9.**

Уважаемые гости и жители Санкт-Петербурга!

Судходная компания «НеваФлот» приглашает вас совершить однодневное путешествие на остров Валаам. Отправление из Санкт-Петербурга с 25 мая по конец августа, в 07:30 от причала на набережной Макарова, 36, (начало регистрации в 07:10), время возвращения в Санкт-Петербург — около 22:30. Время в пути в одну сторону — 4 часа 20 минут.

Судно следует вверх по реке Неве, мимо крепости Орешек и выходит в Ладожское озеро. Экскурсовод рассказывает об истории реки, исторических местах и памятных датах, о Ладожском озере, об истории острова Валаам и монастыря. Ориентировочное время прибытия на остров Валаам 12:00.

До подхода к острову экскурсовод предварительно знакомит туристов с правилами пребывания на территории монастыря. После высадки на остров в Никоновской бухте туристов принимают экскурсоводы паломнической службы монастыря и проводится первая часть экскурсионной программы с посещением скитов Валаамского монастыря.

По окончании первой части экскурсии гости острова Валаам обедают в монастырской трапезной. После обеда туристы вместе с местными экскурсоводами возвращаются на судно и переходят в Монастырскую бухту острова. Переход занимает около 15 минут.

Вторая часть экскурсии начинается примерно в 14 часов в Монастырской бухте острова, где туристы посещают Спасо-Преображенский мужской монастырь, верхний и нижний храмы, монастырское каре, прилегающие памятники и живописные места. После завершения экскурсии в Монастырской бухте туристы возвращаются на судне в Никоновскую бухту. В 18:00 судно отправляется в Санкт-Петербург.

Для многодневного пребывания на острове существует возможность размещения в гостиничном комплексе и предоставления расширенной экскурсионной программы.

Подробную информацию можно узнать в офисе «НеваФлот» по адресу:

СПб., Спасский переулок, дом 14/35, офис 411 (4-й этаж)

или по телефонам: (812) 448-07-44, 457-09-95, 8-921- 755-16-55

www.nevafлот.ru E-mail: nevafлот@mail.ru

Судоходная компания «НеваФлот» желает Вам приятного путешествия!